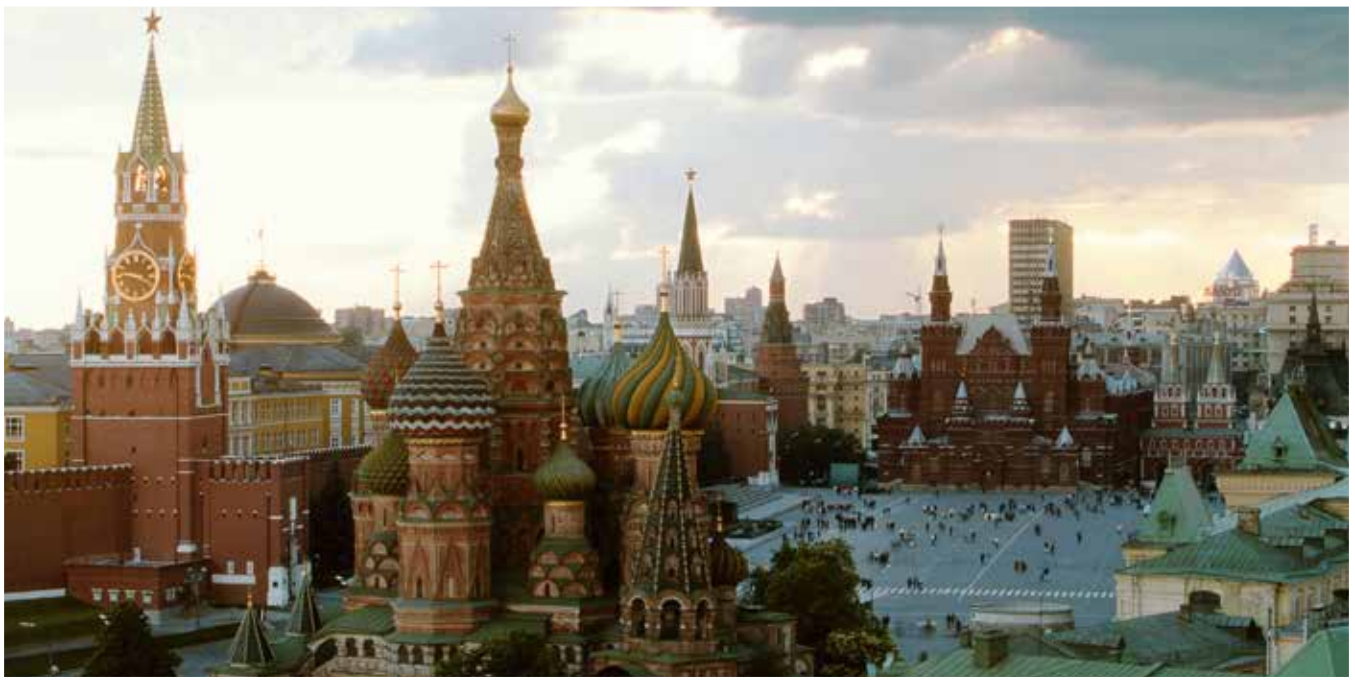
РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№175/9–10 (5046)
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 2026

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com



РОССИЯ *и* ПРИБАЛТИКА

9 772046 868005

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece €5.50
France , Spain €5.60
Switzerland ..... 5.60 CHF
Hungary .....2290 HUF
Poland ..... 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ»

НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP
По странам Евросоюза – 70 EUR
Остальные страны – 88 EUR

ГОДОВАЯ электронная подписка – 30 EUR

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала «Русская мысль»:
russianmind.com/payment/

2. Оплата через платформу Isubscribe:

ВАЖНО:
После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ПРИБАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

Как замечательно было всего несколько десятилетий назад отправиться в Прибалтику! С чистенького Рижского вокзала, немноголюдного, уютного (недаром рязановский «Вокзал для двоих» здесь снимали) экспресс мчал практически за границу. Литва, Латвия и Эстония, конечно же, были советскими республиками, но не покидало ощущение поездки в другой мир – с вкусным кофе, изысканными закусками, европейской модой, музыкой Паулса, янтарем и соснами, размеренным ритмом жизни! Не было пограничников, проверки документов и багажа…

Увы, и тогда в том, как бы европейском мире, местные жители здоровались с прибалтийской холодностью, а продавцы не с первого раза отвечали на вопрос, заданный по-русски.

Теперь ни в Ригу, ни в Таллин, ни в Вильнюс не съездить, не слетать без особых причин. История отношений балтийских стран и России давно уже стала историей ненависти. Наши пенсионеры в Латвии оказались вне закона – сдать языковой тест практически невозможно; школьников принудительно отрывают от русского языка; нашим многочисленным соотечественникам категорически не позволяются никакие конструктивные инициативы. Конечно, все факты дискриминации неукоснительно фиксируются в ежегодных обзорно-аналитических докладах МИДа России. Отмечается, что страны Балтии создали в современной Европе мрачный прецедент: под знаменем европейских ценностей созданы государственные машины по массовому вытеснению русского языка и выдворению граждан, отдавших этим странам десятилетия жизни и работы.

В спецвыпуске «Русской мысли» немало материалов о сегодняшнем состоянии российско-балтийских отношений, причинах конфликта.

Мы вспоминаем балтийцев, которые сыграли немалую роль в российской истории и культуре, а также замечательных поэтов, которых блестяще переводили в Советском Союзе. Пишем о снесенных памятниках освободителям и попытках уничтожения памяти о русских деятелях культуры, живших в Прибалтике.

Вспомнились строки Риммы Казаковой:

Ты приходишь, Прибалтика,
как корабль из тумана,
от петровского ботика,
от пустынь океана.
Простираешься, сизая,
смутно и непогоже.
Не моя, не российская,
но российская тоже.

С этим и живем.

Леонид Колпаков

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№175/9–10(5046)
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 2026

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Кирилл Привалов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Леонид Колпаков
lk@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ И ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энденджян
karina@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИК
Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
RuMind DOO, ул. Юрия Гагарина 231,
11073, Белград, Сербия.
Регистрационный номер 21962945
Генеральный директор Константин Филимонов

ТИПОГРАФИЯ:
ArtPrintMedia DOO, ул. Профессора Грчица 2,
21000, Нови-Сад, Сербия.
Регистрационный номер 20686375

РУССКАЯ МЫСЛЬ (ISSN)
2046-8687 | 2046-8695

ОБЛОЖКА:

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:
ru.wikipedia.org, en.wikipedia.org, wikireading.ru, slova.org.ru; *фото:* wikimedia.org/wikipedia/commons, commons.wikimedia.org, ozone.ru

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной инфаормации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией.

ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

6 РОССИЯ И ПРИБАЛТИКА: ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

В государственной стратегии, формирующей национальное сознание, прибалтийские правящие элиты сделали ставку на демонизацию России.

ОБЩЕСТВО

12 РУССКИЕ В ЭСТОНИИ

В Эстонии русским не только не дали равные права, русским не оставили возможности создать полноценную диаспору.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

22 ЯНТАРНЫЙ ОСЕЛОК РОССИИ

Остзейцы дорожили честью и эполетами, достойно служили царю, а значит – России, многонациональной стране, ставшей их родиной.

28 «ХРАБРЫЙ ТОВАРИЩ, ЛИХОЙ ЛЕВЕНШТЕРН!»

Барон-партизан был в родстве с Кутузовым, находился под подозрением у Александра I и захватил золото Наполеона.

ИСТОРИЯ

34 ПРИБАЛТИКА В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Из книги писателя и публициста Александра Широкорада «Прибалтийский фугас Петра Великого».

ЛИТЕРАТУРА

38 ПРИБАЛТИЙСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Своеобразие стран Балтии связано с историей, гудящей мощью рыцарских орденов, особым хуторским укладом жизни и необыкновенным уютом маленьких городов.

46 РИГА БЕЗ ПИКУЛЯ?

Им восхищались, его нещадно критиковали, его книги зачитывали до дыр…

50 А СОЛНЦЕ ЗАПАЯЛО НЕБОСВОД

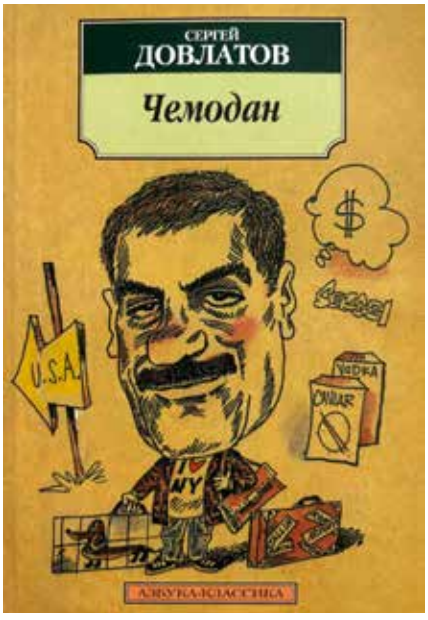
Подборка стихов литовского и советского поэта, переводчика и общественного деятеля Эдуардаса Межелайтиса.

54 «СЛОВНО СЛЫШАЛ ЗОВ ЛОРЕЛЕИ…»

Знаменитый поэтический цикл «Пярнуские элегии» советского поэта Давида Самойлова.

ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

56 ТАЛЛИН И НЬЮ-ЙОРК – ДВА ГОРОДА ОДНОЙ ЖИЗНИ



К 85-летию со для рождения Сергея Довлатова.

ИНТЕРВЬЮ

60 ПОЧЕРК УДАЛЬЦОВЫХ

Дипломат Александр Удальцов о времени, о близких, о себе.

РУССКИЙ ПАНТЕОН

66 КАК В КАЛИНИНГРАДЕ ЕВРОПУ СПАСЛИ

Вторая жизнь снесенных памятников советским воинам-освободителям.

70 ЭХО «БРОНЗОВОЙ НОЧИ»

Памятник, который стал отражением разногласий эстонского общества по поводу советского прошлого Эстонии.

72 «РУСАЛКА» В ПАРКЕ КАДРИОРГ

Монумент погибшим членам экипажа броненосца Российского императорского флота.

74 «НАШ ДОМ НА ЧУЖБИНЕ СЛУЧАЙНОЙ...»

Русские кладбища за границей (начало читайте в № 174/07–08).

БИБЛИОСФЕРА

80 ТРИ ВЗГЛЯДА НА СТРАНЫ БАЛТИИ

Комплексный анализ большого массива исторических данных.

82 ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

«Послекнижие. Диалоги о Большой литературе и Большой истории» Василия Зубакина и Ивана Родионова.

84 В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

Продолжение. Начало читайте в № 171/ 01–02, 173/05–06 и 174/07–08.

ПЕРСОНА

88 «ИЗ ПЕСЕН УХОДИТ ГЛАВНОЕ – МЕЛОДИЯ»

Так считает Раймонд Паулс, самый известный прибалтийский композитор.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

92 ОТ МОРАВСКОЙ МИССИИ ДО ЛАДОЖСКОЙ ТОПИ

Память святых Севера Балтики и славянского мира.

КУЛЬТУРА

98 ДОЛГОЖДАННОЕ ВОССОЗДАНИЕ ТОПОНИМА

Очень важно не нарушать ауру писательского поселка, чтобы он не только названием соответствовал своей сути.

102 «ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ ПЛЕНЭРЫ» НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ

Новая глава в летописи городка писателей.

104 ПРИШЕЛЕЦ

В пятьдесят он стал народным артистом СССР, сыграв за немыслимо плотные шесть лет все и дальше уже позволяя себе легкие экзерсисы Мастера.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

106 У НЕЕ НА УСТАХ ЯДОВИТО-ДЕРЗКАЯ ПРАВДА

Галина Вишневская: «Я хотела быть на сцене лучше всех».

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

110 ВЫСТАВКА «ПУШКИН И ТЕАТР» В БОЛГАРИИ

Экспозиция Бахрушинского музея раскрывает роль Александра Сергеевича Пушкина в истории отечественной сцены.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

РОССИЯ И ПРИБАЛТИКА: ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

В государственной стратегии, формирующей национальное сознание, прибалтийские правящие элиты сделали ставку на демонизацию России

АНДРЕЙ СКАЧКОВ,
кандидат политических наук

Участники пикета в защиту русских школ у Министерства образования Латвии. Рига, Латвия. 2014 ***Фото: Владимир Старков***

Сложности в отношениях России с прибалтийскими странами несут в себе некоторые межцивилизационные составляющие. С одной стороны, географически Россия непосредственно соседствует с Прибалтикой, которая в течение длительных периодов истории являлась составной частью нашего цивилизационного, то есть политического, экономического, культурного и даже идеологического пространства.

С другой стороны, как показывают события последних десятилетий, эти совместные периоды не только не смогли нас объединить, но, наоборот, максимально отдалили друг от друга. Прибалты умудрились обострить старые, уже забытые противоречия, добавили к ним новые обиды и комплексы.

Вместе с тем, если внимательно присмотреться, межцивилизационные разломы (выражаясь языком С. Хантингтона) существовали между нами во все времена, просто были скрыты за идеологической завесой в советский период.

По сути, мы всегда были разными в историческом (сильное польское, немецкое и шведское влияние в Прибалтике),

религиозном (литовцы – католики, латыши и эстонцы – протестанты) и культурно-историческом аспектах (мы – крестьяне-общинники, прибалты – хуторяне с особым хуторским мировоззрением).

И все же, несмотря на очевидные различия, прибалтийские народы в течение длительных периодов совместного с нами проживания имели возможность использовать выгодное промежуточное положение своих государств между Россией и Западной Европой для собственного национального благополучия и развития.

Однако после распада СССР пришедшие к власти в Латвии, Литве и Эстонии реакционные, по сути националистические элиты взяли курс на ускоренный разрыв исторических, экономических и культурных связей с Россией, демонизируя нашу страну и позиционируя ее в качестве наследницы «советской империи». В результате складывавшиеся веками географические преимущества Прибалтики оказались в одночасье разрушены.

Именно тогда, на сломе эпох в 1990-е годы, новоявленными прибалтийскими правителями был сделан ошибочный, на наш взгляд, стратегический выбор пути развития. Вместо того чтобы выстроить с чистого листа добрососедские отношения с новой демократической Россией, они пошли по пути очернения восточного соседа, нагнетания враждебности и изоляции от него. При этом хорошо известно, что российское руководство в начале 1990-х стремилось к установлению неконфронтационных, максимально прагматичных партнерских отношений с прибалтийскими соседями. Ориентиром для России служил многолетний опыт успешного сотрудничества с Финляндией, которое виделось в качестве идеального примера для взаимодействия и с прибалтами. Объективно к этому подталкивали отсутствие идеологических противоречий и обоюдное желание побыстрее влиться в западное сообщество.

Шествие в защиту русских школ в Латвии. 2003

В экономической сфере выгоды Латвии, Литвы и Эстонии от сотрудничества с Россией прежде всего в транзитной сфере также были очевидны. По сути, Прибалтика как в былые времена легко могла стать транзитным мостом на пути в Европу, получая стабильные поступления в бюджет и обеспечивая долгосрочное процветание для своих стран и народов.

Памятник воинам Советской армии — освободителям Советской Латвии и Риги от немецко-фашистских захватчиков. Разрушен 22–25 августа 2022 года

Не будем забывать, что в условиях нарождающейся российской государственности руководство нашей страны пошло на беспрецедентные уступки: безоговорочно признало независимость прибалтов, полностью вывело войска из этих государств к 1995 году, гарантировало невмешательство на фоне уже заявленного курса этих стран на оформление членства в НАТО и ЕС.

В своих воспоминаниях Е. М. Примаков так и отмечает: «При провозглашении независимости балтийских государств мы ликвидировали свое военное присутствие без каких-либо предварительных условий».

Но никакой благодарности за наш более чем миролюбивый настрой, как известно, не последовало. Наоборот, ставка была сделана на раздутые исторические обиды и мифы. В основу государственного строительства была положена несостоятельная с точки зрения международного права концепция «советской оккупации». Жертвой этого стали сотни тысяч русскоязычных жителей Латвии и Эстонии: в одночасье они оказались чужими или «негражданами» на земле, где родились и прожили большую часть жизни.

Впоследствии эта несправедливость вылилась в полноценное межобщинное противостояние воинствующих идентичностей, поклоняющихся разным историческим героям и событиям.

Вышесказанное относится прежде всего к различной интерпретации обстоятельств вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР в 1940 году, итогов Второй мировой войны и освободительной роли Советской армии. Все предельно просто. Поскольку господствующие в Прибалтике националисты трактуют советскую историю как период «оккупации», то и советские солдаты клеймятся здесь не иначе как

«оккупантами», а добровольцы из фашистских батальонов «Ваффен СС» и «лесные братья» героизируются в качестве «борцов за национальную независимость».

Понятно, что все это абсолютно неприемлемо для большинства русскоязычного населения прибалтийских стран, а также части самих прибалтов, не готовых рассматривать советский период в черном свете.

Самое печальное в том, что сложившаяся антагонистическая ситуация исключает достижение межэтнического консенсуса по историческим вопросам, обрекая эти страны на изнурительную конфронтацию между наиболее крупными национальными общинами. И речь идет не о второстепенных, а о важнейших мировоззренческих ориентирах.

Вполне справедлива в этой связи оценка одного из старейших политиков Латвии, многолетнего лидера русскоязычной партии «Согласие» Я. Урбановича, отмечавшего, что в стране, где расколот демос, демократии быть не может.

Латвийский историк А. Плаканс также полагает, что ставка на этнический национализм оказалась ошибочной и губительной для прибалтийских народов. Государственную политику следовало нацелить на создание государства равных прав и возможностей для всех жителей. К примеру, скандинавские демократии явились наглядным свидетельством того, как маленькие страны могут сохранить свою национальную уникальность, одновременно с этим обеспечив своих жителей – как граждан, так и «неграждан» – достойным вознаграждением за труд медицинским обслуживанием, государственными пенсиями и хорошим образованием.

А. Плаканс убежден, что для создания таких благополучных государств балтийским республикам имелоогромный экономический

Памятник А. С. Пушкину в парке Кронвалда в Риге, Латвия. Демонтирован 30 мая 2023 года

смысл ориентироваться как на Запад, так и на Восток, поскольку множество жителей стран Прибалтики сохранили лингвистические, культурные и исторические связи с Россией.

Можно согласиться с А. Плакансом и в том, что прибалтийским странам не следовало прикрываться некоей «особенностью своей истории» для оправдания дискриминационного политического курса в отношении нацменьшинств. Перенесенные в прошлом испытания не могут давать особые права на исключительность.

Следует отметить и крайне деструктивную роль политики прибалтийских нацэлит на насильственную ассимиляцию нацменьшинств посредством навязывания языкового террора. Язык превратился в дамоклов меч внутриполитической стратегии правящего класса в борьбе против всего русского и любого инакомыслия. При этом языковые и образовательные права небалтийских народов, прежде всего русского, были полностью проигнорированы. Мотивировка, разумеется, все та же: у прибалтов, мол, особая историческая ситуация, при которой язык нуждается в защите для сохранения основ идентичности. Конечно, то обстоятельство, что в результате такой дискриминации пострадает идентичность славянской общины, сторонниками исторического реванша во внимание не принималось.

Дискриминационный статус русского языка как иностранного особенно больно ударил по жителям старшего поколения, не владеющим свободно балтийскими языками. Пожилые представители нацменьшинств не могут использовать русский для официального общения с муниципальными властями, испытывают серьезные проблемы, если нуждаются в медицинской помощи (например, инструкции лекарств не содержат русского перевода).

Подобная сегрегация только усугубила межэтническую и социальную разобщенность в Латвии и Эстонии, обусловила внутри этих государств гнетущую атмосферу перманентного конфликта на национальной почве. В Литве, где русскоязычная диаспора значительно малочисленнее и отсутствует проблема массового безгражданства (после развала СССР литовские власти предоставили гражданство всем жителям страны), конфликт на межэтнической почве выглядит не столь драматично.

Для понимания движущих мотивов нарастания русофобии в постсоветской Прибалтике важно иметь в виду, что формирование исторического сознания происходило здесь под сильным влиянием так называемых «западных прибалтов» – послевоенных иммигрантов и их потомков. Многие из них, репатриировавшись из Западной Европы, США и Канады, заняли ключевые позиции в госаппарате – исполнительной и законодательной власти прибалтийских государств. В том числе бывшие президенты (Т. Х. Ильвес в Эстонии, В. Вике-Фрейберга в Латвии и В. Адамкус в Литве), а также многие депутаты парламентов. В качестве идеологического императива эта оторванная от повседневной жизни этнической родины прослойка привнесла сугубо враждебное видение роли СССР, а также России в истории Прибалтики.

В своей книге «Латвийский кандидат» известный итальянский журналист и общественный деятель Дж. Кьеза подробно характеризует особенности становления руководящих элит Литвы, Латвии и Эстонии под воздействием западных репатриантов, заряженных антироссийскими и антирусскими настроениями. Он, в частности, отмечает, что произошедшее было не случайностью или ошибкой, а целенаправленным воздействием в пользу формирования правительств из людей, которые враждебно относились к России.

Наличие в постсоветском истеблишменте Латвии, Литвы и Эстонии «западных прибалтов» во многом объясняет упорное стремление этих стран героизировать и представить в качестве борцов за независимость своих родственников, которые стояли по другую сторону баррикады, то есть верно служили Гитлеру и участвовали в послевоенном сопротивлении советской власти.

Понятно, что подобная историческая фальсификация встретила возмущение и отторжение в России.

Альтернативное мнение на вопросы послевоенной истории рассматривается в прибалтийских государствах как проявление нелояльности с нередкими последствиями уголовного преследования и реальных тюремных сроков (отрицание факта «советской оккупации»).

Так, были осуждены на длительные сроки известный литовский политик А. Палецкис, латвийские ученый А. Гапоненко и журналист Ю. Алексеев. Преследованию подверглись антифашисты И. Корен и В. Энгель, известный латвийский политик и общественный деятель Т. Жданок, многие другие активисты русскоязычной общины Прибалтики.

По сути, в Латвии, Литве и Эстонии поставлена задача раз и навсегда закрыть «русский вопрос», а заодно путем неприкрытого террора уничтожить все, что в этих странах связано с Россией. Русскоязычные общественные и культурные организации ликвидированы, их лидеры арестованы или вынуждены бежать за границу. Приняты варварские законы о полном уничтожении советского мемориального, а также культурного наследия, русский язык запрещен в образовательном и общественном пространстве.

Латвия, Литва и Эстония фактически закрыли границы с Россией и Белоруссией, запретили поездки даже по гуманитарным обстоятельствам. Литвой создаются всевозможные визовые, таможенные и административные препятствия для максимального ограничения калининградского грузового и пассажирского транзита. Жизнеобеспечение эксклавного Калининградского региона Российской Федерации находится под постоянной угрозой.

В странах Балтии уничтожены не только сотни монументов советским воинам-освободителям (в том числе взорвана главная достопримечательность Риги – стела в центре города), но и такие символы российской культуры, как памятники А. С. Пушкину, генералу М. Барклаю де Толли, монумент академику М. Келдышу, памятные доски В. Пикулю, Петру 1, А. П. Керн и многие другие. В прибалтийских столицах русские названия улиц переименованы в латышские и украинские, с дорожных указателей стерты названия российских городов.

В ожидании «неминуемой агрессии» с Востока население готовят к партизанской борьбе. В городах спешно оборудуют бомбоубежища, вдоль границы с Россией строят эшелонированные укрепления. На территории Латвии, Литвы и Эстонии размещены натовские силы, готовится законодательство, разрешающее в будущем дислоцировать в Прибалтике ядерное оружие.

С учетом этих реваншистских подходов в среднесрочной перспективе двусторонние отношения с прибалтийскими государствами продолжат развиваться по негативному вектору. Задача России в этой непростой ситуации сохранять выдержку, не поддаваться на провокации, но держать, как говорится, порох сухим и быть готовой к любым неожиданным поворотам.

В Таллине сохранился памятник классику мировой литературы XIX века Ф. М. Достоевскому *Фото: Майк Пил*

РУССКИЕ В ЭСТОНИИ

В Эстонии русским не только не дали равные права, русским не оставили возможности создать полноценную диаспору

НИКОЛАЙ МЕЖЕВИЧ,
профессор, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН, президент Ассоциации прибалтийских исследований, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко

«Стоят на российско-эстонской границе Илья Муромец и Калев (эстонская мифологическая версия реального человека Ильи из Мурома) и смотрят на луга и поля.

– Красота, – сказал Муромец.

– Да-а, – поддержал Калев.

– Хорошо там, где нас нет, – добавил Илья.

– Да-а, хорошо там, где ва-а-а-с нет, – подтверждает Калев».

Этот печальный анекдот я услышал в Советской Эстонии лет 45 назад. В тот далекий год Горбачев занимался сельским хозяйством, Кая Каллас пошла в школу, а я в институт. Мне этот анекдот рассказал живущий в Эстонии немец, чудом уцелевший осколок остзейской цивилизации, чья семья пережила в Эстляндии пять веков. Пришлось сменить фамильный замок на квартиру метров в 60, хотя и с видом на шпиль церкви Нигулисте. Ох, простите, он называл ее *Nikolaikirche*. Не являясь русским и эстонцем, коммунистом и антикоммунистом, но будучи блестящим специалистом негуманитарного профиля (нужен любой власти), он мог позволить себе называть вещи своими именами и первым показал мне некоторые системные проблемы развития общества в той еще досоветской Эстонии. Моего собеседника давно с нами нет, советской Эстонии тоже, а вот обсуждаемые проблемы остались.

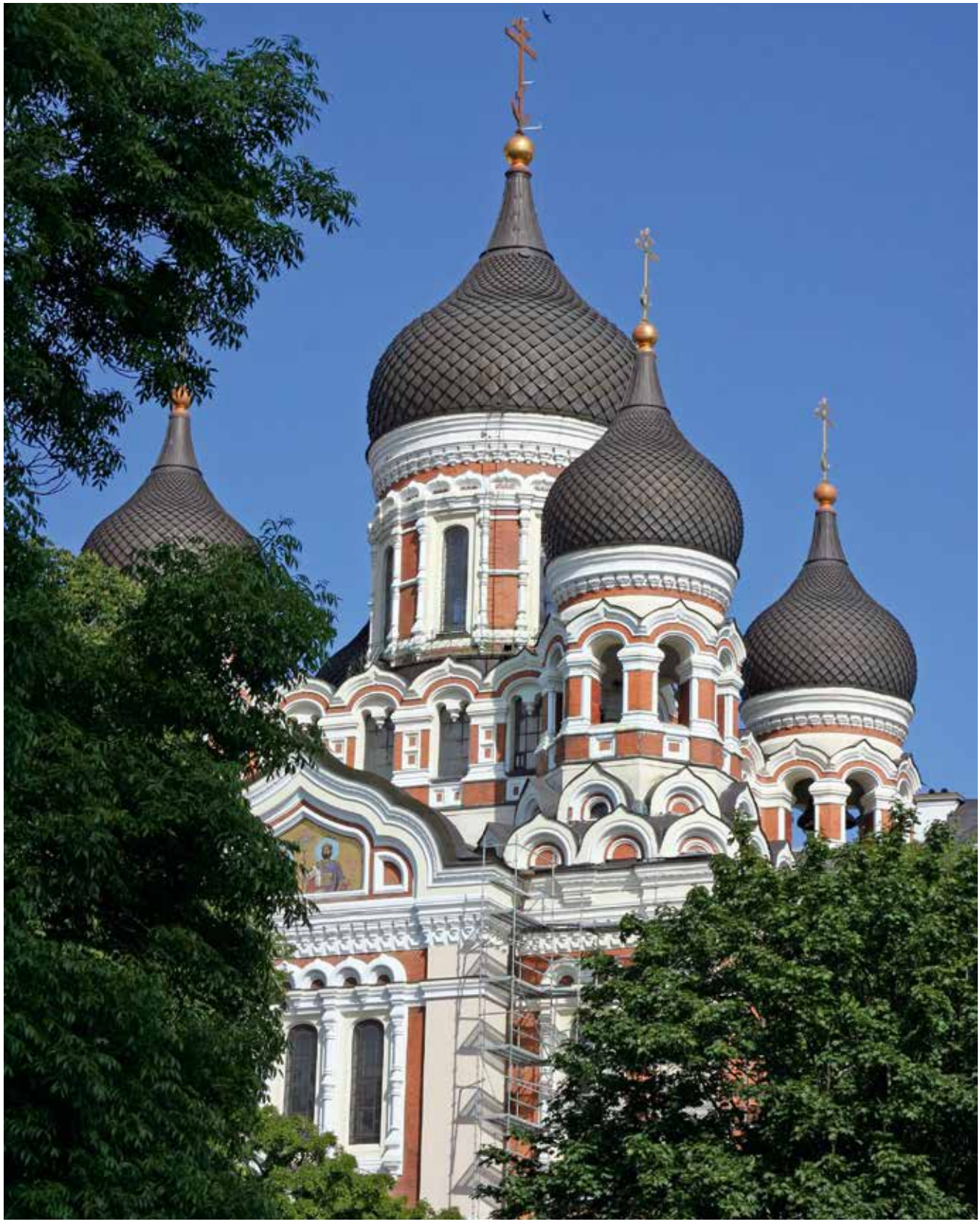
Гражданское общество на территории будущей Эстонии всегда было расколото, правильнее сказать общество на территории будущей Эстонии было расколото за много веков до возникновения самой Эстонии. Немцы и эстонцы, шведы и эстонцы, русские и эстонцы воспринимали друг друга со взаимным недоверием. Были ли для этого основания? Были. Наиболее жесткий контроль территории осуществляли немцы. Ревель был немецким городом, эстонцы могли находиться в нем только в качестве слуг. Потом был период, называемый в эстонской историографии «шведским золотым веком». Хозяин (частично) поменялся, но роль слуг осталась.

Как свидетельствовали Р. Мисиунас и Р. Таагепера, известные эстонские историки, жившие в эмиграции: «…политика, проводившаяся царским правительством, была направлена прежде всего против местных элит и таким образом невольно способствовала появлению новых крестьянских наций. Прибалтийские провинции Эстляндия, Лифляндия и Курляндия были первыми в Российской империи, где было упразднено крепостное право. Первая попытка ограничить этот институт была предпринята Александром I в 1804 году, но балтийские бароны постарались свести к минимуму все практические результаты этого мероприятия. Однако к 1819 году было осуществлено личное освобождение крестьян. Была повернута вспять тенденция, которая господствовала в течение пяти веков»[1].

Население прибалтийских губерний в XIX веке было многонациональным. В Эстляндской губернии в 1881 году эстонцы составляли 87,0%, немцы – 5,8, русские – 4,6, шведы – 1,4, евреи – 0,4% населения. По переписи 1897 года в Лифляндской губернии латышей было 43,4%, эстонцев – 39,9, немцев – 7,6, русских – 5,2, евреев – 1,8, поляков – 1,1%. При этом эстонцы и латыши составляли по-прежнему в основном сельское население. Так, в Эстляндии в 1881 году эстонцы составляли на селе 94% населения, а в городах – только 56%. В 1913 году среди населения эстонцев было 71,5%, русских 11,4, немцев – 10,7 и других национальностей – 6,3%.

О национальном составе средних слоев Эстляндской губернии еще в 1904–1905 годах можно сказать следующее: мастера-ремесленники были большей частью немцы – из 327 торговцев 92, или 28,2%, – эстонцы; 52, или 15,9%, – русские; 175, или 53,5%, – немцы; в торговле эстонская мелкая буржуазия по численности занимала второе место после немцев; чиновников и служащих немцев насчитывалось 275 человек, или 75,0%, эстонцев – 57,

[1] Misiunas Romuald, Taagepcra Rein. The Baltic States: Years of Dependence. 1940–1980. Princeton, 1980. P. 5.



Ставропигиальный православный кафедральный Александро-Невский собор в столице Эстонии Таллине

Из набора географических карточек Российской империи. 1856

или 15,5%, русских – 26, или 7,1%, и прочих – 9 человек, или 2,4%.

В 1914 году эстонцы побежали в русскую полицию разоблачать немцев, но в 1918 году, когда немцы пришли в Ревель, начали сдавать всех неэстонцев немецкой оккупационной администрации. Этот формат был использован и в 1939 году (приветствовали Красную армию), а затем те же люди радостно встречали вермахт в 1941 году. Феноменальный даже по советским меркам масштаб конформизма характеризовал титульное население Эстонии всегда, но советский период даже на этом фоне был особенным. Сергей Довлатов в повести «Компромисс» рассказал об этом в присущей ему ироничной манере.

Из 25 млн русских, оставшихся за пределами России после распада СССР, в Прибалтике проживает 1 млн 725 тыс. человек. В Эстонии – 476 тыс. (30,3% населения этого государства)[2]. Старожильческое русское население (потомки старообрядцев на побережье Чудского и Псковского озер, потомки русскоязычных граждан Эстляндии и Лифляндии) не составляли большинства среди всех русских, живущих в Эстонии уже к середине 50-х годов прошлого века. Абсолютное большинство русских, проживающих сейчас здесь, это уже уроженцы Эстонии. Они составляли в 1989 году 65,1% от всего русского населения и представляли собой в целом единую общность. Однако это совсем не обязательно граждане Эстонии. Мы выделяем следующие категории:

- правопреемственные граждане Эстонии, их предки жили в Эстонии до 1940 года;
- граждане Эстонии, получившие гражданство в порядке натурализации после 1991 года;
- лица без гражданства;
- граждане России с видом на жительство в Эстонской Республике.

По данным Департамента статистики Эстонии, на начало 2026 года

[2] Тишков В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии). Общественные науки и современность. – 1993. – № 6. – С. 114. EDN SMFBIP.

в Эстонии проживало 1 360 745 человек, однако это данные регистра, т.е. зарегистрированные люди. Проживает же в стране менее 1 200 000 человек. Из них гражданство Эстонии имели 82,2% населения, гражданство России – 5,5%, гражданство Украины – 4,6% и не менее 4,3% – это лица без гражданства. При этом эстонцы это примерно 68% населения, русские 21%. Представители других национальностей примерно 11%, из них 5% это переселенцы – украинцы. Отметим, что и в межвоенной Эстонии, и в современной Эстонии национальная принадлежность не является неизменной: люди могут по своему желанию менять ее в регистре народонаселения и при совершении государственных процедур. Десятки известных людей с эстонскими фамилиями – это русские, немцы, евреи, т.е. именно те люди, без которых Эстония бы не появилась на политической карте Европы.

Необходимо также отметить, что в Эстонии с 2002 года (когда Парламентом была ратифицирована Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств) русскоязычные неграждане официально не являются нацменьшинством – им были признаны только русскоязычные граждане.

***

Большое количество трудностей, выпавших на долю наших соотечественников в Эстонии, как и всей Прибалтики, вызвано тем обстоятельством, что они формируются, как национальные государства самоопределившихся (после распада СССР) титульных наций. В конституциях этих стран подобная формулировка декларируется открыто. Но чаще это проявляется в политике, направленной на достижение доминирования титульного населения в сферах государственной и общественной жизни, результатом которой становится рост социально-политической и межэтнической напряженности в этих странах. Такая политика имеет серьезные общественно-политические и социальные последствия, как для России, так и для самих государств Прибалтики.

Как отмечает социолог и исследователь российско-балтийских отношений Р. Симонян, наличие лиц без гражданства, апатридов, в Европе в начале XXI века можно расценить как «один из многих гуманитарных кризисов на постсоветской территории, вину за который в равной мере несут как руководители Латвии и Эстонии, так и руководители России, которые при подписании актов о признании независимости Латвии и Эстонии 24 августа 1991 года не смогли обеспечить гражданский статус нашей диаспоре»[3].

Российская диаспора в различных странах мира формировалась в основном в течение XX века, когда вследствие сложных событий в истории России миллионы наших соотечественников были вынуждены покинуть родную землю. В 90-е годы прошлого века численность российской диаспоры за рубежом резко возросла, так как в результате распада СССР и образования новых независимых государств миллионы соотечественников оказались отделенными от Российской Федерации государственными границами.

Американский исследователь Роджерс Брубейкер использует термин *accidental diasporas* («нечаянные диаспоры») и проводит различие между понятиями *movement of peoples across borders u movements of borders across peoples* («движение народов через границы» и «движение границ сквозь народы»)[4]. Именно это относится к Эстонии и русской диаспоре в Эстонии.

В Эстонии русскоязычная диаспора достаточно неоднородна и представлена различными правовыми категориями – гражданами, негражданами, национальными меньшинствами (из проблем которых, собственно, и складывается «проблема русскоязычного населения»). Получается, что и дискурс о проблеме русскоязычного населения неоднороден и также включает в себя дискурсы о проблемах русскоязычных[5] граждан, негражданн и национальных меньшинств.

Пришедшее к власти титульное большинство, объявив пребывание в СССР «оккупацией» и лишив гражданства русскоязычных жителей, приступило к строительству национальных государств, к чему русские в целом были готовы. Национальные элиты Эстонии опасались реального роста влияния нетитульного населения, воспринимая его как наследие «советизации» или «пятую колонну» России, поэтому инициировали дальнейшее ограничение в политических правах, сужение сферы употребления русского языка, вытеснение русскоязычных из сферы управления. Тем самым была искусственно создана проблема русскоязычного населения, навсегда осложнившая отношения с Россией и создавшая проблемы для самой

[3] Симонян Р. Российская диаспора в странах Балтии. Свободная мысль – XXI век. – 2002. – № 10 (1524). – С. 41.

[4] Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Ab Imperio. 2000. – №2. – С. 154.

[5] Русскоязычные – собирательный и неакадемический термин для обозначения нетитульных групп в бывших советских республиках, объединенных на основе общности русского языка и русской культуры.

Замок Тоомпеа (Ревельская крепость) и Александро-Невский собор

Эстонии. Эстония не уникальная страна. Страны в десятки и сотни раз более крупные и богатые заботятся о социальном капитале, сберегают всех и каждого.

В Эстонии, как и в любой другой стране, социальный капитал возникает при взаимодействии людей, объединенных общим видением перспектив общественного развития. Наличие консенсусного общественного целеполагания для формирования социального капитала обязательно. Параметры экономического роста Финляндии и Эстонии с 1995 по 2015 год были примерно одинаковы, однако качество социального капитала в этих странах принципиально отличается. Финское общество было объединено общими целями и не только эффективно использовало свой социальный капитал, но и привлекает социальный капитал из Эстонии. С другой стороны, в Эстонии (на землях современной Эстонии) социальный капитал был всегда полиэтничен, а сейчас общество расколото по этническому признаку. Но так было не всегда. Возьмем всем известный памятник броненосцу «Русалка» – один из символов Таллина, переживший все войны и революции. Памятник посвящен памяти 177 моряков Российского императорского флота, погибших на броненосце «Русалка» 7 сентября 1893 года. Он был установлен в самом начале XX века. Кто же автор памятника? Амандус Хейнрих Адамсон – эстонский скульптор, представитель петербургского академизма, один из основателей эстонского национального искусства, живописец, академик Императорской Академии художеств. Моделью для фигуры ангела стала горничная Адамсона – 17-летняя эстонка из города Гапсаль (ныне Хаапсалу) Юлиана Роотси. Архитектор памятника – немец Николай Тамм (младший), родившийся в Санкт-Петербурге, творивший в Ревеле/Таллине и умерший в Германии. Сегодня этот уникальный мемориальный комплекс отреставрирован, на 100-летие открытия памятника в 2002 году из Швеции приезжала дочь эстонского скульптора Адамсона, создавшего этот памятник русским матросам и офицерам. Этот памятник и эта история могли бы быть объединяющим фактором, если бы такая задача была поставлена.

Мы помним, что комендантом крепости Ревель был прадед А. С. Пушкина А. Ганнибал. С Эстонией связана жизнь фельдмаршалов М. Голицына, А. Суворова, М. Кутузова, Б. Миниха, М. Барклая де Толли. В Ревеле служили адмиралы Ф. Апраксин, В. Чичагов, Ф. Ушаков, И. Крузенштерн, М. Лазарев. В будущей эстонской столице творили Г. Державин и И. Крылов, В. Соловьев и В. Брюсов, Ф. Сологуб и Н. Карамзин, В. Даль, Ф. Достоевский, Н. Лесков.

А что же лидеры Первой Эстонской Республики? Премьер-министр Эстонии Яан Тыниссон был 20 апреля 1906 избран в Государственную думу Российской империи I созыва от съезда уполномоченных от волостей. Входил в состав фракции Конституционно-демократической партии, принадлежал к «Союзу автономистов» (эстонская группа).

Йохан Лайдоннер – главнокомандующий эстонской армией в 1912 году закончил Императорскую Николаевскую военную академию и в 1913 году был причислен к Генеральному штабу, но штабным офицером не стал, успешно воевал и был многократно награжден в годы Первой мировой.

Президент межвоенной Эстонии Константин Пятс, по матери русский, его мать – Ольга Алексеевна Разамовская. Один год К. Пятс проучился в православной школе, учился и в Рижской духовной семинарии, затем Константин Пятс

Открытка Российской империи с изображением памятника Петру I в Риге. До 1914 года. Подпись на немецком и русском языках

поступил на юридический факультет Императорского Юрьевского университета. Участвовал в революционных событиях в России 1905 года. В 1905-м был приговорен к смертной казни по обвинению в организации беспорядков. Большой заслугой Константина Пятса является то, что Эстония стала первой европейской страной, предоставившей культурную автономию национальным меньшинствам. Согласно конституции 1920 года, национальные меньшинства Эстонии (русские, немцы, шведы и евреи) имели право на образование на родном языке и использование родного языка в учреждениях. Закон о культурной автономии национальных меньшинств был принят парламентом Эстонии (рийгикогу) 12 февраля 1925 года. Нельзя сказать, что закон и особенно практики его реализации отвечали всем демократическим стандартам, но по сравнению с нынешним временем ситуация в межвоенной Эстонии вызывает грустную улыбку.

В Эстонии русским не только не дали равные

права, русским не оставили возможность создать полноценную диаспору. Академик РАН Ю. А. Поляков предложил для обсуждения два определения диаспоры, обратив особое внимание на близость этого понятия с термином «национальное меньшинство»: 1) диаспора – этническая общность, находящаяся в иноэтничной среде; 2) диаспора – население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно к другому государству. Диаспора жива пока предполагает наличие и поддержание коллективной памяти, понимание «главной» родины, родины предков. Здесь важна географическая локализация, историческая концепция, весь потенциал культурных достижений. Особенно важен язык. Вспоминается Круглый стол «Образ России: новый контекст» в Гранд Отеле Европа, в ноябре 2003 года. Выступавший А. Г. Оганесян, в тот момент председатель радиокомпании «Голос России», обозначил очень важный момент. Указав на то, что в Нью-Йорке очень много коммерческих радиостанций с вещанием на русском языке, но приезжающие российские театральные коллективы собирают большие русскоязычные аудитории. Требование одно – нормальный русский язык. Сегодня в Эстонии он утрачивается.

В начале 1990-х многим казалось, что с приходом независимости Эстонии местной русской литературе и русской филологии пришел конец. Крупнейший знаток русской культуры Эстонии проф. С. Г. Исаков высказывал пессимистические суждения о ее будущем и оказался прав. Справедливости ради укажем на то, что на первом этапе русская культура, в частности литература, действительно развивались. Издавался уникальный «Балтийский архив» – альманах и масштабное собрание материалов, посвященное истории русской культуры, литературы, общественной мысли и печати в Прибалтике. Вспомним лишь самые важные труды, написанные и опубликованные до 2009 года: Илляшевич В. Н. Русские судьбы Эстонии Издательство НКО «Фонд поддержки интеграции», Таллин, 2007/2008. 460 с.; Сборник «Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике» (При поддержке Фонда Открытой Эстонии; ред. И. Белобровцева. Таллин: Авенариус, 1997; Пономарева Г. М., Шор Т. К. Русская печать и культура в Эстонии в годы второй мировой войны (1939–1945). Таллин, 2009. 236 С.

Ключевая проблема заключается в том, что основная деятельность многих русских организаций была направлена на разъяснение значимости натурализации (расскажите, как перестать быть русским?) и поиск путей ее достижения в рамках существующего правового поля, в то время как само поле не было правовым. В результате сложилась парадоксальная для многих русских ситуация, когда за неимением русских политических сил, способных попасть в парламент, русские начали искать структуры, способные хоть как-то защитить их интересы, в основном среди правых национальных партий, входящих в правящую коалицию и занимающих жесткую позицию по вопросам либерализации законодательства в отношении некоренных жителей и нацменьшинств.

Возникает система поддержки националистических сил в политической элите за счет экономической элиты тех же нацменьшинств. Особенно это касается крупного русскоязычного бизнеса, который спонсирует антироссийские и антирусские партии в силу их реальных возможностей обеспечить господдержку бизнес-проектов.

К 2007 году в русской среде Эстонии сложилось понимание того, что власти страны в принципе не готовы к диалогу. Подчеркнем, не только к диалогу формально равных, но не готовы даже к диктату. Власти Эстонии вообще не видят «собеседников». От концепции «адаптации» к «натурализации», затем принуждение к ассимиляции.

Президент Эстонии Т. Х. Ильвес 14 ноября 2006 года в ходе общения с учащимися русской гуманитарной гимназии в Нарве заявил, что не хочет, чтобы русские чувствовали себя в Эстонии чужими и назвал их своими соотечественниками, а не соотечественниками российского правительства. Однако эти красивые и правильные слова в это же время разошлись с реальной ситуацией в стране.

После 2007 года «власти предержащие уже не испытывают необходимости обращать внимание на общественность. Воцарилось мнение, что цель оправдывает средства. Носители власти насмехаются над правилами игры демократии. Власть продажна. Во имя власти мирятся с ложью»[6]. Важно отметить то, что «Хартия 12» это последний случай сопротивления эстонцев той власти, которая ведет народ и страну к катастрофе.

Что же произошло? «Эстонии, Латвии, Литве оказалось мало получить независимость. Была поставлена амбициозная цель – поставить в зависимость Россию, пользуясь деструкцией органов власти и управления и общей дезориентацией общества»[7]. Более

[6] «Хартия 12» за последний месяц собрала в свою поддержку всего 200 подписей. http://rus.delfi.ee/daily/estonia/hartiya–12–za–poslednij–mesyac–sobrala–v–svoyu–podderzhku–vsego–200–podpisej.d?id=65469076 (30 декабря 2012 г.).

[7] Межевич Н.М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. С. 74

того, «…эстонский национализм на данный момент вообще невозможен без России и русских. Если завтра все местные русские вместе с Россией телепортируются в Созвездие Гончих Псов, вся политическая программа эстонских националистов будет напоминать программку какого-нибудь этнофестиваля с народными песнями и национальными костюмами»[8].

Нельзя не указать на извращенную, но все-таки логику, современного эстонского государства. Формирование режима этнической диктатуры еще в конце 80-х годов прошлого века было признано оптимальным сценарием. Вопреки распространенному мнению, режимы, устанавливающие этнические диктатуры как режим своего функционирования, стабильны, а в ряде случаев, как в Эстонии, демонстрируют исключительную устойчивость. Автократия президента Эстонии К. Пятса была бы пожизненной, если бы не внешние факторы. В основе этой автократии было отсечение как по национальному признаку, так и по социальным и партийно-политическим параметрам. В результате у власти находится меньшинство, исключившее разностатусных оппонентов из власти. Устойчивость этих режимов связана с тем, что правящее меньшинство не только дискредитирует, но и откровенно запугивает всех своих оппонентов. Для целей данной статьи для нас важно то, что эстонцев пугают русскими и менее важно то, что отдельные партийные элитные группы эстонцев тоже разжигают ненависть друг к другу. Правящее меньшинство просит от эстонских элит воздерживаться от протестов, пугая Москвой и русскими и превентивно бросает в тюрьмы русскоязычных активистов. В Эстонии элиты не уходят, поскольку воспринимают свою судьбу как неразрывно связанную не просто с удержанием власти, а поддержанием этнической диктатуры. Русские выступают здесь как абсолютное зло, что обеспечивает необходимый уровень этнической мобилизации, но способствует дезинтеграции общества и разрушению социального капитала. При этом в современной Эстонии нет классической ситуации этнического конфликта, которая характеризуется конкуренцией между «неранжированными» этническими группами, имеющими сопоставимый по объему доступ к ресурсам (вариант Малайзии). Русские просто не рассматриваются как конкуренты, их нет в статусном измерении. Конкуренция малайцев и китайцев в Малайзии предполагает реальное соперничество и реальное сотрудничество, примерное равенство административного и финансового ресурса.

***

Удивительно, но термин «профессия – эстонец» появился еще при советской власти. В Эстонии правящей элитой после 1945 года стали эстонцы, первоначально 90% всех руководящих должностей в Эстонской ССР были у титульной нации, хотя пропорционально число эстонцев там снизилось с 90 до 60% к концу 80-х годов. Конечно, это были эстонцы – коммунисты, а также «волосовские эстонцы», проживавшие ранее в СССР, но тем не менее никакой пропорциональности представительства во власти не было. Не было и сознательной дискриминации. Директором рыбколхоза в условном 1976 году мог стать любой профессионал, но он должен был поддерживать коммуникацию на языке, доступном для всех, значит на эстонском. При этом директор стройтреста в Нарве, Таллине мог себе позволить не знать эстонский, так как весь персонал – русские. Директор русского драмтеатра при этом по умолчанию русский, а театра «Эстония» – эстонец. Выпускающие редакторы газеты «Ыхтулехт» только эстонцы, а «Вечерний Таллин» – русские. Это была двуязычная газета.

Эта ситуация возникла не сразу. «С начала девяностых мы подчеркивали, что, если активный русский человек выучит эстонский и получит гражданство, все пути ему будут открыты. Но это не так! Теперь мы начинаем подходить к ситуации, когда проблемой становится то, как открыть для неэстонцев, которые хорошо приспособились к жизни в Эстонии как в языковом, так и в политическом смысле все ниши и посты в обществе, которые до сих пор занимали эстонцы… Новая и важная проблема – как сделать, чтобы активные, лояльные эстонскому государству и знающие эстонский язык граждане других национальностей не чувствовали бы себя чужеродным телом, работая на государственной должности»[9]. Это цитата М. Лауристин, известнейшего эстонского социолога и профессора, активного участника и организатора Народного фронта Эстонии. В 1980 году она подписала так называемое «Письмо

[8] Постников В. Мнение: две основные проблемы эстонского национализма (по мотивам статьи Микка Пярнитса). http://baltnews.ee/obc/20170719/1016151255.html 19.07.2025.

[9] Лауристин М. Лояльным неэстонцам нужно открыть эстонское общество. Молодежь Эстонии. 2002. – 21 сент. http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=4363814, дата посещения 12.03.2025.

сорока» – воззвание сорока эстонских интеллектуалов против советской политики в Эстонской ССР. При этом М. Лауристин не была наказана. Она дочь Й. Лауристина – председателя Совета народных комиссаров ЭССР в 1940–1941 гг., погибшего во время Таллинского перехода.

Ситуация очень быстро начала меняться после 1992 года. Директором трамвайного парка становится эстонец, выпускник филологического факультета Тартусского университета, но главным инженером остается русский, его очередь «на выход» придет позже. Все водители – русские. Появляется термин «профессия – эстонец» – человек не обладающий достаточными профессиональными качествами, но имеющий правильную национальность и политические взгляды (Лембит Аннус, экслидер эстонских коммунистов тоже не подойдет). Затем появляется термин «правильный русский», «плохое» происхождение которого компенсируется демонстративной эстонскостью в идеологии, практике и даже одежде.

Отвечая на вопрос о результатах интеграции некоренного населения в эстонское общество, еще первый послевоенный президент Эстонии А. Рюйтель отмечает, что «этот процесс (интеграции), несмотря на имеющиеся трудности, вполне реален», и подчеркивает, что «одним из первых законов, принятых парламентариями уже независимой Эстонии, был закон о культурной автономии, предоставивший право национальным меньшинствам развивать свою самобытную культуру и традиции». В качестве подтверждения он ссылается на опыт интеграции русских старообрядцев Причудья (то есть не иммигрантов 1941–1991 годов, к которым относится большая часть русскоязычного населения, а так называемых «старых русских»): «Они полноправные наши сограждане. Многие из них владеют эстонским языком, хотя домашний язык у них преимущественно русский. Причудцы берегут традиции своей национальной культуры, свои обычаи. И это прекрасно»[10].

Эстонские социологи также пытались отрабатывать интеграционную повестку. Т. Вихалемм и В. Калмус в своем исследовании приходят к выводу, что «самые молодые поколения русских и эстонцев в значительной мере похожи друг на друга. Статистически значимая разница между молодыми людьми из данных этнических групп существует только в отношении двух ментальных структур: молодые эстонцы больше придерживаются шаблона "адаптивность и воссоздание социального капитала", тогда как молодые русские – "глобальная ориентация и эмансипация»[11].

Неравноправие русскоязычного меньшинства по отношению к правящему большинству может породить неравноправие и в будущем, т.е. создается замкнутый круг. В Эстонии сначала сложилась ситуация, при которой русскоязычные политики не смогли выступить вместе (проект «Объединенная народная партия»). Затем при сохранении численности русскоязычного населения в Эстонии правящие смогли сделать так, что остались только политики с русскими фамилиями, но не русские политики. Это было связано с первыми и пока последними массовыми выступлениями русскоязычных, связанные с решением властей демонтировать памятник советскому Воину-освободителю («Бронзовому солдату») в Таллине, который был признан эстонским руководством символом оккупации. Призывы русскоязычного населения отказаться от демонтажа так и не были приняты во внимание. В результате «Бронзовый солдат» превратился для русскоязычных жителей Эстонии из символа победы над фашизмом в символ защиты права на национальную идентичность. Это привело к тому, что в ночь на пятницу 27 апреля 2007 года произошли массовые столкновения с полицией в Таллине и в небольших эстонских городах Йыхви и Кохтла-Ярве на северо-востоке страны (где проживает большинство русскоязычных)[12].

Подведем итоги. В далекие 1987–1991 годы в Эстонии проходила большая дискуссия о возможном будущем страны, а не просто союзной республики. Победила радикальная точка зрения так называемого Конгресса граждан. Да, были люди, искренне выступающие за единство двух крупных этносов, вместе строящих свою страну. Увы, не сложилось. Тактически «политическая – моноэтническая Эстония» за счет языкового и культурного террора избежала сложных процессов согласования интересов, выиграла темп развития. Стратегически сформирован политический режим авторитарной Снегурочки, с ужасом встречающей каждый теплый месяц.

---

[10] Клюев И. Русские в Эстонии прижились. «Российская газета». – 2001. –27 ноября. – № 232 (2844). http://www.rg.ru/anons/arc_2001/1127/, дата посещения 14.11.2006.

[11] Вихалемм Т. Калмус В. Дифференциация ментальностей основных этнических групп в Эстонии. Социологические исследования. – 2008, № 5. С. 111

[12] Новости. Эстония. 29.04.07 г. РИА Новости. http://www.rian.ru/world/foreign_russia/20070428/64622464.html

ЯНТАРНЫЙ ОСЕЛОК РОССИИ

Остзейцы дорожили честью и эполетами, достойно служили царю, а значит – России, многонациональной стране, ставшей их родиной

КОНСТАНТИН ЛЕЖАНДР

Императорский Дерптский университет в 1860 году

Палены, Розены, Сиверсы, Остен-Сакены, Буксгевдены, Бенкендорфы, Ливены, Берги, Витте… Список можно долго продолжать. Балтийцы сыграли немалую роль в российской истории, в нашей культуре. Правда, тут необходимо уточнение. Речь идет не о представителях коренных народов Балтии – латышах, эстонцах, ливах, а о потомках ордена меченосцев, тевтонских рыцарей. Прежде всего – о немцах, плюс, конечно, о шведах и датчанах. Есть среди них и шотландец. Зато какой! Сам великий русский полководец Михаил Барклай де Толли.

Вторжение в элиту

Именно потомки рыцарей ордена меченосцев, игравшие ведущую экономическую и политическую роль в таких исторических землях, как Лифляндия (ныне северная часть Латвии и южная часть Эстонии), Курляндия (южная часть Латвии), Эстляндия (северная часть Эстонии) и остров Эзель (нынешний эстонский остров Сааремаа), мощно вошли в состав российского дворянства. Более того – в его элиту.

История помнит друга Пушкина, замечательного поэта и журналиста барона Антона Дельвига и другого

соученика великого поэта графа Модеста Корфа, бессменного директора Императорской публичной библиотеки. Менее известны имена Федора (Фердинанда) Тизенгаузена, погибшего после ранения под Аустерлицем, зятя Михаила Кутузова («Ежели быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого как Фердинанд», – признавался Кутузов), и его генерал-квартирмейстера, любимого ученика Карла Толя. А уроженец Риги выдающийся академик-экономист Генрих фон Шторх преподавал политэкономию великому князю Николаю Павловичу, будущему самодержцу Николаю I.

Не забыт и потомок курляндского барона Денис Фонвизин, он же – фон Визин, автор первых российских комедий нравов «Недоросль» и «Бригадир», по выражению Александра Пушкина, бывший «из прерусских русским». Все знают и барона Петра Клодта фон Юргенсбурга, создателя коней, украшающих Аничков мост в Петербурге, а также Берлин и Неаполь. Он же сотворил прекрасный с художественной и технической точки зрения (видимо, посему невероятным образом и пощаженный большевиками) памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. Им выполнены и многие скульптуры Исаакиевского собора – снаружи и внутри. Там же можно увидеть и огромные изображения святых на главном иконостасе. Их автор – Карл Тимолеон фон Нефф, он же – Тимофей Нефф с мызы (устаревшее – поместье в Прибалтике) Изенгоф, что в Эстляндии… Если же продолжить разговор о Клодтах, то это целая династия: пейзажисты, театральные художники, книжные иллюстраторы. Достаточно вспомнить хрестоматийные произведения Николая Гоголя «Сорочинская ярмарка», «Коляска» и «Заколдованное место», иллюстрированные Михаилом Клодтом.

Другая семья – Врангель – дала России морского министра, члена Государственного совета, двух сенаторов, двух губернаторов, попечителя учебного округа, профессора литературы и многих высших офицеров вплоть до Черного барона, генерала-лейтенанта Добровольческой армии Петра Врангеля, одного из последних лидеров белой эмиграции. При императоре Николае I балтийскими немцами были 19 из 134 членов Государственного совета.

Значительной была доля остзейцев и в дипломатическом, и в офицерском корпусах России. Немецкий элемент являлся основополагающим в Дерптском университете, долго работающем на немецком языке (сейчас это Тартуский университет в Эстонии). Его окончили Вильгельм Оствальд – основоположник физической химии, лауреат Нобелевской премии, и многие другие выдающиеся исследователи. Выходцем с острова Эзель был первооткрыватель Антарктиды Фаддей Беллинсгаузен. А совсем рядом, в Эстляндии, в родовом поместье Хагудис, появился на свет Иван Крузенштерн, возглавлявший первую русскую кругосветную экспедицию. Человек, ставший в России символом морской чести…

Всех их называли в России «остзейцами». От Ostsee (Восточное море) – так во времена Средневековья немцы окрестили Балтийское море. Как и многое в России, и тут все пошло от Петра Великого. Он присоединил Балтийский край, разбив шведов в долгой Северной войне. Впрочем, есть версия, будто изначально Петр I не помышлял присоединять Эстляндию и Лифляндию к России. По договору с королем Речи Посполитой и саксонским курфюрстом Августом II, ненадежным российским союзником, незаслуженно прозванным Сильным, эти территории должны были отойти именно к его владениям. И даже когда в 1710 году, после русских побед над шведами в Прибалтике, остзейские немцы присягнули на верность самодержцу российскому, царь все еще рассматривал эти земли как будущий трофей своего «саксонского брата».

Ситуация круто изменилась в 1711 году после оглушительно неудачного для России Прутского похода, когда царь вынужден был заключить с турками унизительный договор о мире. Оставшись без обещанной поддержки Речи Посполитой во время столкновения с Османской империей, Петр I решил сохранить Прибалтику себе в качестве компенсации полученного на юге сокрушительного ущерба.

Вступив в балтийское правление, царь принял решение не менять устоявшиеся в этих землях на протяжении веков традиции, включая политические и религиозные. Более того, Петр I даровал жалованные грамоты лифляндскому и эстляндскому дворянству, а также городам Ревелю (сегодняшний Таллин) и Риге. Не стал Петр форсировать и религиозный вопрос: лютеранство признавалось в православной стране в качестве доминирующей ветви христианства в новых губерниях. Лифляндией и Эстляндией начали управлять русские генерал-губернаторы, но во внутренних делах они целиком поддерживали остзейских немцев и властные прерогативы их не оспаривали.

В 1721 году по условиям Ништадтского мирного договора бывшие шведские провинции были окончательно закреплены за Россией. А в 1795 году после третьего раздела Речи Посполитой к империи была присоединена и Курляндия, ранее литовская, а затем, после возникновения Речи Посполитой, – польская. Таким образом

Ф. А. Клагес. Акварельный рисунок лютеранской церкви Св. Петра и Павла в Санкт-Петербурге. 1830–1840

вся Прибалтика на рубеже XVIII и XIX столетий вошла в состав Российской империи.

Тут, на мой взгляд, необходим небольшой комментарий.

Петр, идеализировавший Нидерланды, где он провел немало веселого и деятельного времени в молодые годы, видел, как мне кажется, в немецком «ордунге» остзейцев часть той цивилизации, которая пришлась ему по душе в Европе. Царь превратил Балтию в своеобразную, как бы сказали сегодня, «ферму» для отработки элементов создаваемого им едва ли не с нуля обновленного Российского государства. И остзейские «фрайхерры» (бароны), герцоги и графы стали немаловажными инструментами в этом сложном и болезненном процессе. Как пишет Николай Костомаров в своей «Русской истории»: «Чтобы привязать к России Остзейский край, Петр в 1712 году дал жалованные грамоты шляхетству и земству Лифляндии и Эстляндии, утверждая их прежние порядки в крае: администрацию и судоустройство, но отказал дворянству в таких требованиях, которые были противны интересам граждан».

Что это означает? Дело в том, что тевтонские рыцари и их потомки, составлявшие весьма незначительную часть населения Балтии (по некоторым оценкам 6–8%), традиционно смотрели на коренных жителей региона как на людей второй категории, как исключительно на челядь и подневольных работников на чужих полях. Петр же, которого прежний балтийский общественный статус-кво в основном вполне устраивал, осознавал, что нельзя допускать в присоединенных землях столкновения сословий, тем паче при таком демографическом соотношении. А остзейские дворяне просили царя предоставить права аренды государственных земель только им. Петр позволить этого не мог. Он, видевший в горожанах-мещанах и крестьянах таких же своих подданных, как и дворян, предусмотрительно выступил защитником эстонцев и латышей. Но одновременно и приблизил к трону представителей прибалтийских немецких, шведских и датских знатных фамилий, дал им понять, что в Санкт-Петербурге для потомков захватчиков, некогда огнем и мечом пытавшихся «цивилизовать» Русь (достаточно вспомнить эпохальное Ледовое побоище), при добросовестной службе открыты самые блистательные карьеры. Царь видел очевидные плюсы в организации прибалтийского порядка и рассчитывал на распространение его опыта на русское общество, в том числе и с помощью остзейцев: чиновников, военачальников, деловых людей.

Историк Василий Ключевский передает слова царя: «Кому из вас, братцы мои, хотя бы во сне снилось лет 30 тому назад, что мы с вами

здесь у Остзейского моря, будем плотничать в одежде немцев, что доживем мы до того, что меня и вас так станут уважать иностранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда они перешли в Италию, а потом распространились было и по всем австрийским землям, но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши… Теперь очередь доходит до нас… Покамест советую вам помнить латинскую поговорку: *Ora et labora* (с латинского: "Молись и трудись") и твердо надеяться, что, может быть, еще и на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу русского имени».

Плюсы балтийского порядка

Потомки рыцарей, нельзя не признать, вполне оправдывали высокое доверие российских монархов. «Прибалтийские немцы имеют полное основание быть всей душой за династию, ибо только абсолютная власть царя оберегает их», – писал в 1860 году журналист и один из основателей Императорской публичной библиотеки Егор Беркгольц, сам остзеец – но не из знатных тевтонских рыцарей, а из скромных обер-офицерских детей. Лифляндец Беркгольц, учившийся в Риге, Дерпте, а потом, прошу заметить, в Берлине, был прав: немцы Балтии всегда были при власти, для них без разницы, какой и чьей – ливонской, шведской или русской… В любом случае большинство из них чаще всего служило не стране, а ее правителям. Известно: пес не кусает руку, дающую ему мясо.

Активно осваивая властные кабинеты и коридоры невской столицы, остзейцы старались свести к минимуму вмешательство центральной власти в жизнь Прибалтики. Тем

Портрет Петра I работы Жан-Марка Натье. 1717

более что три губернии – Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, составившие с XIX века Прибалтийский (Остзейский) край России, – обладали в империи особым статусом. В основе владения ими лежало местное законодательство («Свод местных узаконений губерний Остзейских»), по которому внутреннее управление краем осуществлялось органами дворянства наряду с правительственными учреждениями. Хотя сфера компетенции центральной власти с конца XVIII века расширялась, вплоть до начала Первой мировой войны губернатор, назначаемый из Санкт-Петербурга, был вынужден строить свою служебную деятельность так, чтобы по возможности не нарушать привилегий остзейской знати.

Начиная с Петра Великого, при всех российских императорах остзейцы занимали первостепенные роли в государстве. При Анне Иоанновне фактическим правителем страны был уроженец мызы Калнцеем герцог Курляндский Эрнст Иоганн Бирон. При Петре III, голштинце по происхождению

Подписание мирного договора в Ништадте 30 августа (10 сентября) 1721 года. Гравюра Питера Шенка (младшего). 1721

(Голштиния – сегодня это земля Шлезвиг-Гольштейн в Германии), присутствие в управлении немцев, в том числе и балтийских, стало еще более заметным. Впрочем, это не было частью продуманной государственной политики, а просто являлось следствием династических связей царя, идеализировавшего воинственного пруссака Фридриха II, прозванного Великим. Хорошо известно, чем закончилось такое пренебрежение отечественными государственными интересами: Петра III свергли и умертвили. И как? В итоге заговора его собственной супруги-немки, занявшей царский трон.

Но и при Екатерине II балтийские немцы, дополненные многочисленными переселенцами из германских государств (их было как минимум десятка два), стали значительным ресурсом для модернизации России. Они, обязательные, предприимчивые, требовательные, прагматичные, успешно вошли в государственный аппарат, в научную среду и, конечно, в армейские ряды. Они явились не пришельцами-временщиками, не ландскнехтами по контракту, но активными гражданами страны, испытывающей потребность, говоря современным языком, в квалифицированных кадрах. Принимая у себя и адаптируя под свои нужды такое количество чужеземцев, Россия своеобразно испытывала себя на прочность и разом – на гибкость. На умении воспринимать новое проверяла свое нутро. Реформы проводились поначалу в остзейских краях, а потом уже в остальной России. Это логично: в Прибалтике куда ощутимее и свежее чувствовалось дыхание Европы.

В 1804 году в Лифляндии начали заменять крепостное право системой подчинения крестьян по прусскому образцу. Окончательно крепостное право (более жесткое, чем в основной России) было отменено в Балтии на полвека раньше, нежели в великорусских губерниях. В 1816 году – в Эстляндии, в 1817 году – в Курляндии, в 1818 году – на острове Эзель и через год – в Лифляндии. Еще Екатерина Великая планировала провести подобную реформу, но реализовал такие масштабные перемены только ее внук Александр I. Другой вопрос – удался ли этот эксперимент? Ведь крестьяне были освобождены без земли.

В любом случае и после «освобождения крестьян» балтийско-немецкое дворянство сохранило свои права и привилегии, как политические, так и имущественные. Чтобы ими пользоваться, необходимо было принадлежать к родам, которые были внесены в особые списки коренного дворянства, сформированные еще в эпоху тевтонства. В Санкт-Петербурге эти документы только подтвердили. Списки назывались «матрикулами». Отсюда и тот факт, что остзейцев еще называли в России «имматрикулированными дворянами».

Через них, начиная со времен Петра I, влияние на русскую культуру протестантских стран становится преобладающим. В XVIII и XIX веках дворяне в России говорили и обучались по-французски, но управляли и строили по-немецки. Через Балтию технические и инженерные знания приходили с севера Европы в Санкт-Петербург и оттуда расходились по всей огромной стране. То же касалось и географии, истории. Не зря замечательный писатель, драматург и историк Николай Полевой, введший в русский оборот слово «журналистика», замечал не без иронии: «Мы до сих пор и для себя самих не можем составить порядочного описания России, порядочного описания Петербурга и Москвы. Спасибо, добрые иностранцы за нас хлопочут и составляют нам географии и истории, из которых мы изучаем Россию».

Остзейская Прибалтика сделалась для России своеобразной лакмусовой бумажкой по проверке готовности русской элиты в качестве представителей титульной нации воспринимать европейцев на равных, не подавляя никого и не унижая, признавая любую религию (как в XIX веке поразился знаменитый французский писатель Теофиль Готье лютеранской церковью Святых Петра и Павла на Невском проспекте, главной магистрали столицы!), и благосклонно включать в свое общество, оценивая каждого в зависимости от его способностей и заслуг. Потомки тевтонцев принимали новые правила бытия и научились подчиняться и даже поклоняться не магистрам и курфюрстам, а царям и их генералам. Остзейцы оставались рыцарями. И служили России на славу! Не перечислить всех героев-остзейцев, отличившихся на войнах россиян с французами и турками, персами и поляками… В том числе, заметьте, и с немцами, шведами, датчанами.

Для «русских немцев», сменивших тевтонские мечи на российские сабли и штыки, они однозначно были врагами, неприятелями. С разнообразными германцами, составлявшими весомую часть Великой армии Наполеона, остзейцы сражались, не жалея живота своего. Сколько портретов их висит в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге! Фронтовыми героями в наполеоновских войнах балтийские немцы становились целыми семьями. Это братья-генералы Карл и Адам Бистромы, братья-генералы Карл, Егор и Яков Сиверсы… Бились за Россию и генерал Федор Корф, легендарные партизаны Александр Левенштерн и Александр Бенкендорф (он, к сожалению, остался в популярной истории исключительно как глава Третьего жандармского отделения Николая I, что несправедливо), генерал Петр Пален, генералы Яков Гине, Федор Линдфорс и Иван Мантейфель, погибшие в 1813 году в Битве народов под Лейпцигом… А генерал от инфантерии граф Федор Буксвеген, главнокомандующий русскими войсками в 1808 году в ходе Русско-шведской войны!.. И наконец, эстляндский барон, адмирал Николай фон Эссен, командующий флотом Балтийского моря в Первую мировую войну.

Какие гордые, поистине рыцарские фигуры на фоне овеянного пороховым дымом российского пейзажа!

Дворянство – не принадлежность к нации, это такая же аксиома, как то, что русский офицер в атаку шел первым. Таков принцип боевого служения, в нем главное – верность присяге, преданность правителю, военачальнику вплоть до готовности распроститься с жизнью. Остзейцы дорожили честью и эполетами, достойно служили царю, а значит – России, многонациональной стране, ставшей их родиной, о которой так емко написал в начале прошлого века в своей книге «Европа и душа Востока» житель Риги немец Вальтер Шубарт, ученый и публицист, после занятия Красной армией Прибалтики в 1940 году окончивший свои дни в казахстанском Гулаге: «Россия так же, как и Индия и Китай, есть континент, насчитывающий ныне 169 национальностей и адептов всех мировых религий… Восточная граница Европы проходит по Висле, а не по Уралу; она протекает ныне так же, как и в Средние века, там, где остановился поток немецкой колонизации. Русская национальная политика, не делающая различий между отдельными расами, народами и племенами, показывает, что Россия начинает чувствовать себя континентом…»

«ХРАБРЫЙ ТОВАРИЩ, ЛИХОЙ ЛЕВЕНШТЕРН!»

Барон-партизан был в родстве с Кутузовым, находился под подозрением у Александра I и захватил золото Наполеона

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Его называют одним из прототипов Андрея Болконского. Вполне возможно, если учесть, что военные «Записки» барона Вольдемара Германа фон Левенштерна, он же Владимир Иванович Левенштерн, вышли в первом издании в 1858 году. Лев Толстой вполне мог бы их читать за несколько лет до того, как начал работу над своей гениальной эпопеей. Впрочем, все зависит от того, что считать главным в характере князя Андрея. Если – собственное достоинство, независимость и острый ум, то Владимир Левенштерн, потомственный аристократ и офицер, вполне соответствует герою «Войны и мира». Если же – сдержанность, сухость и нестяжательство, то речь тут не про барона, отличавшегося кавалерийской лихостью, бесшабашной храбростью и азартом заядлого игрока.

Герб Левенштернов

Если бы Владимир Левенштерн жил не на рубеже XVIII и XIX столетий, а века на два-три раньше, он бы, я уверен, стал одним из наиболее заметных кондотьеров или ландскнехтов Европы. А так Отечественная война 1812 года и последовавшие за ней события превратили его, красавца-бонвивана, не только в защитника родины, но и в отчаянного рубаку, не устающего искать приключений.

Русский фон-барон

Он родился 8 декабря 1776 года в фамильном замке Разик в Эстляндии. Один из наследников древнего немецкого рыцарского рода, поступившего на службу России и получившего баронское достоинство еще от Петра Великого в 1720 году. С молодых ногтей его записали в гвардию вахмистром. В Табели о рангах, учрежденной Петром I в 1722 году, этот чин не присутствовал, ибо был унтер-офицерским. Но в семнадцать лет Владимир был пожалован чином ротмистра в Украинском легкоконном полку, вскоре переименованном в Стародубский кирасирский. Более того: статный и красивый парень, свежеиспеченный офицер из знатной фамилии был представлен Екатерине II.

«Голубой мундир (bleu de Prusse) с красными обшлагами, серебряными пуговицами и аксельбантами был сшит в 24 часа, и я присутствовал в нем 1 января на придворном балу. Я имел счастье благодарить императрицу, которая милостиво дала поцеловать руку», – запишет он позже в своих мемуарах.

Казалось бы, начало блестящей придворной карьеры положено. Но не все столь просто. Левенштерн, почитай, еще совсем юный, чурался паркетного бытия. Как Андрей Болконский, он мог бы сказать про петербургские нравы: «Эта жизнь не по мне!» Богатый, знатный, представительный, он жаждал от каждодневья не коридорных интриг и альковных похождений, а острых ощущений, без которых нельзя укротить незаурядные амбиции. Обрести это он

мог только в армии. В той самой, в которой были великие русские полководцы: Салтыков, Румянцев, Фермор. И конечно, Александр Суворов: «Дамы с восторгом целовали ему руки, которые он давал им для поцелуя, не стесняясь».

В войска Суворова Владимир и определился: «Я вернулся из столицы, не утратив чистоты нравов и чувств».

Россия, как всегда, воевала. С турками, персами, французами… В 1798 году Левенштерн отправился на Рейн сражаться против революционной Франции. Бьется честно, на славу и заслуженно получает чин майора. В 1800 году остается в войсках, отправленных под предводительством графа Петра Палена к берегам Балтийского моря для наблюдения за английским флотом адмирала Нельсона. Палена, тоже остзейского немца (только из Курляндии), он и раньше знал, это знакомство сыграет для Левенштерна дурную службу. Он ненавидел дворцовые интриги с их изощренной клеветой и кривыми слухами, но без сего в империи было никуда. Мать-императрица Мария Федоровна не могла простить Палену видную роль в свержении ее сына Павла I. В Санкт-Петербурге некоторые влиятельные люди горят желанием расправиться с бароном Паленом, достается по касательной и его соплеменнику барону Левенштерну. Палена отправляют в отставку «за болезнями от всех дел» с приказанием немедленно отбыть в свое курляндское поместье Гросс-Экау. Вскоре увольняется со службы и Владимир, который уезжает на фамильную эстляндскую мызу Разик, формально тоже «вследствие болезни».

Однако худа без добра, как известно, не бывает. Блестящий офицер в отставке влюбляется и женится. Выгодно! На Наталии фон Тизенгаузен, фрейлине двора Ее Величества. Большая фамилия, знатный род. Брат Наталии Фердинанд, он же Федор, женат на Елизавете, дочери Михаила Кутузова. В 1805 году у Владимира и Наталии рождается первенец, отец называет его Львом. Не правда ли, как славно звучит: Лев Левенштерн! Однако не проходит и полгода, как мальчик умирает. А тут еще Битва трех императоров при Аустерлице, в которой погибает Федор-Фердинанд, любимый зять Кутузова. Горделиво, красиво – с полковым знаменем в руке. (Как не вспомнить «Войну и мир» с подвигом Андрея Болконского!)

Портрет Владимира Ивановича Левенштерна работы неизвестного автора

Двойной удар для Наталии: в один год уходят в мир иной и ее сын, и ее любимый брат. Господь, однако, милостив. Вскоре она вновь забеременела, рождается сын, которого называют в честь ушедшего дяди – Фердинандом. Но и он не жилец: умирает, когда, как напишет позднее его отец, «у него прорезывались зубы».

Наталия, по словам супруга, «чувствительная сердцем», едва не теряет рассудок. У нее начинается болезнь, природы которой врачи не понимают. Сегодня это назвали бы онкологией, раком груди. Владимир находит лучших

Портрет Александра I работы Джорджа Доу. 1826

врачей, вывозит жену на лечение в Вену, где ей безуспешно делают две операции. Наталия мучительно умирает в 1809 году, за день до того, как в столицу Габсбургов входят французы. Левенштерн остается в Вене, несмотря на панику в городе, ему удается забальзамировать тело супруги, положить его в гроб, наладить отношения с французами и договориться с ними об отправке праха в Россию. Туда, где его уже ждут две другие могилки, маленькие… Все это впоследствии будет использовано дворцовыми клеветниками против Владимира Ивановича, которого обвинят в работе на французов!

В просторном, пустом эстляндском замке Левенштерн, оставшийся совершенно один, места себе не находит. И решает вернуться на военную службу. В армию возвращается другой человек – вместо румяного барина-бонвивана и одержимого игрока (однажды он проиграл в карты 400 тысяч рублей, сумасшедшую сумму!) в седло садится офицер с седыми висками, знающий, что у него только одна жизнь и посвятить ее он должен подвигу. Он не скрывал, что хотел умереть и сделать это желал достойно для дворянина и полезно для родины. Оказий же для подобного действа бурное время наполеоновских войн подготовило с избытком.

«Доносы и наветики страшнее, чем картечь...»

«Львиная звезда» – так переводится с немецкого его фамилия. На гербе Левенштернов изображен стоящий на задних лапах золотой лев. Как царь зверей, знающий себе цену. «С самого моего вступления в свет моей первой и самой серьезной заботой было достигнуть почестей не раболепствуя», – сформулирует свое жизненное кредо Владимир Левенштерн. Кредо, которому никогда не изменял.

Он приехал в Санкт-Петербург с массой впечатлений от общения в оккупированной французами Австрии с наполеоновскими штабными офицерами. О Левенштерне доложили Александру I, и император захотел встретиться с человеком, прибывшим непосредственно из главной квартиры армии Бонапарта, обосновавшегося в Вене. Барон охотно делится с царем своими впечатлениями об организации французской армии, об ее внутреннем устройстве… Меткий ум Владимира и его аналитические рассуждения нравятся монарху, и он приглашает офицера поступить в Кавалергардский полк, стать императорским флигель-адъютантом. Но происходит невероятное: Левенштерн отказывается! На некоторое время, конечно… Объясняет, что обстоятельства

сильнее его – надо еще предать земле прах любимой жены, отдать ей последнюю дань ношением траура. Александр, видимо, соглашается, однако все запоминает. Это потом не раз сработает против Левенштерна. И как!

Проходят в трауре несколько месяцев, и Владимир, о чьей безупречной репутации в армии еще помнят, отправляется под полковые знамена. Сначала становится старшим адъютантом генерала Михаила Барклая де Толли, затем – фельдмаршала Михаила Кутузова, своего дальнего родственника. На таком посту обычно быстро делают карьеру, но Левенштерн встречает наполеоновское нашествие только в чине майора. Впрочем, он не плетет, как некоторые другие, столичные интриги, не лебезит в штабе в погоне за галунами, в его подчеркнутой независимости нет вызова – просто таковы его воспитание и темперамент. Да и события ни для него, ни для России складываются не самым благоприятным образом.

При отступлении главной квартиры русской армии из Вильны (нынешний Вильнюс) Левенштерн занимает должность делопроизводителя при составлении секретных донесений, и не случайно именно его Барклай де Толли посылает в Санкт-Петербург с депешей о том, что Наполеон, разогнавшись из встретившей его с распростертыми объятиями Польши, без особого сопротивления занял Литву. И образ своенравного остзейца, приносящего плохие известия, надолго запечатывается в сознании императора, накладывается на впечатления от упрямца, отказывающегося от царских милостей.

Дальше – больше! Левенштерну с его рыцарской прямотой удается испортить отношения и с Константином Павловичем, средним братом государя. Именно Левенштерну поручают передать великому князю повеление покинуть армию за несогласие с линией главнокомандующего. В былые времена гонцов плохих новостей казнили… Продолжала падать на Владимира-Вольдемара и тень состарившегося заговорщика Палена. Александр Вюртембергский, брат императрицы-матери и дядя Александра I, как-то пригрозил заносчивому майору: «Я вас изотру в порошок!» Левенштерн не растерялся: «Ваше Высочество, я охотно готов пожертвовать собой для службы императора, но еще не сделан тот молоток, который изотрет меня в порошок».

Накануне Бородинского сражения Левенштерн узнает от доверенных лиц, что его как «французского шпиона» (такой слушок «доброжелатели», сгорающие от желания потрафить царю, распустили в Санкт-Петербурге) должны выслать в Пермь, подальше от армии. Дескать, такова воля императора…

Не на того напали! Владимир будет на Бородинском поле и во главе батальона Томского полка станет участвовать в знаменитой обороне батареи Раевского, где его дважды ранят, к счастью – легко. Потом в армии его прозовут «Неуязвимым».

Он напишет: «Гром орудийных выстрелов всегда был для меня самой приятной музыкой. Какое-то предчувствие вселило во мне уверенность в мою счастливую звезду… Наверное, никто не был так часто в огне, как я; между тем я не только не получил никакого серьезного повреждения, но, будучи три или четыре раза легко ранен, я отделался так благополучно, что у меня не было повреждено ни одной кости… Все хирурги были поражены этим обстоятельством».

За героизм при Бородине Левенштерну присвоят звание подполковника, но ненадолго. Высочайшим изволением объявят, что это произошло «по ошибке». Офицер без страха и упрека был опозорен перед всей армией. И тут Левенштерн узнает, что фельдмаршалу Кутузову – все-таки родственник! – поступил секретный документ. Злопамятство императора не знало ни устали, ни пределов:

«Польза службы Его Императорскому Величеству требует, чтобы Ваше Сиятельство изволили… майора Левенштерна задержать до окончания войны под благовидными какими предлогами в Москве и покорнейше прошу Вас приказать за всеми его сношениями и знакомствами иметь строгий секретный надзор».

Михаил Илларионович несколько раз представлял Левенштерна к наградам. Но каждый раз Александр I собственной рукой вычеркивал его из готового приказа. Лишь его одного. Когда же Кутузов однажды спросил у царя, в чем причины такой немилости, император, провозглашенный «Благословенным», ничего не ответил тому, кого уже назвали «Спасителем Отечества».

Через много лет барон с горечью напишет: «…В нашей победоносной армии я один не пропустил ни одного сражения и был адъютантом двух главнокомандующих: Барклая и Кутузова – и приобрел за эту кампанию блестящую репутацию, не получив самой ничтожной награды».

Он оставался неуязвимым для пуль и картечи, но не для доносов и наветов.

Звезда золотого льва

В своих «Записках» Левенштерн признается, что искал смерти на Бородинском поле. Но не случилось… Зато потом судьба одарила его новой жизнью: «Я предал забвению прошлое, сказав: начнем сначала. Увидим, удастся ли потушить во мне священный огонь. Я уже не думал о карьере, хотел только быть полезным и доказать, что я чего-нибудь стою».

Портрет Владимира Левенштерна. Около 1850

Он объяснился с Кутузовым и уехал из штаба – главной квартиры, «где свили себе гнездо интриги, где было столько завистников и люди, ничем не занятые, единственно ради своего развлечения чернили репутацию тех, которые подвергали ежедневно свою жизнь опасности…»

Старый фельдмаршал поддержал своего родственника, решившего стать партизаном. Только бы подальше от штаба! И барона-остзейца назначили командиром отряда, составленного из двух казачьих полков. Изящно, не правда ли? Русский – это звучание сердца, это больше, чем родовые корни. Это – принадлежность к стране, ради которой ты готов на все. «Летучая партия» – так их называли тогда, а сейчас бы назвали спецназом.

«С этих пор у меня развилась верность взгляда и смелость действий, – признается Левенштерн, – благодаря которым меня называли впоследствии если не самым ловким, то по крайней мере самым счастливым из тогдашних партизан».

«Храбрый товарищ, лихой Левенштерн!» – говорил о баронe его коллега, начальник Главного штаба 1-й Западной армии генерал Алексей Ермолов. Учитывая, что будущий «проконсул Кавказа» был человеком крайне завистливым и злым на язык, такой отзыв дорогого стоит.

Их отряды называли «партиями», а их самих – «партизанами». Это были или регулярные армейские части: гусары, егеря, драгуны, или иррегулярные: казаки, башкиры, калмыки… Ни о каком массовом крестьянском движении против Великой армии говорить не приходится хотя бы потому, что его просто-напросто не было. Про «дубину народной войны» – это ко Льву Толстому… После созданного по инициативе Барклая де Толли первого партизанского отряда, который возглавил Фердинанд Винцингероде, возникло множество других подобных подразделений. Во главе их встали Александр Сеславин и Адам Ожаровский, Денис Давыдов и Александр Фигнер, Иван Дорохов и Александр Бенкендорф… Главной их задачей было перерезать коммуникации европейского воинства, узкой полоской растянувшегося от границ до Москвы на тысячу километров: перехватывать курьеров, разбивать отряды фуражиров, мешать доставке боезапаса и коней… Причем все это делалось согласно планам военного командования, за каждой «партией» была закреплена своя зона действий.

Так происходило в то время, пока Наполеон находился в России. Партизанская герилья продолжилась и тогда, когда начался заграничный поход русской армии. Тут уж Левенштерн развернулся на славу! За взятие с боя стратегически важного города Бернбург в Саксонии 5 октября 1813 года он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, самой желанной

офицерской наградой. «Мне посчастливилось первому одержать победу над неприятелем на новом театре военных действий», – не без тщеславия прокомментирует это Левенштерн, не знавший, что награду присудят ему только после третьего представления (клевета и вдали от родины поначалу преследовала его). Потом за сражение при Винзене, тоже в Саксонии, Левенштерну пожалуют орден Святой Анны 2-й степени.

Его ровесники и товарищи – вся грудь в орденах! – уже дослужились до генералов, а он… Впрочем, лихости и удачливости действий его «партии» могли позавидовать многие из коллег «летучего воинства».То Левенштерн перехватил предназначенную маршалу Николя Удино карету с серебряным сервизом, ящиками вина и 250 орденами и патентами Почетного легиона для наполеоновских офицеров. (Сервиз барон оприходовал по назначению, бордо распил вместе со своими удалыми казаками, а медали послал французам с почтмейстером, приложив записку маршалу: «Не желаю лишать доблестных воинов справедливо заслуженной награды… Это поощрение усугубит служебную ревность ваших солдат и увеличит славу тех, коим придется с ними сражаться»). То получил от генерала Фердинанда Винценгероде, первого русского партизана, приказ… захватить в плен Наполеона! Увы, не удалось: вопреки предварительным данным от разведки, император отправился не в Берлин, на пути к которому Левенштерн выставил засаду, а в Силезию, чтобы разбить прусского маршала Блюхера.

Бонапарта не пленили, зато захватили обоз с золотом. Ва-банк! Это была казна маршала Удино – жалованье десяткам тысяч французских солдат и офицеров. Потом Левенштерн напишет: «… Золото, взятое мной, возбудило зависть; если бы люди знали, как мало я придавал ему значения! Меня не радовало обладание сокровищем, взятым мной с бою, я был в отчаянии, что от меня ускользнул каким-то чудом Наполеон… »

Вожак партизан вовсе не кривит душой. Он просто воспринимает фронтовые трофеи как часть атрибутики войны. Понимает и то, что с обозами, груженными золотом и банкнотами, сам представляет желанную добычу как для французов, так и для охочих до походных трофеев партизан других «летучих партий». И пока новость не облетела всю Пруссию, Левенштерн спешит в Берлин. Там русская тыловая квартира, в большом городе проще укрыться с добычей. Благо военный комендант падок на «подарки», а барон, как он напишет позднее, всегда «был рад быть полезным для своих друзей». В общем, три повозки с золотом правдой и неправдой исхитрились спрятать, а потом благополучно сдать в русскую армейскую казну грандиозную сумму – 2,4 миллиона рублей. Правда, никто, кроме, конечно, Левенштерна, не знал, сколько всего изначально было захвачено у маршала Удино. Известно только, что в берлинских заведениях под красным фонарем русскими на неделю был напропалую закатан сумасшедший праздник! Да и винные склады прусской столицы в считанные дни существенно разгрузились… Чему тут удивляться? *A la guerre comme à la guerre!* Не только для французов: на войне как на войне!

О своих похождениях на европейском театре военных действий Левенштерн напишет увлекательную книгу. Совпадают ли факты его жизни с представленной им автобиографией? Никто сегодня не ответит на сей вопрос. Но читать интересно. И о том, как он «верхом с завязанными глазами с двумя жандармами» въехал на переговоры в осажденный союзниками город Суассон, открывающий дорогу на Париж, и запугал генерала Жана-Клода Моро. Заверил, что город будет взят, «хотя бы для этого пришлось нам пройти по груде развалин и трупов». Капитуляция гарнизона была достигнута без боя. Узнав о сдаче Суассона, Наполеон пришел в бешенство. Отдал Моро под суд, от расстрела генерала спасло только то, что вскоре пал сам Париж.

И при его взятии отряд Левенштерна, чью грудь украсят ордена многих стран, всегда был в первых рядах наступавших. Однако полковником он станет только в 1815 году. Возглавит легендарный Ахтырский гусарский полк. Владимир Иванович дольше других русских военачальников будет в Париже, где его назначат командующим всех оставшихся во Франции русских войск. Вернется в Россию только весной 1819 года.

Предубеждение Александра I против Левенштерна будет длиться едва ли не до последних лет правления Благословенного. Лишь летом 1825 года он на приеме для эстляндского дворянства пожмет у всех на глазах руку герою войны и скажет с натянутой улыбкой: «Мне кажется, я достаточно силен, чтобы устроить все дело к вашему удовольствию». Это смутное обещание продвижения воина по службе император не сдержал, скончался в Таганроге при невыясненных обстоятельствах. Долгожданное звание генерал-майора будет пожаловано Левенштерну год спустя следующим российским государем – Николаем I.

Барон-партизан останется в кавалерии до 1838 года и уйдет в отставку с мундиром и пансионом полного жалованья. Владимир Левенштерн тихо доживет до 82 лет и скончается в Санкт-Петербурге 21 января 1858 года. Вот уж воистину: жил в борьбе, любил в тоске, был на войне и умер в собственной постели.

ПРИБАЛТИКА В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Из книги писателя и публициста Александра Широкорада «Прибалтийский фугас Петра Великого»

После Полтавы Петр решил окончательно очистить от шведов Эстляндию и Курляндию, где шведские гарнизоны все еще удерживали ряд городов.

Самым укрепленным городом Прибалтики была Рига. Город защищал гарнизон численностью 13 400 человек под началом генерала Нильса Штремберга. В Риге находилось 563 пушки, 66 мортир и 12 гаубиц.

К Риге из-под Полтавы была двинута сорокатысячная русская армия под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева. Кроме того, некоторые части и осадная артиллерия из центральной России были отправлены на стругах и лодках с верховьев Западной Двины. Армия Шереметева двигалась крайне медленно и лишь в начале октября 1709 г. подошла к крепости Динабург. Обращу внимание читателя, что Динабург был в то время польским городом, но русские войска передвигались по Польше как у себя дома.

Из Динабурга основные силы армии Шереметева двинулись к Риге по правому берегу Двины, а четыре драгунских полка генерал-поручика Р. Х. Боура и донские казаки атамана Митрофана Лобанова шли левым берегом. 15 октября русские вступили в шведские владения, а 27 октября осадили Ригу. Одновременно была осаждена небольшая шведская крепость Динамюнде в семи километрах от стен старой Риги, на берегу моря в устье Западной Двины.

10 ноября под Ригу прибыл Петр I. Через четыре дня началась бомбардировка города. Однако особых повреждений ни стены, ни город не получили. Русскому командованию пришлось отказаться от штурма и ограничиться блокадой города. Эта задача была возложена на шеститысячный отряд под началом князя А. И. Репнина. Остальные войска были уведены на зимние квартиры в Курляндии и Литве. Петр уехал в Петербург, а Шереметев – в Москву.

Тем не менее бомбардировки Риги продолжались. 12 декабря от попадания мортирной бомбы загорелась крепостная башня, в которой были размещены запасы пороха. Сильный взрыв лишил осажденных части их порохового запаса и произвел гнетущее впечатление на горожан.

Несмотря на блокаду, зимой 1709/1710 г. рижане систематически получали продовольствие и боеприпасы из Динамюнде, куда они доставлялись морем. Чтобы прервать эту коммуникацию шведов, Петр специально прислал под Ригу своего фаворита Меншикова с указом: «…от прихода неприятельских кораблей к Риге большую обсервацию иметь, и что принадлежит к пресечению неприятельской коммуникации устроить». Далее в указе говорилось: «…для принятия с моря неприятельских судов» перегородить Западную Двину «бревнами с цепьми и сделать несколько прамов и на них поставить пушки».

Выполняя указ царя, Меншиков и Шереметев построили свайный мост через Западную Двину. Перед мостом были протянуты связанные цепями бревна. На обоих берегах реки у моста русские построили батареи с тяжелыми пушками калибра 12, 18 и 24 фунтов. В верховьях Западной Двины близ Торопца корабельным мастером В. Шленграфом были построены два речных прама и пять малых судов, которые после схода льда отправили к Риге. Эти мероприятия не замедлили сыграть свою роль уже 28 апреля 1710 г., когда девять небольших шведских судов попытались пройти от Динамюнде к Риге. Шведы попали под сильный огонь русских батарей и, не сумев форсировать заграждения на реке, вернулись обратно.

К 29 апреля с зимних квартир к Риге подошла вся армия Шереметева. Петр очень боялся высадки шведского десанта в районе Динамюнде или в районе Пернова.

10 мая осаждающие получили существенное подкрепление – несколько десятков осадных пушек и мортир, доставленных по реке генерал-поручиком Я. В. Брюсом. Русская армия начала подготовку к масштабной бомбардировке Риги и к ее последующему штурму. Однако 14 мая в лагере осаждающих началась «моровая язва» – эпидемия чумы, занесенная, по-видимому, через Курляндию из Пруссии. В результате русский осадный корпус с мая по декабрь 1710 г. потерял 9800 человек.

Чума проникла и сквозь стены Риги. Смертность населения в городе была достаточно велика, источники приводят

различные цифры умерших от чумы, максимальная цифра – 60 тысяч человек.

Из-за эпидемии русское командование было вынуждено отложить штурм, но приняло решение усилить блокаду, чтобы вынудить город сдаться, не доводя дело до штурма. Для этого перед войсками была поставлена задача овладеть предместьями Риги и установить в непосредственной близости к городу мортирные батареи. Выполнение этого возлагалось на бригадира Штафа и полковника П. П. Ласси с отрядом численностью 2400 человек. В ночь на 30 мая Штаф, атаковавший правый фланг шведских укреплений, ворвался в предместье. Шведы, бросив пушки, отошли за стены города. 31 мая Ласси закрепил успех Штафа, войдя в предместье с левого фланга. В результате положение осажденных еще более ухудшилось. Русские войска развернули интенсивные инженерные работы и постепенно приближались к крепостным веркам. В занятом ими предместье были установлены три мортирные батареи (14 мортир).

С началом навигации шведский флот попытался оказать помощь осажденному городу. У Динамюнде сосредоточилась эскадра в составе 24 судов. Ее появление вызвало «необычную радость» среди осажденных. Но высадить десант противнику не удалось. Все его атаки отбивались огнем русских батарей с обоих берегов Западной Двины. 9 июня трем шведским судам удалось прорваться к Риге, но огонь с русских батарей заставил их отойти назад к Динамюнде. В конце концов вся шведская эскадра ушла в море и более не появлялась у устья Западной Двины.

В начале июня 1710 г. русское командование вновь начало готовиться к штурму. Шереметев предложил шведскому командованию сдать город, но граф Штремберг ответил

Первый русский генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев и Петр I на Памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

Портрет светлейшего князя А. Д. Меншикова. Неизвестный художник. 1716–1720

отказом. 14 июня русские начали интенсивную бомбардировку Риги. В течение 10 дней (с 14 по 24 июня) было выпущено 3389 бомб.

25 июня Штремберг наконец вступил в переговоры с русскими. К этому его побудила не столько бомбардировка, сколько требования немецкого населения города (дворянства, купечества и духовенства) о прекращении боевых действий. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что после Полтавы шведы проиграли войну окончательно и бесповоротно.

Переговоры о сдаче Риги продолжались более недели, и лишь 4 июля был подписан акт о сдаче города. Согласно условиям капитуляции, шведский гарнизон имел право свободно покинуть город. И действительно, 5132 солдата во главе с графом Штремберг с музыкой вышли из города. Однако, как и в других аналогичных случаях, русские нарушили условия капитуляции. Так, генерал-майор Альфендель и 351 человек офицеров и солдат были сразу оставлены в плену как лифляндцы из завоеванных русскими городов. В городе было арестовано 22 члена магистрата и 610 горожан.

Победителям досталось 561 пушка, 66 мортир и 7 гаубиц. Сообщая в Москву о взятии Риги, Шереметев писал: «С божьей милостью мне удалось с главным лифляндским городом Ригой, который до сего времени никогда и никакими средствами не был взят и во всей Европе непреступной девственницей считался, обручиться и привести его, как невесту, к честному соглашению».

4 июля князь Репнин вступил в город с шестью пехотными полками. 12 июля в Ригу торжественно въехал и сам Б. П. Шереметев. У Карлусовых ворот магистрат преподнес ему золотые ключи от города. В кирхе Шереметев принял присягу Петру от курляндского дворянства и духовенства. Шереметев подтвердил все духовные и гражданские права рижан.

30 сентября Петр в Санкт-Петербурге подтвердил капитуляцию, подписанную Штрембергом и Шереметевым, но велел задержать в плену весь шведский гарнизон. Сам Штремберг был доставлен к царю в Петербург, а позднее обменян на русского генерала Вейде.

После взятия Риги основные русские силы подошли к крепости Динамюнде. Ее гарнизон к началу боевых действий составлял 1200 человек, позже морем было доставлено еще 700 человек. Во время эпидемии чумы свыше 90 процентов гарнизона умерло, так что оборонять крепость было попросту некому. 8 августа комендант Динамюнде К. А. Штакельберг капитулировал. В Динамюнде русским досталось 198 пушек, 14 мортир и 13 гаубиц.

После взятия Динамюнде русские войска двинулись к небольшой шведской крепости Пернов, расположенной на восточном берегу Рижского залива в устье реки

Перновы. Крепость Пернов была вооружена 201 орудием, а ее гарнизон первоначально составлял около тысячи человек, но ко времени подхода русских большая часть гарнизона умерла от чумы. 14 августа гарнизон Пернова капитулировал практически без боя, из крепости вышло лишь 120 солдат и офицеров, остальные стали жертвами чумы. В крепости русскими было найдено 183 пушки, 14 мортир и 4 гаубицы.

Александр Коцебу. «Присяга Риги на подданство России в 1710 году». 1868

Одновременно небольшой русский отряд занял остров Эзель. Единственный укрепленный пункт острова – крепость Аренсбург была занята «без всякого сопротивления от неприятеля». В качестве трофеев русским войскам досталось 66 пушек и 4 мортиры.

Теперь в Прибалтике у шведов осталась одна только крепость Ревель. Операция против Ревеля была начата еще в декабре 1709 г., когда нарвский комендант полковник В. Н. Зотов двинулся с тремя драгунскими полками к Феллину в Эстляндию. Вступление русских войск побудило большинство жителей Эстляндии укрыться в Ревеле, несмотря на «универсалы» русского командования, призывавшие к спокойствию, и обещания, что разорения им никакого не будет, если русским войскам будет поставляться продовольствие. Шведский гарнизон Ревеля составлял 4500 человек.

Подойдя в августе 1710 г. к Ревелю, отряд Зотова расположился лагерем у Верхнего озера, служившего главным источником снабжения города пресной водой. По приказу Зотова канал, подававший воду из озера в Ревель, был немедленно перекрыт. Город лишился не только пресной воды, но и мельниц, расположенных на канале. Вскоре гарнизон Ревеля и его жители почувствовали тяжесть блокады. Из-за скопления большого числа людей в городе начались болезни. 11 августа был зарегистрирован первый случай чумы, свирепствовавшей затем в Ревеле до самого конца блокады.

15 августа по личному приказу Петра под Ревель прибыло шесть пехотных полков и один пехотный батальон под командованием бригадира Иваницкого. Они заняли высоту на берегу моря, чтобы иметь возможность вести огонь по шведским судам, направляющимся к городу. 18 августа к Ревелю подошла конница генерала А. Г. Волконского.

В конце августа из Пернова к Ревелю подошли войска генерал-поручика Боура. С прибытием этих войск сухопутная блокада Ревеля стала непроницаемой, но с моря шведские корабли свободно входили в Ревельский порт. Русский флот в районе Ревеля вообще не появлялся.

Петр решил воздействовать на психологию немецкого населения Ревеля и отправил в город «универсал», в котором обещал «сохранить в полной неприкосновенности… евангелическую религию, распространенную сейчас во всей стране и городах, все ее старые привилегии, свободы и права».

Универсал Петра, падение Риги и Пернова, а главное, эпидемия чумы сильно подорвали моральный дух гарнизона и жителей. Поэтому до бомбардировки города и штурма дело не дошло.

29 октября 1710 г. Ревель капитулировал. Согласно условиям капитуляции, гарнизон эвакуировался в Швецию. В Ревеле русскими трофеями стали 10 мортир, 57 медных и 174 чугунных пушек. После взятия Ревеля боевые действия в Прибалтике закончились.

Петр немедленно приступил к исправлению крепостей и гаваней в Лифляндии и Курляндии. По его указу был сформирован пятнадцатитысячный лифляндский корпус из «природных тамошних дворян», то есть немцев. Царь приказал на выгодных условиях пригласить «иноземцев (в основном немцев. – *А. Ш.*) на заселение мест, опустошенных язвою».

ПРИБАЛТИЙСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Своеобразие стран Балтии связано с историей, гудящей мощью рыцарских орденов, особым хуторским укладом жизни и необыкновенным уютом маленьких городов

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Лидия Койдула

Бродить по улочкам Таллина, словно стремясь расшифровать таинственный код города; зайти в церковь Олевисте, когда нет службы, и, сидя на скамье, постигать мощные вибрации старой веры.

Прибалтийская культура богата: начиная от быта, аккуратно налаженного в городах и сдержанно спокойного в сельской местности, и поднимаясь к словесным пластам, где эпические полотна, живописующие различные формы жизни, сочетаются с древним, мистическим рокотом «Калевалы», с поэзией, чья высота отмечена такими именами, как Майронис и Крейцвальд, а лиризм Койдулы сквозит пронзительными нотами, и патриотические мотивы завораживают подлинностью, когда не жертвенностью.

Слушать орган в Домском соборе Риги: звучащий так, будто соприкасаешься с небесной бездной.

Конкретика Вильнюса роскошна: как и тени былого – словно рыцарь проедет, цокают копыта коня по брусчатке…

Великолепие Прибалтики бесконечно – как и лучевая сила ее обаяния.

Лидия Койдула
(1843–1886)

Она, как утренняя заря. Или звезда. Лучи от ее поэзии пронизывают ткань эстонской жизни, многие песни на ее стихи воспринимаются народными.

***

Одно среди земных тревог
Мне счастье жизни вверил бог:

Где легкий шаг ни ступит мой,
Там красота идет со мной.

Там распри молкнут, и вражда
Не смеет заглянуть туда,
И, алым заревом горя,
Там слезы ночи пьет заря.
(Перевод Н. Лайдинен)

Заря важна: свет важен, и, творившая красоту Лидия Койдула, сознавая это, не могла снизить уровень доверенной ей высоты.

Нежным шелком обвивает сознание «Колыбельная»:

Солнце, вниз катясь, сказало:
«Хватит знать!»
И, закрыв глаза устало,
Завалилось спать.
Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, –
За ночь вырастешь большой.

Липа листьями играет:
«Не игра!
Если солнце не сияет,
Спать и мне пора».
Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, –
За ночь вырастешь большой.
(Перевод Н. Лайдинен)

Жизнь, конечно, не игра, все слишком всерьез: мало прожившая Койдула, с детства вовлеченная в литературную работу, знала это.

Дочь журналиста и просветителя Й. Яннсена, она помогала ему в издании газеты, делала переводы, для печати адаптировала ряд произведений, а первые свои стихи писала на немецком.

Патриотические взгляды формировались благодаря встречам со многими общественными деятелями – набиравшее силу народное самосознание!

Койдула оставила блестящие образцы патриотической поэзии.

Юргис Балтрушайтис

Любовная лирика, впрочем, сильнее действовала на сограждан:

Будь счастлив за двоих хоть
ты, любимый,
Пусть будет счастлив
кто-нибудь из нас.
А я не плачу… Улыбаясь, мимо
Я прохожу, не опуская глаз.

Ты не увидишь слез моих. Что слезы, –
Мне только бы сдержать
невольный стон.
Он очень тонок, слабый стебель розы,
Он весь в шипах, но не согнется он.
(Перевод Н. Лайдинен)

Граффити с изображением А. Х. Таммсааре в Тарту на стене городской библиотеки. Автор работы — Эдвард фон Лынгус

Грустно и тонко разносились ее песни, вилось серебро строк. Смешивала порой – метафизику, историю, современность:

Вспоминая дальний подвиг,
Я стою, Калевипоэг,*
Над могилою твоей.
Думы грозные роятся,
Как на небе громоздятся
Тучи, полные дождей.
(Перевод Н. Лайдинен)

Яркость звезды не меркнет.

Чрезвычайно важная для своего народа, Койдула прозвучала и на других языках. На русском достаточно переводов, свидетельствующих в пользу ее значительного дара.

Юргис Балтрушайтис
(1873–1944)

Совершенной огранки стихи, рассматривающие мир через призму символического восприятия:

Дрогнул и грянул безбрежно,
Землю сзывая на вече,
Колокол силы живой, –
Будут от вести мятежной
Сталью невольничьи плечи,
Скованный дух – тетивой!

Была и резкость молний, и упругая сила в поэзии Юргиса Балтрушайтиса, эстета, дипломата, символиста.

И сгущение красок, их фиолетовое своеобразие раскрывалось волшебными цветами, представляющими поля, возделанные им. И была тоска по тайне звездной…

Вся мысль моя – тоска
по тайне звездной…
Вся жизнь моя – стояние
над бездной…
Одна загадка – гром и тишина,
И сонная беспечность и тревога,
И малый злак, и в синих высях Бога
Ночных светил живые письмена…

Живые письмена светил переливались сокровенными знаками, понятными немногим, но то, что светила живые, говорило о необыкновенной чуткости поэта, прикасавшегося к гармонии своим сердцем, наиболее таинственной

* В эстонской мифологии богатырь-великан.

частью собственного человеческого вещества. И собственная малость подавалась поэтически, как волновая сила радуги, какую не постичь. И кружение стиха пело, переливалось огнями, жило необыкновенно:

Лишь высь и глубь!.. Лишь даль
кругом… Напрасно
Дерзаю взглядом, в полдень, в час
безгласный,
Хотя б на миг измерить
круг земной
И все пыланье неба надо мной…

И все это пыланье обрушивалось в чаши человеческого бытия, словно разгаданная поэтом тайна счастья, переданная другим, готовым к восприятию.

Балтрушайтис творил крупными сгустками слов, и ответствовали ему, казалось, небеса благосклонно.

Антон Таммсааре
(1878–1940)

Антон Таммсааре происходил из крестьянской семьи, родился и вырос на хуторе, на севере Эстонии.

Неторопливой размеренности жизни соответствуют скупые эмоции: национальный характер прописывается А. Х. Таммсааре впечатляюще с первого романа: «Хозяин усадьбы Кырбоя» …

Краски скупы, но и величественны: серовато-стальные закаты, сельская жизнь не подразумевает яркости. Ее следует искать в душе, точно вспыхивающей от возможностей слова.

…Виллу, сын хозяина усадьбы, возвращается, отсидев год в тюрьме за случайное убийство: на него полезли с ножом, и он, отмахнувшись дубиной, убил обидчика. Так закручивается сюжет романа, пронизанного своеобразной метафизикой и жизни, и национального колорита.

Название хутора писатель впоследствии сделал своим псевдонимом.

Религиозное воспитание причудливо переплеталось с музыкальным: мать обладала хорошим голосом; отец купил сыну скрипку, поскольку у того обнаружились способности.

Приходскую школу, в которой учился Тамсааре, возглавлял поэт и переводчик Якоб Тамм; подаренная мальчику книга стихов стала откровением: огонь сочинительства разгорался в недрах души.

В Тарту, где Тамсааре продолжает учебу в частной гимназии, начинается его литературная деятельность, постепенно ведущая к вершине «Правды и справедливости» – пенталогии, в какую Тамсааре вложил все, максимально, предлагая людям вариант тотального романа.

Крестьянская эпопея, за образец которой взята «Война и мир»; густая плоть жизни, зерна надежд, прорастающие худой реальностью…

Веселого мало в сочинениях Тамсааре: как мало его в человеческом бытовании. Счастье в браке? В жизни среднего класса?

Жизнь Таллина показана с разных ракурсов, разнообразно, насыщенно…

Тамсааре больше, чем кто-либо из эстонских писателей, подходит под понятие «народный».

Яан Кросс
(1920–2007)

Разнообразен был Яан Кросс – от стихов и переводов до монументальных исторических романов. Охватил все жанры; причем в прозе, стремясь найти баланс компромиссов и ригоризма, прагматики и идеализма, он не судит героев, сам пытается понять их.

История сильно прошлась по его жизни. Работая военным переводчиком во время Второй мировой, Кросс арестовывался нацистской полицией.

Потом – последовал арест НКВД, советские лагеря, опыт, способный перемолоть в пыль, но Кросс выжил, чтобы свидетельствовать.

«Императорский безумец» отправляет читателя в XIX век: полковник Тимофей фон Бок заключен в Шлиссельбург, потом в Петропавловскую крепость. Объявленный сумасшедшим за резкое, с изломами критики письмо Александру I, он узнает черствый хлеб жизненной боли.

В романе «Уход профессора Мартенса» Кросс, ставший после освобождения в 1954 году преподавателем, доцентом кафедры международного права, пишет о выдающемся российском юристе-международнике, дипломате и ученом Федоре Мартенсе (1845–1909).

Парадоксы и противоречия: подыгрывая своей стране в непростых вопросах международного права, Мартенс отстаивает – в статьях и томах – принцип цивилизованности, расходящийся с определенной практикой правительства Российской империи.

Кросс публикует стихи – прежде всего он поэт. Его произведения отличают усложненные ассоциативные узоры, интеллектуализм и непростая образность.

– Жук! – закричал малыш. –
Иди погляди, какой он красивый.
А я был занят – я думал о важном
и ответил:
– Гляди один, ведь жук
не станет красивей,
если мы на него поглядим вдвоем.
И тут же понял: это неправда.
(Перевод Л. Тоома)

Будто несколько существует правд: малыша и взрослого. Компактно определяется зрелость:

Памятник Яану Кроссу у Дома писателей в Таллине

Ты начинаешь различать добро и зло
и видеть красоту и безобразье
в обыденных предметах.
Это значит,
что наступила зрелость.
(Перевод Д. Самойлова)

И верлибры, и рифмованные созвучия в равной мере убедительно выходили у Кросса.

Он переводил Г. Гейне и Б. Брехта, И. Бехера и Ф. Шиллера; сад литературы, разбитый им, возвышен и значителен, и признание, которого он достиг, было логично: особенно, учитывая тяготы жизни, что пришлось перенести.

Саломея Нерис
(1904–1945)

Голос, идущий из глубины чувства, голос, словно созидаемый токами любви, и окрестный мир, проявленный множественно, используется для сравнений и сопоставлений – богатых, как звук:

Серые глаза твои представляю,
Чернь волос, что ворона крыла…
Ветер гонит пыль, как птичью стаю,
Над степями вихрь и полумгла.
Край шумит некошеной осокой,
Он меня не скроет от ветров,
Справятся со мною, одинокой,
Заметут, заледенят мне кровь.
(Перевод В. Корнилова)

Онтологическим опытом отягощенная – преподавала, редактировала издания литовских сказок, давала частные уроки – Саломея Нерис сближается с писателями левых и прокоммунистических взглядов, находя в их идеологии максимальное приближение к справедливости; установив контакт с подпольной ячейкой литовского комсомола, становится связной Коминтерна, обеспечивая канал, связующий с подпольной коммунистической газетой.

Не поэзией единой…

Хотя – и в революционном действе столько поэзии!

Серые тучи несут нам разлуку,
Серые тучи и пыль над Литвой.
В серой шинели жмешь ты мне руку,
Мой рядовой.
Здесь, на короткой твоей остановке,
Сердце тебе, как цветок, отдаю.
Не расставайся с другом-винтовкой
В смертном бою!
(Перевод С. Маршака)

Ей суждено рано сгореть; она, предчувствуя поэтическим пульсом лапидарность земного срока, живет на максимальных оборотах, предельно спрессовано; и стихи ладит максимально емкого образца.

Она совмещает интенсивный лиризм с мужеством интонаций и содержания:

Сожгите же меня – как ведьму!
Сожгите же меня
в сверкающем костре!
Не дрогну ни суставом – даже
в миг последний!
Ни губ не разомкну – спросите
вы иль нет.
Лишь посмотрю, как солнышко
садится, –
Как нежно пальцы его мне
лицо ласкают…

И не узнаете – почему мной вам
все простится,
И не поймете – почему
я улыбаясь умираю.
(Перевод Д. Самойлова)

Лучшие мастера русской переводческой традиции передавали ее стихи: она завораживала и накаломнаплывом поэзии своей и образом собственным.

Выезжает на фронт. Многократно. Читает стихи: они поддержат, напитают волевым духом бойцов Второй мировой…

Будто народная песня раздается, ликуя, взмывая, играя с ветром:

Ветер, ой ветер!
Ветер, все ветер!
Косы запутал, веет и дует,
За плечи обнял и щеки целует.
Желтый лист палый,
Жгучий мак алый
Он в мои косы тайно вплетает, –
Страстью осенней сердце пылает.
(Перевод Д. Самойлова)

Ликующий ветер жизни! Ибо жизни много в поэзии Нерис – разноплановой и разноликой, играющей столькими красками, что смерть отступает пред поэтической мистерией, закрученной поэтом.

Мемориальная доска Саломее Нерис в городе Пенза, Россия

ГОРОД ВОСПОМИНАНИЙ

Ее звали Лия Наппа. Пышная, высокая и монументальная, важно шествовала она по каменному перешейку между двумя домами: огромным, коммунальным, где жил на первом этаже мальчишка с молодыми папой и мамой, и другим, чья начинка так и осталась неизвестной – учреждение, вероятно…

Эстонка, приехавшая в Москву, обратилась к ребенку, игравшему на улице с вопросом, измененным акцентом. Он ответил. Оказалось, она приехала к ним.

Кислоты времен, действующие усердно, разъедают память; но осталось удивление тем, как она ела: эстетски, аккуратно и изумительно работая ножом и вилкой; мы тогда едали попроще.

Фейерверк фотографий отца: Прага, Брно, тонкие изгибы таинственных улиц, странно мерцающая, непривычная для Москвы черепица, соборы, возносящиеся так, будто взлетят сейчас, преследуя неизвестную цель,

Кадриорг, павильон Детского парка

монументальные памятники королям и героям…

Отец познакомился с Лией в Праге, в командировке: она химик, он физик, бездны СССР не подразумевали активных зарубежных вояжей, и Прагу ту отец, влюбленный в путешествия, почитал за удачу.

Через несколько лет едем в гости к Лии.

Разумеется – того мальчика нет, он вырос, хотя и немного, он добрался уже до активной книжности, постепенно оттесняющей реальность на второй план; и Эстония, разворачивающаяся за окнами поезда, Эстония, предшествующая Таллину, поражает неизбывностью аккуратности – какой-то набожной, столь правильной, что другое отношение к яви не мыслится.

Была белая ночь. Дорога, которой добирались к Лии, жившей в колоритном доме пригорода, стерлась, но помнится жестко, как той же, непривычно-беловато разлитой ночью отправились гулять по старому Таллину.

Он встречал равнодушно: просто впускал в себя: столько всего видел, что приезд кого-то мало интересен. Улицы, сплетенные в причудливый орнамент: и жизнью своей – пришлого чужака – не расшифруешь оный. Он раскрывался каменными цветами домов. Над их входами висели, поблескивая железно, старинные цеховые символы: вот закрученный калач, а дальше – скажем, сапоги…

Ратуша серела, основательное арочное сквожение не подразумевало людей, а старый Томас, венчавший башню, был готов к любым переменам ветра. И несмотря на ночь и малое количество публики, возле ратуши играл ансамбль старинной музыки: длинноодеянные молодые люди (почему-то казалось студиозусы) использовали инструменты, названий которых ни отец, ни, тем более, мальчишка знать не знали…

Лия жила в пригороде с названием, которое потерялось в памяти ребенка, так быстро ставшего взрослым, зрелым, пожилым…

Дом в два, не то три этажа, рассчитанный на несколько семей; квартиры просторны, и потолки высоки. Лия интеллектуалка, говорившая на пяти языках, и библиотека обширная на стольких же, и простоватый муж Яак – строитель: странный контраст. И был пудель – великолепный, черный, гигантский пудель, курчавый и лохматый, доброжелательный и игривый. Помнится, Яак, сидя в кресле, держал, зажав плотно, кость с мясом, а пудель тщательно работал над ней, устроившись на ковре. Но имя собаки потерялось там же, где имя пригорода.

Комната, занятая нами с отцом, выходила во дворик; обеды Лия накрывала за обширным круглым столом и готовила постоянно: щедра по-русски… Ах, кексы ее! Тут же впервые попробовал взбитые сливки: в Москве не было этой сласти. На каждую дольку порезанного кекса клался какой-либо фрукт, а сверху опускалась белопенная шапка сливок.

Суп из ревеня был непривычен, как еще один десерт: сгусток

манной каши, плавающий в ревеневом киселе… Мясо тушилось. Рыба запекалась…

О чем они говорили с отцом? Мальчик мал – пятый, что ли, класс. Он практически не общался с тетей Лией, обсуждавшей с папой… то Прагу, то Москву. И литературу – мальчик слушал, живя уже ею…

В отличие от имени пригорода и пуделя никогда не забудется тюленёнок из зоопарка – помнится яркой вспышкой памяти… Меняли воду в большом бассейне (впрочем, по московским меркам, не особенно большом), и тюленёнок, сияя мордочкой, явно улыбаясь, забирался, смешно переваливаясь и опираясь на ласты, по своеобразному пандусу, чтобы (кажется, сейчас воскликнул бы что-то от восторга!) скатиться на лаково блестевшем пузе и, плюхнувшись в воду, снова карабкаться вверх, улыбаясь… Такой золотой жизненный наплыв впечатлений можно испытывать только в детстве…

Серо-стальной рябью течет залив, и порт работает, как муравейник. Ангел, возносящий крест: памятник погибшим морякам.

Парк Кадриорг, томно и нежно колыхавшийся зеленью.

Дверь в собор открывается туго (не дверь – целые врата) и поглощает огромное, чистое пространство, а синеватое обилие скамей напоминает волны.

Музей музыкальных инструментов раскрылся волшебною шкатулкой. В группе мы с отцом были единственными русскими, и седовласая эстонка, изящная и строгая, вела экскурсию на двух языках.

Густо гудела волынка, напоминавшая внутренний орган какого-то неведомого животного; а как плыл звонкий менуэт!

Музыкальных шкатулок никогда не видел до этого… хотелось потрогать танцующих куколок.

Картинки слоятся, глубоко впечатанные в память.

Лия предложила поехать к ним на дачу: местечко называлось Вызу и отличалось такой аккуратностью, что, вспоминая шестисоточное калужское царство близких родственников, можно было поражаться и поражаться.

Яак, заядлый рыбак, уйдя на моторке в зону залива, привез много рыбы, и пегая кошка, получив свою, съела ее целиком, с костями и позвоночником.

Бродили с отцом; гуляли, вышли к церкви, черной и закрытой; сквозь стрельчатые окна едва угадывалось содержимое.

У кладбищенского входа два ангела переливались черным лаковым камнем, а само кладбище отличалось набожной аккуратностью…

Все – по линеечке… отмеряйте по ней мелькающие годы и данные для того, чтобы прийти к смерти.

Подниматься в верхний город интересно: лестница щедра, не обманет. Было нечто игрушечное в устройстве домов, нравилось глядеть вниз, воображая: рыцари сейчас проедут, искры полетят из-под копыт…

Ничего игрушечного не предлагала Домская церковь: много захоронений, плиты под ногами, покрытые письменами, темные гербы на колоннах и стенах… курчавый св. Маврикий. Мраморный блеск старых немых гробниц.

Лия повела к подруге-художнице: мастерская была в подвальном помещении: впрочем, только называлось подвальным: все оборудовано аккуратно и красиво. Помнятся восклицания, разговоры взрослых, подаренные две маленькие картины: на одной – сочно выписанные анютины глазки, горящие ранами цвета, мазки, идущие от Ван Гога, на другой – лиловые ирисы. Картины долго висели в Москве на кухонной стене.

А это – русский букинистический: вход с торца дома, в старом городе, и дом трехэтажный, под черепицей, конечно.

И вот отец, увидав литературную энциклопедию, воскликнул:

– Ну надо же, в Москве не могли купить…

Продавщица с лошадиным лицом и длиннозубой, но вполне дружественной улыбкой спросила:

– Давно ищите?

– О да, – ответил отец, довольно потирая руки.

Тащили девять томов – тяжелых, коричневых, столько листанных-читанных потом. Потом… Отец умрет так рано, что не представить, не вообразить тогда, в Таллине. Мама какое-то время будет переписываться с Лией… Узнает о смерти Яака… Потом все прервется.

Таллин останется со мной – мальчишкой, упорно не желающим взрослеть, хотя и подходящим формально к старости.

Таллин останется со мной невероятным ощущением таинственного счастья, гнутыми улицами, наплывом и напластованием рыжей черепицы, тюленёнком, так чудно улыбавшимся в бассейне…

Александр Балтин

РИГА БЕЗ ПИКУЛЯ?

Им восхищались, его нещадно критиковали, его книги зачитывали до дыр…

ИГОРЬ ГУСЕВ,
агентство «Спутник», Латвия

Выдающийся русский писатель Валентин Саввич Пикуль… Многие хорошо помнят невероятную популярность его книг, каждая из которых сразу же после выхода немедленно становилась вожделенной редкостью, за нее готовы были платить баснословные деньги. Произведения Пикуля издавались огромными тиражами, однако их все равно не хватало. Им восхищались, его нещадно критиковали, его книги зачитывали до дыр…

При жизни писателя мы не были с ним знакомы, но позже посчастливилось мне много общаться с Антониной Ильиничной, его супругой, ставшей подлинной хранительницей духовного и творческого наследия Валентина Саввича, его «берегиней», как называл он ее когда-то. Бывал я и в знаменитой квартире писателя с ее бесконечными стеллажами редчайших книг, многим из которых воистину нет цены. Позволили мне посидеть за огромным деревянным столом, сплошь покрытым чернильными пятнами, – легендарным рабочим столом Пикуля, местом его бессонных «ночных вахт». Он имел обыкновение работать по ночам и писал обычным стареньким чернильным пером, считая, что пока перо неспешно окунается в чернильницу, зачастую дозревает мысль и находятся самые нужные слова.

Для меня этот неординарный человек являет собой жизненный пример, подлинный источник вдохновения. Великий труженик, иронично сравнивавший себя с верблюдом, безропотно несущим неподъемный груз к своей цели. Фигурка такого верблюда стояла на писательском рабочем столе.

Пикуль любил и хорошо знал Ригу. Но с рижских домов, где жил Пикуль, сняли две памятные доски: одну с дома на улице Тербатас, где он жил и работал с 1962 по 1978 год, другую – с дома по улице Весетас, где писатель проживал до своей кончины в 1990 году. Еще ранее переименовали аллею, носившую его имя…

Борьба с историческим прошлым продолжается в Латвии. Идет последовательное выкорчевывание всего, что так или иначе напоминает о русском и советском прошлом прибалтийской земли. Будто его и не было вовсе.

Кем же он был, писатель Валентин Пикуль? Надо ли вообще сохранять память о нем и о его книгах?

Родился он в Ленинграде 13 июля 1928 года. Когда началась война и гитлеровские самолеты совершали налеты на город, многие подростки помогали взрослым спасать дома от немецких авиационных зажигательных бомб. В числе других Валя во время вражеских авианалетов дежурил на крышах, оберегая их от пожаров, тушил «зажигалки».

Он пережил страшную блокадную зиму. Весной 1942 года вывезен был по «дороге жизни» в Архангельск, где на Беломорской военной флотилии служил его отец.

Немного окрепнув, подросток сбежал из дома и поступил в недавно организованную Соловецкую школу юнг. Позднее он опишет время своей учебы там в автобиографической книге «Мальчики с бантиками».

Получив флотскую специальность рулевого-сигнальщика, с осени 1943 года Валентин Пикуль был зачислен в экипаж эскадренного миноносца «Грозный». Этот славный боевой корабль нес опасную службу в Заполярье, участвовал в сопровождении союзных конвоев, доставлявших в СССР важные военные грузы, охотился на нацистские субмарины, занимался поиском безвестно пропавших судов союзников. В редкое свободное время Пикуль изучил новую специальность штурманского электрика и в свои 16 лет стал командиром боевого поста.

Когда закончилась война, ему еще не исполнилось 17 лет, но он уже был закаленным, много испытавшим парнем, имевшим боевые награды.

Он стал литератором по зову души, желая передать читателю свои мысли, чувства, переживания – все то, что вынес из лихолетья войны. Писалось трудно, сложно. Имелся жизненный опыт, но не хватало элементарных знаний, базового образования, до многого приходилось доходить самостоятельно, через книги, которые он читал буквально запоем. Особую благодарность и любовь к книгам сохранил он на всю жизнь.

Валентин Пикуль стал выдающимся писателем исключительно благодаря своему трудолюбию и непреодолимому упорству, жажде самообразования и постоянного самосовершенствования.

Первый его роман «Океанский патруль» вышел уже в 1954 году. И хотя позднее сам он достаточно

Памятник Валентину Пикулю в Мурманске, Россия

критично оценивал эту книгу, она стала важной вехой на жизненном пути. Он посвятил ее светлой памяти своих друзей-юнг, погибших на войне, исполнив тем самым свой товарищеский и человеческий долг перед ними…

В Союз писателей СССР Валентина Пикуля приняли в 1956 году, литература с той поры являлась основой и главным смыслом его жизни.

В 1962 году Валентин Пикуль переехал в Ригу, и этот город стал местом, где писатель создал самые выдающиеся свои произведения. Писал он по ночам, называя эти творческие бдения «ночной вахтой». Созданию каждой книги предшествовали годы кропотливого изыскательского труда. Еще не было интернета, и потому поиск информации становился порой настоящим исследовательским подвигом. Любыми путями, за любые деньги доставал он редкие книжные издания, порой вековой давности. Подлинные исторические личности, порой малоизвестные и забытые, становились героями его произведений. Извлекая их из тени забвения, Пикуль своим пером как будто давал им новую жизнь, возвращал из безвестности славные имена.

Конечно, никто из нас не застрахован от ошибок, и при критическом разборе можно найти в произведениях Пикуля исторические огрехи и неточности. Но не следует забывать о том, что это прежде всего художественные произведения, и нельзя оценивать их по меркам научной диссертации.

Он являлся великим популяризатором исторической науки, и невозможно подсчитать всех тех, у кого пробудил он искренний интерес к прошлому, приобщил к музе Клио. Пикуль стремился привить читателю искреннюю любовь к Отечеству, о чем писал: «*Знание прошлого Отечества делает человека богаче духом, тверже характером и зорче разумом. История воспитывает в нем необходимое чувство национальной гордости… Сравнивая прошлое с настоящим (и делая выводы на будущее), мы должны знать, что наше государство не имело блаженных времен и жизнь русского народа всегда была сопряжена с преодолением неслыханных кризисов.*

Принижать свою историю, забывать ее или извращать – значит, оплевывать могилы своих предков, боровшихся за родную русскую землю…

Никакое произведение не будет иметь патриотического воздействия, если сам писатель, композитор, режиссер не является искренним патриотом.

Мемориальная доска Валентину Саввичу Пикулю в Риге по улице Тербатас, 93/95 (открыта 18 октября 2014, демонтирована в июне 2025)

И как бы профессионально и грамотно ни было сделано произведение, фальшь все равно даст о себе знать».

За свою долгую плодотворную писательскую жизнь Валентин Пикуль создал в общей сложности 28 томов книг, из которых 24 появились на свет именно в Риге. Сегодня это звучит немыслимо, однако общий тираж их достигает полумиллиарда экземпляров…

Я помню, как трудно было раздобыть для чтения его популярные романы: «Баязет», «Реквием каравану PQ-17», «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров», «Моонзунд», «Слово и дело», «Из тупика», «Крейсера», «Фаворит», «Честь имею!». К сожалению, последнее произведение «Барбаросса» так и осталось недописанным…

Его книги переводились на иностранные языки, в том числе и на японский. После издания в Париже романа «Пером и шпагой» французский журналист оценил Валентина Пикуля как «наиболее интересного рассказчика современности». Переводились книги Пикуля и на латышский язык, хотя в латышской литературной среде его явно сторонились, не желая прощать ему нескрываемой им любви к России и русскому народу.

Он говорил: *«Мне кажется, что русскому народу традиционно присущи следующие природные качества: в трудные моменты истории происходит размывание граней между "высшими" и "низшими" и весь народ сплачивается в единое целое, подобно ртути (это качество отметил Бисмарк).*

Всепобеждающее русское долготерпение. Непритязательность, способность довольствоваться малым. Душевная щедрость и гостеприимство. Способность русского человека болеть чужой болью, страдать за соседа. Очень активная контактность – вы заметьте, как быстро сходятся русские люди

Мемориальная доска Валентину Саввичу Пикулю в Риге по улице Весетас, 8 (открыта 30 августа 2011, демонтирована в июне 2025)

в дороге, в очередях. Умение выносить неслыханные нагрузки и быстро осваиваться в любых обстоятельствах. Способность рассуждать и быстро перенимать опыт других. Чистоплотность. Способность к моментальной и поголовной мобилизации при возникновении опасности для Родины. Самопожертвование и тяга к риску. Азартность. Широта взглядов, выходящая за пределы квартиры, дома, деревни, области, города, страны. Удивительная и уникальнейшая тяга к чтению. Так можно продолжать без конца».

Тема настоящей «русскости» персонажей его произведений оказалась слишком вопиющей и весьма многим была не по нутру. Но именно такими являлись любимые герои Пикуля: самоотверженные, честные, видевшие главный смысл своей жизни в служении Отечеству. И эти герои становились примером, настоящей путеводной звездой для очень многих читателей.

Став историческим романистом первой величины, Валентин Саввич Пикуль продолжал писать много, отдыхая от своих больших произведений за созданием миниатюр, в каждой из которых проявлялся его недюжинный талант, поэтический склад ума, удивительная легкость изложения, едва успевавшая за стремительностью сюжета…

Вел он образ жизни затворника, пытаясь избегать праздного общения с многочисленными любопытствующими, страстно желавшими познакомиться со знаменитостью. Катастрофически не хватало времени, но, имея неравнодушное сердце, он старался не отгораживаться совсем от событий окружающей жизни.

За роман «Из тупика» Валентину Пикулю в 1987 году присудили литературную премию Министерства обороны СССР, и он отдал ее на лечение воинов, получивших ранения в Афганистане и находившихся в Рижском военном госпитале. Его роман «Крейсера» в 1988 году удостоился Государственной премии РСФСР, которую писатель перечислил для оказания помощи пострадавшим от землетрясения в Армении. Шолоховская премия, присужденная Пикулю за роман «Нечистая сила», была передана на восстановление Соловецкого монастыря.

Большой русский писатель Валентин Саввич Пикуль ушел из жизни 16 июля 1990 года и похоронен в Риге на Первом Лесном кладбище. В 2028 году исполнится 100 лет со дня его рождения.

А СОЛНЦЕ ЗАПАЯЛО НЕБОСВОД

Подборка стихов литовского и советского поэта, переводчика и общественного деятеля Эдуардаса Межелайтиса

Эдуардас Межелайтис (1919–1997) стал заметной фигурой в модернизации литовской лирики, сочетая гражданскую тематику с глубоко личным стихом. В его поэзии звучат темы ответственности, времени, человека и природы, помноженные на необычный для литовского языка художественный ритм и образность. Он работал как переводчик русской литературы, что усиливало его стилистическую гибкость.

Пепел

Эта рыжая пыль под ногами, щебенка
Из костей, – не осколки ль,
покрытые ржой?
Это, может быть, резвые
ножки ребенка,
Что за белою бабочкой гнался межой.
Иль ручки, – дитя ими
тянется к маме,
Обнимая за шею, ласкается к ней…
Или был этот щебень
большими руками,
Что с любовью к груди
прижимали детей.
Этот пепел, который
разносится с ветром,
Был глазами, смеялся и плакал порой,
Был губами, улыбкою,
музыкой, светом,
Поцелуями был этот пепел седой.
Был сердцами, тревогою,
радостью, мукой,
Был мозгами, сплетеньем
извилин живых,
Словно жизнь до конца, словно буква
за буквой,
Точно белым по черному писано в них.
Эти волосы – локоны, косы и прядки,
Что навалены мертвой
косматой горой,
Кто-нибудь расплетал
и взволнованно гладил,
И сухими губами касался порой.
Чистый трепет сердец,
вдохновенные речи,
Золотые надежды, сияние глаз…
Крематориев страшных горящие печи.
Пепел… Пепел… Лишь пепел
остался от вас.
Пролетая над проволокою колючей,
Птица мягко касается краем крыла
Дикой розы, на диво
багровой и жгучей,
Что на этой кровавой земле расцвела.
Боль, которой еще мое сердце не знало,
Превратилась в колючий,
соленый комок.
И, как пуля, в гортани
навеки застряла,
Чтоб дышать я не мог
и забыть я не мог.
Я тяжелый невиданный
глаз поднимаю
И от неба его не могу отвести,
Всем своим существом
к человеку взываю,
Человеческий пепел сжимая в горсти.

Сказка мельницы

Ветряная мельница машет руками.
Я машу ей крыльями. И обнялись
Я и деревянная великанша, –
Я на крыле у нее повис.

Я повис на крыле деревянном плоском,
Будто в былом, в далеком былом,
Когда я с отцом, батраком баронским,
Первый свой хлеб, наконец, молол.
А мельница машет
крылами и машет,
Как и я, которого северный ветер
кружит без конца.
Чего она машет? Об этом
не скажет!
Пожалуемся на каменные сердца…

Чего она хочет? Не так ли
вот точно,
Как я, ввысь подняться, над
полем витать?
Но нет… приросла она
к алчущей почве,
Как и я, что когда-то
пытался летать.

А мельницам главное – хлеб.
Чтоб мололся!
И кружим мы крыльями, силачи,
Как будто рассветное красное солнце
Упрямо над полем вздымает лучи.

Так и крутится, крутится
мельница на месте…
Но снятся ей, снятся
с давних времен,
Этой деревянной
крылатой поэтессе,
За сказочным сном сказочный сон.

Вдруг и удастся ей взлететь в небо,
Как барону Мюнхгаузену, затем,
Чтоб намолоть там такого хлеба,
Который достанется всем, всем, всем!

Помечтай, помечтай о полете
над облаками,
Белую сказку рассказывая полям…
Машет ветряная мельница
мне руками.
Я машу ей крыльями…
И кручусь и я сам…

Моя избушка

До невозможности тщедушна,
На удивление мала,
Скворечни две – как бы два ушка –
Моя избушка подняла
И, точно слепенький котенок,
Сосет из неба молоко.
А дождик тонок и не звонок.
Уже зима недалеко.
Своей избой горжусь недаром.
Она тщедушна лишь на вид.
Я знаю: никаким ударом
Зима ее не сокрушит.
Из белой вырвется ловушки
Котенок престарелый мой
И, отряхнув от снега ушки,
Попьет из тучки дождевой…

Огород

Наверно, прохудился небосвод –
Без передышки белый ливень льется.
И я, спаленный солнцем огород,
Внезапно оказался дном колодца.

Мгновенно всплыли все мои ростки,
Качая изумленно головами,
И сразу же отважные жуки
Затеяли сраженье с сорняками.

А солнце запаяло небосвод
И стало печь и жечь еще сильнее.
Но я, спасенный ливнем огород,
Теперь уже беспечно зеленею.

Нарцисс

Жил-был Нарцисс. Имел он
приятнейшую внешность.
Жил без любви, не зная, что без
любви – нельзя.
И вдруг объяли разом его и страсть
и нежность:
Узрел он два алмаза – в ручье
свои глаза.

Но отличили боги его
не только ликом, –
И торс был прям, и ноги
на диво хороши.

И вот он, бесподобный,
воспламенившись мигом,
Горстьми бросает воду в костер
своей души.

К себе он вожделеет,
и жадными руками
Он рвет остервенело свой
образ из ручья,

И, точно мост, до ночи висит
над берегами,
И плюхается в воду,
от ярости крича…

Но можно ли такою любовью
насладиться?
Нет повести печальней, чем эта,
о Нарциссе.

***

Я зачерпну ладонью сколько смогу
Горячих, словно змеиный укус, углей,
Пусть они сожгут мне ладонь,
Пускай опалят и слишком
нежную душу –
Эту пугливую птицу с сереньким
оперением…
Я удержать постараюсь
Янтарный комок огня –
Свое небольшое солнце.

Никого уверять не стану,
Что это пламя –
Прометеево.
Давно уже умерли все Прометеи,
И все похищенные ими огни
Давно погасли. Я зачерпну
Самые что ни на есть
обыкновенные,
Как хлеб насущный, угли
И постараюсь удержать на ладони
Это нищенские, но все-таки
светлые крохи…
Ничего иного, увы, нет у меня
И, пожалуй, не будет,
Но если мое угольковое солнце
Может расплавить
Хотя бы крупицу
всесветного льда, –
Воспользуйтесь,
Я буду счастлив,
Точно дитя, дотянувшееся наконец
До одуванчика…
Видите, как потеплело…
С небесных окраин
Потянулись, будто на пастбище,
облачные ягнята.
Всплыли в прудах лебединые лилии.
Человеку радость необходима
Так же как боль.

Если мимо пройдешь

Есть в России степная равнина…
Об Орловщине память жива…
Деревушку в пуху тополином
Называют в народе – Литва…

Близко слышали грохот орудий
Палисадники, избы и пруд…
Здесь простые и скромные люди
Любят труд свой и мирно живут…

Мой товарищ! Зимой или летом,
Если мимо проляжет твой путь,
Не забудь – деревушку проведай,
Постарайся туда заглянуть.

Мы товарищей там потеряли.
Уцелевшие в буре войны, –
Там отважно боролись и пали
Нашей родины славной сыны.

Мы сражались у этой деревни,
Чтобы родина наша жила,
Чтобы башня над
Вильнюсом древним
Стяг багряный опять подняла.

Подарили герои родные
Нашей родине славы венок…
Помним русские дали степные,
Помним русский степной уголок…

Мой товарищ! Зимой или летом,
Если мимо проляжет твой путь,
Не забудь – деревушку проведай,
Постарайся туда заглянуть.

Хлеб

Буханку хлеба свежего, ржаного,
нарежу на столе к ломтю ломоть.
Кто голоден – бери ломоть земного
ржаного хлеба.
Солнечная плоть таится в нем –
одна крупица солнца,
одна щепоть великого огня…
Пусть за столом погаснет
наша ссора,
пусть доброта останется одна.
Десятки рук, натруженных, больших,
украшены тяжелыми ломтями,
как будто ветви яблонь молодых,
отягощенных сочными плодами.
Те ветви ответвились от ствола
и тянутся к полуденному небу…
Так протянулись эти руки к хлебу,
сияющему посреди стола.
Мой хлеб горяч. Он солнцем опален.
Он согревает тело, словно пламя.
И тело наливается теплом,
глаза глядят, как радуга пылая, –
два невеликих солнца, два зрачка,
как две модели замкнутой
Вселенной,
прекрасной, гармоничной,
населенной
светилами из одного стручка.
Буханка хлеба – это настоящий
осколок солнца на моей земле.
Обогревает нас огонь, горящий
извечно на обеденном столе.

Монолог

Начну я новый монолог –
Душа не ждет покоя.
Одежды ветхое старье
С себя легко сорву.
О, тело вечное мое –
Оно совсем нагое.
Я снова с человеком схож,
И с вами вновь живу.

Я с вами схож. За сотню лет
Я заработал право
Как равный с равными опять
Беседовать с людьми.
Роль коротка моя. Понять
Попробовали б, право,
Метаморфозу древних чувств –
Печали и любви.

Я был Пьеро и я страдал
За человечий улей,
За сонм его несовершенств,
За страх его и грех.
А вас душил утробный смех,
Да так, что гнулись стулья.
И чем печальней был мой плач,
Тем громче был ваш смех.

И я нырнул на дно души,
В ее глубины грянул.

Шел по камням и по корням,
Петляя и кружа,
Через жестокость, через ложь.
И свет в глаза мне глянул.
Через злословье, через мрак
Очистилась душа.

И я, как камешек волна
Со дна несет на сушу,
Как боль скитаний и разлук
Несут в свои края,
Я вынес эту душу к вам –
Свою и вашу душу,
А вы решили, что она
Не ваша, а моя.

И я над рампой слезы лил,
А вы, лаская брюхо,
Лениво подводили счет
Доходам и трудам.
И падали мои слова,
И разбивались глухо,
И разливались невпопад,
Как шторм по берегам.

Ну что ж, вели мы разговор,
Как подобает братьям.
Был откровенным разговор,
На чистоту, как боль.
За эту боль когда-нибудь
Мы поровну заплатим.
Я был Пьеро, но час пришел –
И я меняю роль.

Теперь начну я новый монолог,
Тоскующую маску ловко скину
И стану жить, как должно Арлекину,
И то смогу, чего Пьеро не смог.

Я – Арлекин, и жгуч мой смех,
И я стою пред вами.
Готовься, публика моя,
Схватиться за живот.
Ирония – в моих глазах,
Насмешка – под губами
Мой смех раскатистый широк:
Он жжет, но он не лжет.

Но что такое? Где ваш смех?
Я вижу слезы ваши.
Как-будто здесь на сцене вы,
А я сижу в ряду.
Ирония пустила яд,
Мой звонкий смех вам страшен.
Ты плачешь, публика моя,
У смеха на виду.

Я выволоку ложь из душ
И клевету на сцену,
Жестокость, зависть и вражду –
Ну смейтесь, ваш черед!
Но ваши души сводит плач,
Они бледней, чем стены.
Подкраситься бы вам, как мне,
Да краска не берет.

Да, смейтесь вы, но если вы
Смеяться разучились,
Я посмеюсь над вами сам –
Мне правда дорога.
Хотели вы, чтоб это я
Нагим пред вами вылез,
А это вы передо мной
Раздеты донага.

Парад пороков, к рампе все!
А ну сходитесь! Ближе!
Я Арлекин, и я смеюсь,
Разглядывая вас.
Вы плачете, у вас печаль,
О, я прекрасно вижу,
Как слезы мутные бегут
Из ваших мутных глаз.

Ролями поменялись мы прекрасно,
Но занавес уже на сцену лег,
И освещение уже погасло…
Не правда ли, смешным был мой,
Смешным был монолог?..

Ми-бемоль минор с паузами

Снег. Очень белый. Очень.
Письмо. Коротко. Не лживо.
Письмо. Уж куда короче.
Вечер. Длинный. Тянет жилы.

Снег. Падает. За стеклами.
Трубка. В потемках. Дымная.
Меня. Ничто. Теплое.
Не коснется. Покроюсь инеем.

А человеку. Не должно быть. Холодно.
Ни тебе. Ни мне. Ни кому-нибудь.
Человек. К человеку. Голодно.
Жадно. Прокладывает. Путь.

Снег. Падает. Нескончаемо.
Письмо. Короткое. Куда короче.
Вечер. Длинный. Отчаянно.
Снег. Очень белый. Очень…

Сытым

Поэты лгут,
Их проповедь порочна,
Пусть их мечты красивы и чисты,
Они вам лгут,
Чтоб заманить нарочно
В болото жизни,
В омут нищеты…

От пятен сделок
Не отмыть вам руки.
Не слушайте – глупы их небеса,
Они сулят вам рай – пустые звуки,
Лирические шутки, словеса…

И никогда не слушайте поэтов!..

Не верьте им,
Они лишат вас мигом
Машины вашей,
Виллы и банкнот –
Ведь наслаждаться их убогим миром
Лишь неудачник может и банкрот…

Не слушайте –
Берите, не зевайте,
Покуда можно – грабьте белый свет,
И жизнь себе
Такую создавайте,
Где неуместным кажется поэт…

И никогда не слушайте поэтов!..

Не верьте им,
Их проповедь порочна,
Большие мастера высоких слов,
Они в беду заманят вас нарочно –
Гоните прочь безумцев и лжецов!..

И никогда не слушайте поэтов!..

Переводы М. Алигер, Л. Мартынова, В. Корнилова, А. Передреева, С. Куняева, А. Кленова, Л. Миля.

«СЛОВНО СЛЫШАЛ ЗОВ ЛОРЕЛЕИ…»

Знаменитый поэтический цикл «Пярнуские элегии» советского поэта Давида Самойлова

В 1976 году известный русский поэт, лауреат Государственной премии СССР, фронтовик Давид Самойлов поселился на берегу Балтийского моря, в эстонском городе Пярну. Здесь он обрел спокойствие и уединение, которых ему не хватало в Москве. Много работал, переводил эстонских поэтов. Морской пейзаж, тишина и размеренный ритм жизнь Пярну нашли отражение в его поэзии.

Самойлов скончался на 70-м году жизни в здании Таллинского драматического театра после выступления на вечере, посвященном столетию Бориса Пастернака. Похоронен на Лесном кладбище Пярну.

I

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

II

Красота пустынной рощи
И ноябрьский слабый свет –
Ничего на свете проще
И мучительнее нет.
Так недвижны, углублены
Среди этой немоты
Сосен грубые колонны,
Вязов нежные персты.
Но под ветром встрепенется
Нетекучая вода…
Скоро время распадется
На сейчас и «никогда».

III

Круг любви распался вдруг.
День какой-то полупьяный.
У рябины окаянной
Покраснели кисти рук.
Не маши мне, не маши,
Окаянная рябина,
Мне на свете все едино,
Коль распался круг души.

IV

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом —
Душа – несчастная гречанка…
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

V

Здесь великие сны не снятся,
А в ночном сознанье теснятся
Лица полузабытых людей —
Прежних ненавистей и любвей.
Но томителен сон про обманы,
Он болит, как старые раны,
От него проснуться нельзя.
А проснешься – еще больнее,
Словно слышал зов Лорелеи
И навек распалась стезя.

VI

Деревья прянули от моря,
Как я хочу бежать от горя —
Хочу бежать, но не могу,
Ведь корни держат на бегу.

VII

Когда замрут на зиму
Растения в садах,
То невообразимо,
Что превратишься в прах.
Ведь можно жить при снеге,
При холоде зимы.
Как голые побеги,
Лишь замираем мы.
И очень долго снится –
Не годы, а века –
Морозная ресница
И юная щека.

VIII

Как эти дали хороши!
Залива снежная излука.
Какая холодность души
К тому, что не любовь и мука!
О, как я мог так низко пасть,
Чтобы забыть о милосердье!..
Какое равнодушье к смерти
И утомительная страсть!

IX

Любить не умею.
Любить не желаю.
Я глохну, немею
И зренье теряю.
И жизнью своею
Уже не играю.
Любить не умею –
И я умираю.

X

Пройти вдоль нашего квартала,
Где из тяжелого металла
Излиты снежные кусты,
Как при рождественском гаданье,
Зачем печаль? Зачем страданье,
Когда так много красоты?
Но внешний мир – он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить проступок:
Задел – и ветку оголишь.

XI

В Пярну легкие снега.
Так свободно и счастливо!
Ни одна еще нога
Не ступала вдоль залива.
Быстрый лыжник пробежит
Синей вспышкою мгновенной.
А у моря снег лежит
Свежим берегом вселенной.

XII

Когда тайком колдует плоть,
Поэзия – служанка праха.
Не может стих перебороть
Тщеславья, зависти и страха.
Но чистой высоты ума
Достичь нам тоже невозможно.
И все тревожит. Все тревожно.
Дождь. Ветер. Запах моря. Тьма.

XIII

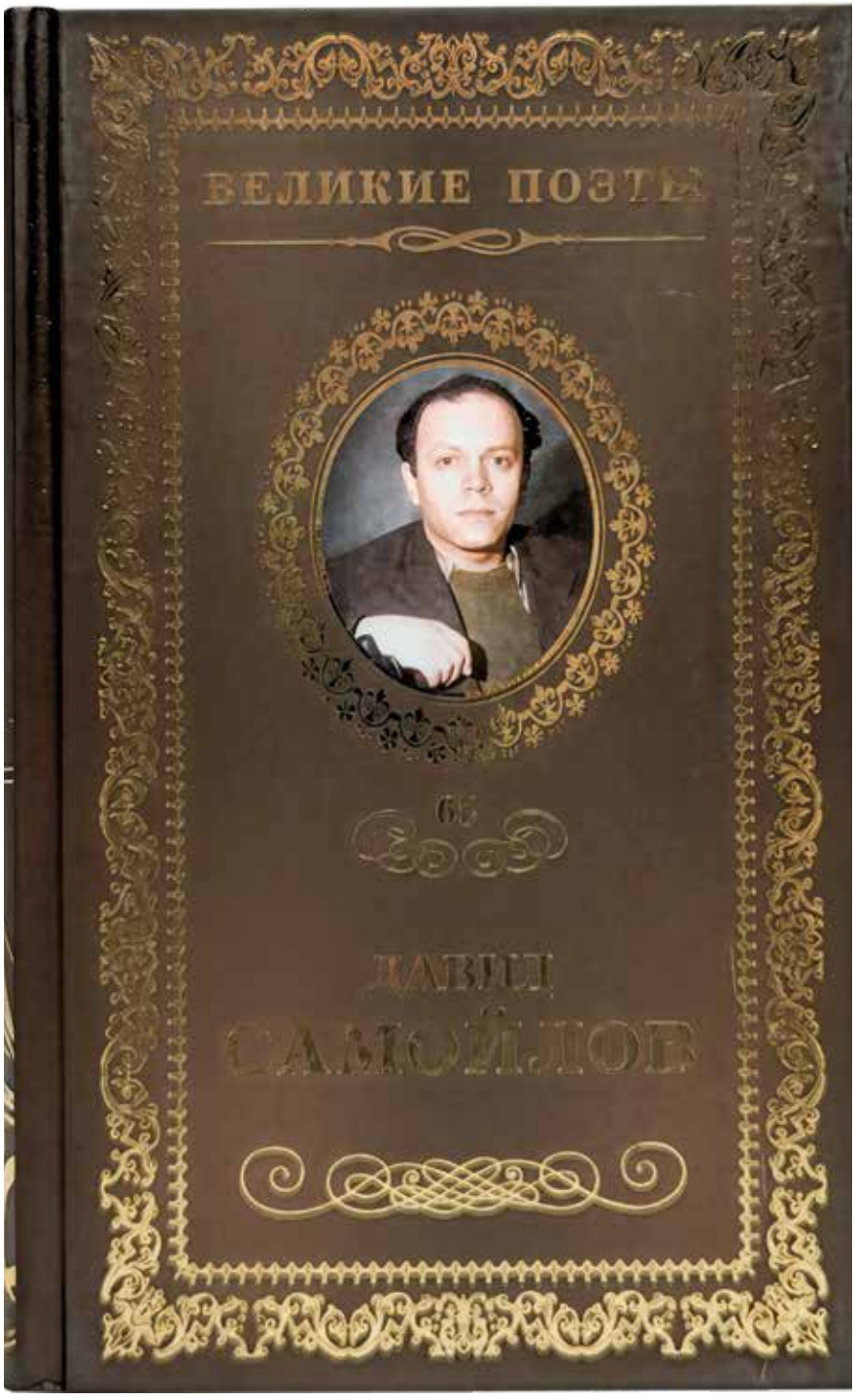
Утраченное мне дороже,
Чем обретенное. Оно
Так безмятежно, так погоже,
Но прожитому не равно.
Хотел мне дать забвенье Боже,
И дал мне чувство рубежа
Преодоленного. Но все же
Томится и болит душа.

XIV

Вдруг март на берегу залива.
Стал постепенно таять снег.
И то, что было несчастливо,
Приобрело иной разбег.
О, этот месяц непогожий!
О, эти сумрачные дни!
Я в ожидании… О Боже,
Спаси меня и сохрани…

XV

Расположенье на листе
Печальной строчки стихотворной.
И слезы на твоем лице,
Как на иконе чудотворной.
И не умею передать
То, что со мною происходит:
Вдруг горний свет в меня нисходит,
Вдруг покидает благодать.



XVI

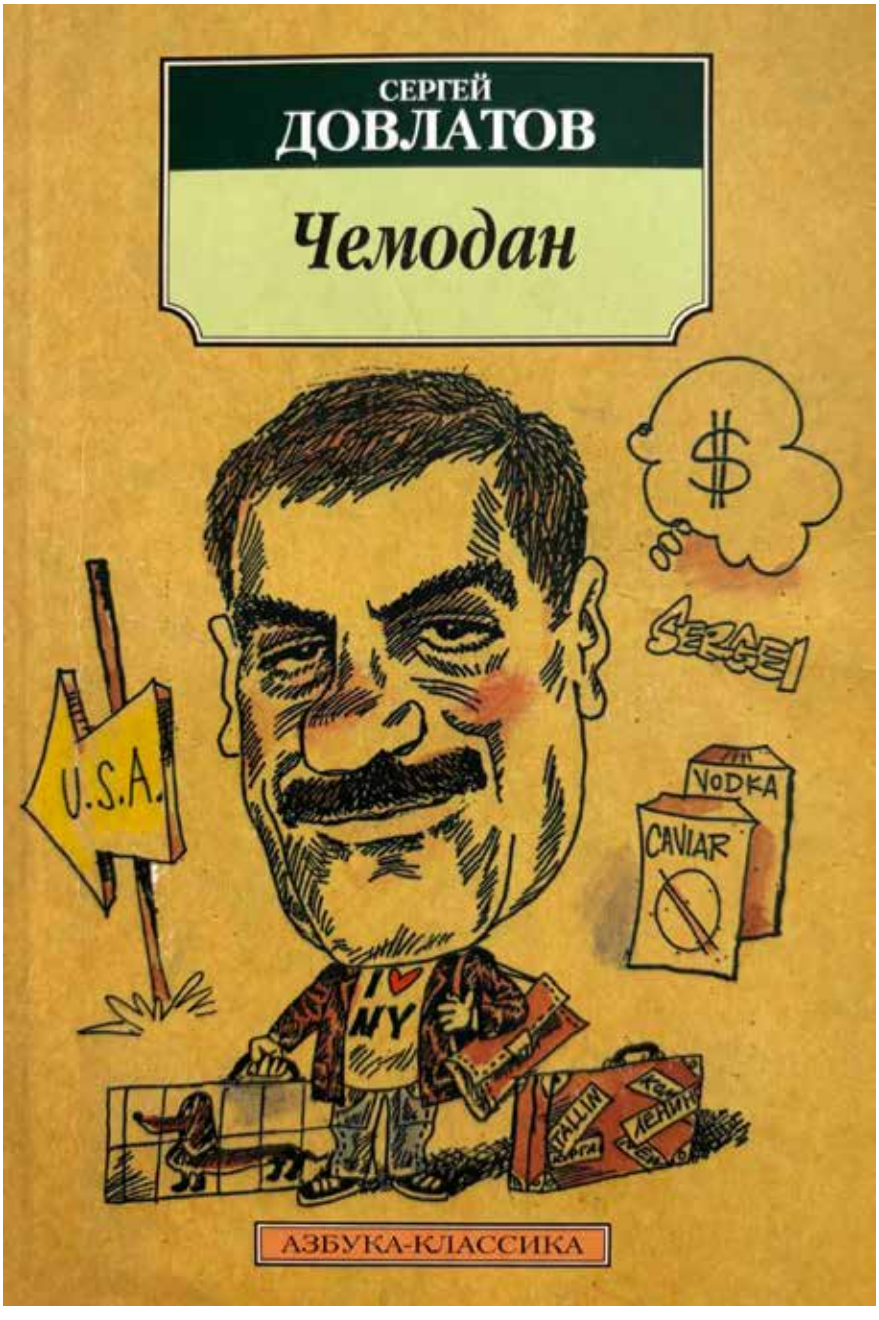
Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.
Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт,
Музыка – лекарь?
Музыка губит.
Снежная скатерть.
Мука без края.
Музыка насмерть.
Вьюга ночная.

1976–1977

ТАЛЛИН И НЬЮ-ЙОРК – ДВА ГОРОДА ОДНОЙ ЖИЗНИ

К 85-летию со для рождения Сергея Довлатова, писателя, сумевшего сделать повседневную жизнь материалом для серьезной литературы

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН



Довлатов обладал редким даром видеть комедию там, где другие замечали лишь безысходность. Его уникальный лаконичный стиль, полный юмора и тонкой иронии, покорили читателей по всему миру. Он не делил людей на праведников и злодеев, уходил от морализаторства и пафоса. Его герои – обычные, несовершенные, запутавшиеся люди…

Повседневная жизнь, банальный быт, абсурд чиновничьей системы, мелкие семейные неурядицы, эмиграция – все это стало для писателя материалом для глубокой, по-настоящему серьезной литературы.

При рождении будущий писатель получил фамилию отца Доната Мечика, в метрике был записан как армянин (*«Мать моя – армянка, отец – еврей. Родители решили, что жизнь моя будет более безоблачной, если я стану армянином»*), а после развода родителей стал носить фамилию матери Норы Довлатян, изменив ее на русский лад. Своих колоритных родственников он позже опишет в автобиографической книге «Наши».

В Таллин Сергей Довлатов приехал осенью 1972 года. За плечами – армия, Ленинградский университет, журналистская работа, первые рассказы и уже довольно ясное понимание того, что печатать собственные произведения в Советском Союзе будет непросто.

Почему именно Таллин? Спустя годы он ответил на этот вопрос в повести «Ремесло»,

по-довлатовски рассказав о труде писателя, жизни в СССР и эмиграции – без легенд или попыток придать своему решению особую биографическую значимость: «Почему я отправился именно в Таллин? Почему не в Москву? Почему не в Киев, где у меня есть влиятельные друзья?.. Разумные мотивы отсутствовали. Была попутная машина. Дела мои зашли в тупик. Долги, семейные неурядицы, чувство безнадежности».

Эта фраза многое объясняет в его таллинской истории. Он приехал не покорять Эстонию и строить литературную карьеру. Ему нужно было выкарабкаться.

«Многие считают его искусственным, кукольным, бутафорским – пишет он о Таллине. – Я жил там и знаю, что все это настоящее. Значит, для Таллина естественно быть немного искусственным. Жители Таллина – медлительны и неподвижны. Я думаю, это неподвижность противотанковой мины. Таллин – город вертикальный, интровертный. Разглядываешь высокие башни, а думаешь о себе».

В Таллине Довлатов сотрудничал с несколькими русскоязычными газетами, был ответственным секретарем «Моряка Эстонии», сотрудничал с «Молодежью Эстонии» и «Вечерним Таллином», а затем работал в отделе информации «Советской Эстонии». Этот журналистский опыт впоследствии отразился в «Компромиссе».

Он писал заметки, репортажи, очерки, юмористические материалы. И очень скоро обнаружил, что советская журналистика – кладезь готовых сюжетов.

Один из самых известных эпизодов «Компромисса» начинается с совершенно невинной новости о научной конференции. Герой перечисляет страны-участницы по алфавиту. Редактор немедленно обнаруживает идеологическую ошибку: государства социалистического лагеря должны стоять в определенном порядке. В итоге журналисту объясняют, что Венгрию следует поставить на третье место, потому что «там был путч».

Спустя годы Довлатов соберет из таких историй «Компромисс», и у каждой из них будет свой газетный источник – заметка, очерк, репортаж. В книге рядом окажутся официальный текст и то, что происходило за его пределами. Именно в этом зазоре и возникает довлатовская интонация.

Газетный мир требовал постоянных уступок. Иногда смешных, порой унизительных или совершенно абсурдных. Именно поэтому в «Компромиссе» речь идет не только и не столько о цензуре, сколько о постоянном приспособлении человека к обстоятельствам – в основном сознательном, а иногда почти автоматическом.

Сам Довлатов позже отметит: «В этой повести нет ангелов и нет злодеев… Нет грешников и праведников нет. Да и в жизни их не существует».

Таллинский период продолжался до марта 1975 года. Город позволил Довлатову накопить тот материал, который впоследствии станет одной из его главных книг.

После возвращения в Ленинград были новые работы, попытки публикации, работа экскурсоводом в Пушкинском заповеднике (этот опыт ляжет в основу «Заповедника»). Были самиздат и публикации на Западе, ставшие причиной исключения из Союза журналистов в 1976 году.

В 1978-м он уехал из СССР – сначала в Вену, а затем, в феврале 1979 года, в Нью-Йорк.

У тридцатисемилетнего писателя теперь не было советской цензуры над головой, но была другая проблема – эмиграция… Он оказался среди людей, которые, как и он, уехали из СССР и пытались заново

строить свою жизнь на чужбине. В Куинсе, где сформировалась большая русскоязычная община, советское прошлое продолжало существовать – в газетах, квартирах, ресторанах, семейных историях и просто в общении.

Почти зеркальная ситуация: в Таллине он был журналистом, который мечтал стать писателем, в Нью-Йорке он писатель, который

Памятник Сергею Довлатову в Санкт-Петербурге. Открыт 4 сентября 2016 года на улице Рубинштейна, 23

продолжает работать журналистом. Только теперь вместо СССР – Америка. Но прошлое никуда не исчезает…

В «Иностранке» – одной из главных книг Довлатова об американской эмиграции – Нью-Йорк предстает не городом рекламных открыток и кинокадров, а местом, где люди заново собирают себя.

Довлатов не пытается превратить эмиграцию в героическую историю освобождения. Его персонажи остаются смешными, растерянными, противоречивыми. Они устраиваются на работу, ищут денег, влюбляются, ссорятся, пытаются приспособиться к американскому образу жизни, но продолжают жить в советском прошлом.

И все же именно в Нью-Йорке литературная судьба Довлатова наконец начинает меняться. Он добивается редкого для русскоязычного автора успеха: в 1980-е годы журнал *The New Yorker* публикует десять рассказов Довлатова. До него лишь один русскоязычный писатель удостаивался такой чести – Владимир Набоков.

В эмиграции выходят основные книги Довлатова: «Компромисс» (1981), «Зона» (1982), «Заповедник» и «Наши» (1983), «Иностранка» и «Чемодан» (1986).

Для писателя, почти не имевшего возможности издаваться на родине, это было принципиальным изменением положения. Язык его прозы оказался понятен американскому литературному миру. Иосиф Бродский связывал успех Довлатова у американской аудитории в том числе с тем, что его прозу сравнительно легко переводить: «синтаксис его не ставит палок в колеса переводчику».

По сути, Нью-Йорк стал для писателя продолжением Ленинграда и Таллина, только с другими вывесками. Эмиграция не стерла его прошлое – она дала ему дистанцию, необходимую для того, чтобы это прошлое понять.

Таллин научил его превращать журналистскую реальность в литературу. Нью-Йорк позволил этой литературе найти читателя.

Довлатов умер в Нью-Йорке 24 августа 1990 года. Ему было 48 лет. До распада Советского Союза оставался чуть больше года. Довлатов этого уже не увидел.

Но его книги вернулись в страну, из которой он когда-то уехал. И вернулись именно потому, что за океаном он продолжал писать о своей родине.

В сентябре 2014 года перекресток в нью-йоркском районе Форест-Хилс (Куинс) стал называться *Sergei Dovlatov Way*. И в этом есть своя довлатовская ирония. Писатель, который всю жизнь перемещался между городами, квартирами, редакциями и странами, в конце концов получил улицу.

Таллин и Нью-Йорк – два города одной жизни, которую писатель превращал в прозу. Без героев и злодеев, без готовых решений и без необходимости выбирать между смешным и серьезным.

Довлатов о жизни и о себе

«Я считаю себя не писателем, а рассказчиком, это большая разница. Рассказчик говорит о том, как живут люди, прозаик говорит о том, как должны жить люди, а писатель – о том, ради чего живут люди. Так вот, я рассказчик, который хотел бы стать и писателем».

«Я долго думал, как можно сформулировать мою национальную принадлежность, и решил, что я русский по профессии».

«В жизни всегда есть место комплексам!»

«Бескорыстное вранье – это не ложь, это поэзия».

«На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности. Мы утрачиваем способность шутить, иронизировать. Одно это приводит меня в ужас».

«Порядочный человек – это тот, кто делает гадости без удовольствия».

«Истинное мужество состоит в том, чтобы любить жизнь, зная о ней всю правду».

«Вечная ирония – любимое, а главное, единственное оружие беззащитных».

«Все талантливые люди пишут разно, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком».

«– Вам можно доверять. Я это сразу поняла. Как только увидела портрет Солженицына. – Это Достоевский. Но и Солженицына я уважаю».

«Когда-то Иосифа Бродского спросили: – Над чем вы работаете? Поэт ответил: – Над собой...»

«Жизнь полна каких-то теоретических возможностей. Действительность же пока убога».

«Мне ужасно не хватает в Нью-Йорке людей, которые меня давно знают. Не потому, что здешние не знают, какой я хороший. А потому, что не знают, какой именно. Это очень мучительно – наживать репутацию, не важно – хорошую или плохую, но соответствующую натуре. Вот что такое – новая жизнь. Она как раз и тяжела тем, что приходится заново себя насаждать, чтобы нести ответственность только за действительные недостатки, а не за мнимые.

«Если я чем-то и прославился в Америке, то именно гнусным характером и умением портить отношения с редакторами газет и журналов».

«Одним из серьезных ощущений, связанных с нашим временем, стало ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением».

«Юмор – украшение нации. В самые дикие, самые беспросветные годы не умирала язвительная и горькая, простодушная и затейливая российская шутка. И хочется думать – пока мы способны шутить, мы остаемся великим народом!»

ИНТЕРВЬЮ

ПОЧЕРК УДАЛЬЦОВЫХ

Дипломат Александр Удальцов о времени, о близких, о себе

Беседу вел
ВЛАДИМИР СУХОМЛИНОВ

Александр Иванович Удальцов

Об этом человеке и видном общественном деятеле известно немало, но всегда лучше узнать больше, как говорится, из первых уст.

Александр Иванович, вы известный дипломат. Однако на дипломатической работе оказались в 1973 году после окончания исторического факультета МГУ. Не совсем типичный путь, обычно дети дипломатов движутся через МГИМО. Как так получилось?

Ничего удивительного. На работу в систему МИДа принимают выпускников не только МГИМО, но и других вузов и из других городов. И это важно: дипслужбе не следует замыкаться лишь в своей системе образования. К тому же по многим рейтингам Московский университет – лидер среди российских вузов. Оканчивал же я исторический факультет, кафедру истории южных и западных славян, что потом пригодилось в дипломатической работе, в частности в Чехословакии, а затем в Чехии и Словакии. В 1985 году я окончил Дипломатическую академию МИД СССР. Уж не говорю о десятке различных курсов – для отъезжающих послов, языковых, страноведческих и прочих, на которых обучался, работая в МИДе.

По своему опыту могу определенно сказать: доскональное знание истории – главный путеводитель, или, пользуясь современной терминологией, навигатор, который помогает находить

оптимальный путь к любой цели. Такой исторический навигатор сегодня нужен как никогда людям различных профессий, особенно занимающим высокие ступени иерархической лестницы.

Вы долго работали в МИДе, сначала советском, потом российском, пять лет по 2001 год были Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Латвии, затем послом в Словакии и более семи лет, до середины октября 2020 года, возглавляли нашу миссию в Литве. Наверняка за это время сложилось понимание, что является главным в работе дипломата, особенно если он в ранге посла. Каковы границы его смелости и самостоятельности?

Александр Иванович Удальцов (в то время посол России в Словакии) с главой правительства Словакии Робертом Фицо (справа) на одном из приемов

На этот вопрос отвечают поразному. Главное в такой работе – быть настоящим дипломатом и соответствовать этому ответственному и весьма важному предназначению. Критериев оценки эффективности деятельности, прежде всего послов, немало, и они, думаю, должны расширяться с учетом осложняющейся международной обстановки, двусторонних отношений с рядом стран и т.д. В такой ситуации важную роль призваны играть, как мне кажется, соответствующие инспекции работы росзагранучреждений и другие формы ее анализа.

Иногда на ваш вопрос могут ответить, что, мол, главное для дипломата – знать страну пребывания, ее историю, культуру, традиции и, конечно, язык. Это правильно. Но еще важнее, на мой взгляд, чтобы каждый российский дипломат и посол в первую очередь хорошо знал свою страну во всех ее аспектах, ее реальные потребности, которые должны быть приоритетом в работе загранпредставительств. И конечно, нельзя увлекаться лоббированием интересов стран пребывания, даже являющихся дружественными. Баланс интересов – лучший вариант развития двусторонних отношений. Этот баланс может иметь для нас отложенный по времени характер, быть асимметричным, приоритетным на каком-то этапе для партнера, но все равно он должен быть.

Границы самостоятельности в принципе определены – они в известной мере зафиксированы в законе «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации» от 2016 года, в директивах и других документах, регламентирующих деятельность РЗУ и их руководителей. Если же говорить о смелости, то ее границы нигде не прописаны, а посему определяться должны главным образом здравым смыслом. Если серьезно: смелость посла должна приветствоваться, когда она выверена, реализуема и не является всплеском эмоций. Кстати, у посла есть уникальная возможность доведения своей смелости в депешах руководству страны.

Детализирую предыдущий вопрос. Страны, где вы работали, не входят в разряд особо значимых. Но время показывает, что даже небольшая страна или даже более заметная, как Украина или Литва, может в какой-то момент начать играть такую роль, которая им вроде бы не по ранжиру. Прав ли я в такой постановке вопроса? Какой может быть роль посла с учетом того, что и провальные случаи бывали?

Все та же история подсказывает, что отдельные страны могут вызвать или, скажем так, спровоцировать серьезный конфликт даже мирового уровня. Например, Карибский кризис 1962 года или события 1968 года в Чехословакии. Кстати говоря, в тот год я окончил обучение в советской средней школе при Посольстве СССР в ЧССР, поскольку отец был тогда советником-посланником в нашем диппредставительстве, и застал начало Пражской весны.

Александр Иванович Удальцов, будучи Послом России в Литовской Республике, не раз выезжал к месту захоронения двенадцати советских пограничников, погибших в первые дни Великой Отечественной войны

Так вот, оба конфликта возникли в результате противостояния СССР в первом случае с США, а во втором – с НАТО и «коллективным Западом», который активно подогревал Пражскую весну и стремился демонтировать там социалистический строй. Этот сценарий не прошел из-за того, что 21 августа 1968 года в Чехословакию вошли войска СССР и пяти стран – членов Варшавского договора общей численностью порядка 500 тысяч человек. НАТО, как выяснилось, этот маневр прозевал.

Роль посла в критических ситуациях велика. В подавляющем большинстве случаев советские и российские полпреды оказывались на высоте, некоторые потом стали видными политическими деятелями вплоть до должности Генсека ЦК КПСС. Я имею в виду Ю. В. Андропова, который в 1956 году был советским послом в Будапеште во время самых кризисных ситуаций.

Не знаю, какие конкретно провалы вы имеете в виду. Они бывали в редчайших случаях, и не только с послами, но и с руководителями всех уровней. В целом же на основе более чем пятидесятилетнего стажа дипломатической службы могу утверждать: советские и российские дипломаты и особенно послы в большинстве своем отличались и отличаются высоким профессиональным уровнем, образованностью, коммуникабельностью, а также доброжелательностью.

Сейчас вы исполнительный директор уникального по значимости Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Недавно отмечалось его 15-летие. Не раз слышал благодарственные слова в ваш адрес от людей, которых вы буквально спасли. Но и проблем хватает. Какие из них самые острые?

Прежде чем о них говорить, хотя бы коротко расскажу, чего фонду удалось добиться за 15 лет. А сделано немало. Сегодня фонд – активный и востребованный инструмент реализации государственной политики в отношении наших соотечественников за пределами страны. Таких русских людей, замечу, порядка 30 миллионов!

Попечительский совет фонда возглавляет министр иностранных дел России С. В. Лавров, а сам МИД – наш главный партнер. Основная задача – помогать людям на местах, защищать от преследований. Действует система поддержки, состоящая из 53 центров правовой помощи в 30 государствах, их соотечественники называют «правовой скорой помощью». Когда надо, оплачиваем работу адвокатов: сейчас они участвуют в 43 судебных процессах и, как правило, успешно.

Также финансируем работу информационных порталов, сайтов, правовых рубрик в русскоязычных СМИ. Их посещаемость за год – примерно 270 миллионов. Фонд финансирует выпуск книг, учебников, правовых справочников и периодики. Очень успешным считаю совместный с «Литературной газетой» проект по изданию спецномеров журнала «Русская мысль», которые выходят на русском и английском языках и бесплатно распространяются за границей. За последние годы вышло 14 номеров на различные темы, в том числе по истории Великой Отечественной войны, жизни и творчеству Ф. И. Тютчева, И. Канта, истории взаимоотношений России и США и др.

Недавно открыли филиал фонда в Калининграде, приближаясь географически к тем странам, где власти взялись за выдавливание русскоязычных жителей. Помимо консультационной деятельности, а это приоритет, филиал займется информационно-разъяснительной, выставочной работой, станет гостеприимным местом встреч людей, в том числе из сопредельных стран.

Теперь о проблемах. Главная из них – усиление политики и практики русофобии в большинстве стран ЕС и ряде других, из-за чего ухудшается положение наших соотечественников, ущемляются их права, усиливается преследование за симпатии к России. Составной частью столь пещерной линии стали санкции ЕС против нашего фонда: недавно его включили уже в третий раз в санкционный антироссийский пакет, двадцатый. Цель рестрикций Брюсселя очевидна – запугать наших людей, дискредитировать фонд и изолировать его.

Однако добиться этого не удается, о чем говорит и возрастающее число обращений соотечественников в фонд и его центры. Скажу откровенно: санкции нас многому научили. Мы стали активнее, профессиональнее и осмотрительнее. Будем учиться и дальше.

Есть «домашние» проблемы, которые, уверен, можно и нужно решать. Вот лишь пара из них. Во-первых, это не уменьшающееся число желающих поруководить фондом, что, честно говоря, осложняет дело и не учитывает статус и преимущества общественной организации, каковой является наша НКО. Вторая важная тема – финансовая. Сложилась парадоксальная ситуация: в позапрошлом году президент страны В. В. Путин поддержал обращение С. В. Лаврова, в результате чего финансирование основной деятельности фонда увеличилось вдвое. Но Минфин категорически отказался даже от незначительного увеличения зарплаты сотрудникам НКО, а она не повышалась в течение всех 15 лет. В итоге главной нашей опорой остаются пенсионеры, достойные и опытные люди, а привлечение более молодых высокопрофессиональных кадров – большая проблема. А нас-то всего 25 человек!

Председатель правления Агентства печати «Новости» Иван Иванович Удальцов в гостях у маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова

Наверняка во многом вам помогала семья, ее традиции. Не зря говорится: мы родом из детства. Знаю, что лично для вас это важно. Приоткройте некоторые странички жизни семейства Удальцовых.

История каждой семьи имеет особенности, и удальцовская сага – не исключение. Начну с моего деда – Ивана Дмитриевича Удальцова, революционера, педагога, видного ученого и государственного деятеля. Будучи студентом Московского университета, он занялся революционной деятельностью, вступил в 1905 году в РСДРП(б), стал секретарем университетской социал-демократической фракции. В 1907 году дед был арестован, помещен в Бутырскую тюрьму, где пробыл полгода, а затем приказом министра внутренних дел был приговорен к двухлетней высылке в Вологодскую губернию, которую ему как потомственному дворянину заменили высылкой за границу. Два года И. Д. Удальцов находился в Германии, Франции, Швейцарии, продолжил учебу в Лейпцигском университете, подключился к работе социал-демократической организации русских эмигрантов, за что был арестован и помещен на несколько месяцев в дрезденскую тюрьму. После возвращения в Россию ему как политически неблагонадежному не позволили продолжить учебу в университете. Лишь в 1912 году сдал экстерном экзамены и получил диплом Московского университета. Прослужил год в гренадерском полку. В августе 1914 года с началом Первой мировой войны его призвали в действующую армию. Там он активно занимался и политработой. Демобилизовавшись в 1918 году, Иван Дмитриевич трудился в Моссовете, Наркомпросе, Социалистической академии общественных наук. В 1921-м вернулся в Московский университет, где начал блестящую педагогическую и научную карьеру. Трудно перечислить все

Маргарита Мануиловна Протопопова и Иван Дмитриевич Удальцов, бабушка и дедушка А. И. Удальцова. Фрайберг, Германия, 1910

ее этапы: в разное время был деканом шести факультетов, подчас нескольких одновременно. В 1928–1930 годах – ректор МГУ. В 1943-м дед возглавил международный факультет, который спустя год по его инициативе преобразовали в Институт международных отношений, ныне – МГИМО МИД России. Он стал первым директором этого ведущего у нас и, думаю, не только у нас высшего учебного заведения, ответственного за подготовку сотрудников дипломатического фронта.

Интересно сложилась судьба и у моего отца – Ивана Ивановича Удальцова. Окончив с отличием исторический факультет МГУ, он в 1940 году был призван рядовым на военную службу, а закончил ее в 1945-м капитаном, участником Парада Победы на Красной площади. В конце войны отец был офицером по связи в сформированном в СССР 1-м Чехословацком армейском корпусе, которым командовал легендарный генерал Людвик Свобода, ставший в конце 1960-х президентом ЧССР. Отец в те годы работал советником-посланником Посольства СССР в Праге, и с главой государства у него были особые, дружеские отношения.

После войны (это, видимо, тоже семейное) отец занялся научной деятельностью. Но в 1950-м был приглашен на работу в аппарат ЦК КПСС, где дослужился до поста заместителя заведующего Общим отделом, который занимался социалистическими странами. Затем стал директором Института славяноведения АН СССР, но опять вернулся в ЦК КПСС в качестве первого заместителя заведующего Идеологическим отделом. В 1965 году вызвался на работу в ЧССР, где стал вторым лицом в нашем посольстве. Здесь же работал в период событий в Чехословакии в 1968 году.

Потом наступил еще один важный этап карьеры: в 1970 году его

назначили председателем правления Агентства печати «Новости» (ныне МИА «Россия сегодня»). Значение АПН для СССР тех времен трудно переоценить – агентство было, по сути, монопольным инструментом внешнеполитической пропаганды, формально имело общественный статус и карт-бланш на выверенные новации в этой сфере. В стенах АПН трудились тысячи первоклассных специалистов-журналистов, фотографов, телевизионщиков, редакторов. Вот лишь пара цифр: агентство выпускало 60 газет и журналов, выходивших на 45 языках тиражом 4,3 млн экземпляров.

При отце был реализован целый ряд интересных проектов, к примеру выход двухтомника воспоминаний маршала Г. К. Жукова. Тогда же отец был депутатом Верховного Совета СССР и кандидатом в члены ЦК КПСС.

Последним местом службы отца стало Посольство СССР в Греции, куда его направили послом в 1976 году и где, по отзывам коллег, он также внес особый удальцовский вклад.

После выхода на пенсию Иван Иванович вернулся к научной работе в Институте славяноведения и защитил там в 1984 году докторскую диссертацию по истории Чехословакии.

Очень приятно отметить, что в марте 2018 года в МИА «Россия сегодня» прошел торжественный вечер в честь 100 летия И. И. Удальцова. Его участникам направил приветствие С. В. Лавров. В нем, в частности, говорилось: «Ивана Ивановича отличали блестящий профессионализм, целеустремленность, широкая эрудиция, высокая работоспособность, умение быстро находить эффективные решения задач любой сложности, самоотверженность. Он был настоящим интеллигентом, патриотом своей страны, начитанным и высокообразованным человеком, всегда проявлявшим искреннюю заботу о подчиненных».

Лейтенант медицинской службы Агния Сергеевна Удальцова, 1945 год

С особой любовью отмечу, что весьма незаурядным человеком была и моя мама – Агния Сергеевна. Она воспитала троих детей, старшая из нас, моя сестра, родилась в начале 1942 года. Однако мама пошла на фронт и закончила службу в звании лейтенанта медицинской службы. Приведу цитату из документа – представления моей матери к награждению орденом Красной Звезды: «В боях за город Берлин при налете и бомбежке авиации 25 апреля 1945 г. тов. Удальцова, будучи сама ранена, сделала перевязку 12 раненым бойцам и офицерам штаба бригады. После ранения тов. Удальцова осталась в строю». Это не единственная боевая награда Агнии Сергеевны.

Немало молодых людей мечтает о дипломатической работе. Что главное при самооценке? Без каких качеств не преуспеть?

Для выбора любой профессии важную роль, безусловно, играет самооценка. Если она, а не настоятельные рекомендации родителей или советы друзей определяет выбор, это говорит о вашей зрелости. Главное – желание заняться тем, что по душе. Тогда будет не трудно лучше подготовиться к профессии дипломата, внести коррективы в свой образ жизни, образовательный процесс, увлечения и т.д.

Чтобы достойно представлять страну, надо, конечно, быть хорошо образованным человеком, знать иностранные языки, уметь грамотно писать, говорить, общаться, быть физически здоровым, иметь водительские права. Список можно продолжать, но стоит исходить из того, что настоящим дипломатом вы можете стать, лишь впитывая все полезное, изучая опыт других, и, как говорится, расти над собой.

Мне 75 лет, и опыт у меня немаленький, но по сей день считаю себя обучающимся. Без этого в наше турбулентное время не обойтись.

КАК В КАЛИНИНГРАДЕ ЕВРОПУ СПАСЛИ

Вторая жизнь снесенных памятников советским воинам-освободителям

БОРИС СЕЛЬМЕНЬГИН

Фото: Юлия Власова

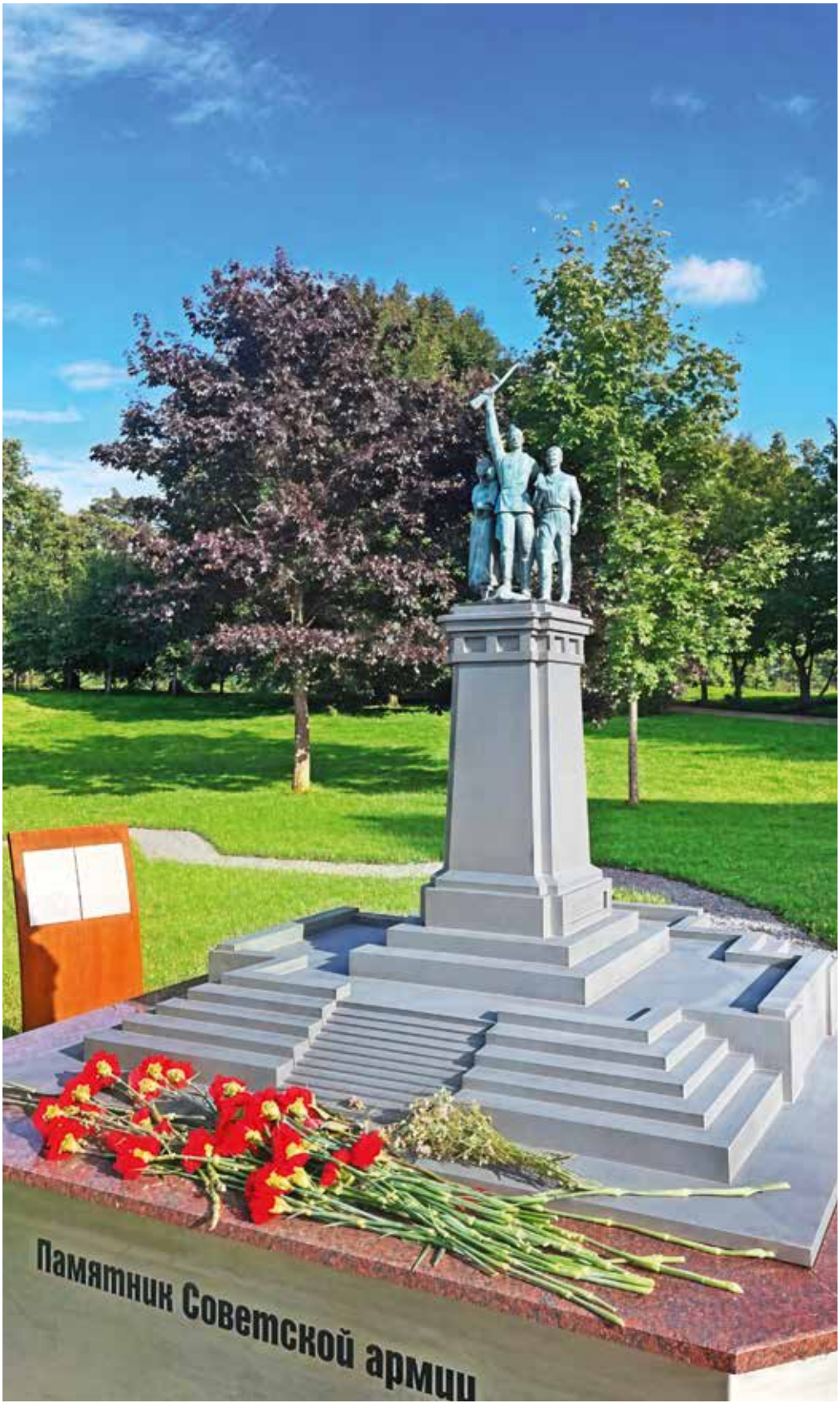
В сентябре 2025 года в Калининграде, в парке Победы, открылся уникальный комплекс исторических миниатюр «Спасенная Европа», призванный сохранить память о мемориалах, посвященных освободительной миссии Красной армии в Европе в 1944–1945 годах.

В церемонии приняли участие руководство города и области, представители Национального центра исторической памяти при президенте РФ, а также родственники маршала Ивана Конева и генерала армии Николая Ватутина.

Комплекс состоит из бронзовых миниатюр памятников советским солдатам и военачальникам, снесенных в Киеве (памятник генералу Ватутину), Клайпеде (памятник советским воинам-освободителям), Тарту (монумент воинам-освободителям), Риге (памятник воинам Советской армии – освободителям), Варшаве (памятник советско-польскому братству по оружию), Софии (памятник Советской армии) и Праге (памятник маршалу Коневу).

Как сказала руководитель Национального центра исторической памяти при президенте РФ Елена Малышева, уже сейчас идет работа над второй очередью объекта. Она также пояснила, почему авторы проекта решили создать миниатюры именно этих семи исторических объектов: «Эти памятники были снесены наиболее демонстративно и даже показательно. Их снос – это политическая акция, она была направлена на стирание визуального восприятия точек памяти. Но историческую память стереть невозможно, она базируется на связи поколений, на академической науке, на архивных документах».

Создание уменьшенных копий снесенных памятников советским воинам-освободителям Европы, по мнению



Малышевой, «нацелено на формирование культуры исторической памяти нашего, российского мировоззрения». Как добавила Малышева, место, где захоронен ее дед, погибший в марте 1945 года на Кюстринском плацдарме, также осквернено.

Дочь маршала Ивана Конева Наталия Конева призналась, что открытие парка «Спасенная Европа» – это уникальная ситуация для семей военачальников, памятники которым были осквернены или снесены. Когда мы видели, как падают эти памятники, а мы видели это по телевизору, в кино, слава богу, не воочию, для нас это была история, которая пронзала сердце. Война учит нас тому, что мы всегда встаем за други своя. В одной только Польше, которую мы освобождали, легло 600 тысяч наших солдат. А сколько памятников разрушено!»

На торжественном открытии выступил и Александр Ватутин, внук генерала армии Николая Ватутина. Он сказал: «Когда я смотрел, как рушат в Киеве памятник генералу Ватутину, освободителю Украины, я подумал: “Слава богу, что вдова генерала, Татьяна Романовна, не видит этого”. Мама моя, дочь генерала, тоже этого не видела, потому что к этому времени она тоже ушла в мир иной. Но когда я узнал, что в Калининграде восстанавливают памятники полководцам, наступила радость. Эти генералы и маршалы вернулись к нам. Их пытались стереть с лица земли, уничтожить эти памятники, но они вернулись и символизируют тот мир, который советский солдат принес Европе».

«Этим проектом мы говорим, что герои не забыты. Всегда можно

Фото: Александр Подгорчук

приехать сюда и отдать дань памяти воинам, которые освобождали страны наших соседей», – заявил глава региона Алексей Беспрозванных, добавив, что в Калининград начали приезжать гости из соседних стран, которые ждали открытия этого парка, хотя их власти «вдруг решили просто взять и вычеркнуть эту великую страницу из нашей общей истории».

Основная идея – создать историческое пространство, на котором воспроизведены монументы воинам-освободителям, уничтоженные в рамках целенаправленной политики стран Запада по умалению роли Советского Союза в Победе в Великой Отечественной войне. Актуальность проекту придают события вокруг советских мемориалов, которые в XXI веке превратились в настоящую войну с памятниками.

В 2019 году Европарламент резолюцией «О важности европейской памяти для будущего Европы» фактически легализовал уничтожение советских мемориалов. Из памяти европейцев, особенно молодых, стирается историческая правда, а ее место занимает фальсифицированный образ России, укорененный «историческими» нарративами.

Кому-то показалось, что ряд монументальных свидетельств спасения Европы от ужасов нацизма навсегда утрачен. Но нет! Благодаря созданию парка исторических миниатюр «Спасенная Европа» появилась возможность снова увидеть памятники героям. И к ним опять несут цветы благодарные потомки.

ЭХО «БРОНЗОВОЙ НОЧИ»

В центре Таллина почти шестьдесят лет стоял памятник, который со временем стал отражением разногласий эстонского общества по поводу Второй мировой войны и советского прошлого Эстонии

ДЕНИС ФЕДОРОВ

«Бронзовый солдат» на холме Тынисмяги в центре Таллина. 24 апреля 2007

Бронзовый солдат – один из немногих советских памятников, уцелевший после обретения странами Балтии независимости. Воздвигнутый на холме Тынисмяги, рядом с братской могилой воинов Красной армии, павших в 1944 году в боях за освобождение Таллина, он воспринимался в советской Эстонии как символ победы над нацистской Германией.

Композиция, созданная скульптором Энном Роосом и архитектором Арнольдом Аласом, изображает солдата, склонившего голову в знак скорби; за ним на каменной стене – таблички с именами 13 погибших советских воинов.

После восстановления независимости Эстонии в 1991 году памятник постепенно стал предметом споров. Для русскоязычных жителей страны и ветеранов Красной армии это было место памяти о погибших героях и победе над нацистской Германией. Для значительной части эстонского

«Бронзовый солдат» на Военном кладбище в Таллине. 9 мая 2026

общества присутствие советского военного мемориала в центре столицы воспринималось уже в контексте послевоенного советского периода.

Весной 2007 года правительство Эстонии приняло решение о переносе монумента на Военное кладбище на улице Фильтри. Одновременно предполагалось провести исследования захоронения и установить личности погибших.

Перенос Бронзового солдата стал причиной одного из самых острых общественных конфликтов в современной истории страны и отражением того раскола в обществе, который эстонская и русская общины не могут преодолеть до сих пор.

26 апреля 2007 года в Таллине начались демонстрации, переросшие ночью в массовые беспорядки, уличные столкновения и погромы в Таллине и других городах Эстонии (позже эти трагические события получили название «Бронзовая ночь»).

В этих условиях правительство Эстонии приняло решение не откладывать демонтаж монумента, и ранним утром 27 апреля он был снят с Тынисмяги. В официальном сообщении правительства необходимость срочного демонтажа объяснялась стремлением предотвратить дальнейшее насилие и защитить людей и имущество.

Уже 30 апреля Министерство обороны Эстонии сообщило, что скульптура Бронзового солдата вместе с мемориальной композицией была восстановлена на территории Военного кладбища. 8 мая памятник был открыт для посетителей. Перезахоронение советских военнослужащих состоялось 3 июля, однако в 1994 году таблички с именами павших воинов были заменены табличками с надписью «Павшим во Второй мировой войне» на эстонском и русском языках.

«РУСАЛКА» В ПАРКЕ КАДРИОРГ

Монумент погибшим членам экипажа броненосца Российского императорского флота

ЕКАТЕРИНА ПОЛЯКОВА

Памятник «Русалка» в парке Кадриорг. Таллин, Эстония

На берегу Таллинского залива, в парке Кадриорг, установлен один из самых узнаваемых памятников Эстонии – монумент, посвященный погибшим членам экипажа броненосца «Русалка» Российского императорского флота.

7 (19) сентября 1893 года «Русалка» вышла из Ревеля, нынешнего Таллина, в направлении Гельсингфорса (современного Хельсинки). В Финском заливе корабль попал в сильный шторм и затонул. Вместе с ним погиб весь экипаж – 177 человек.

Мемориал, созданный одним из наиболее известных эстонских скульпторов своего времени Амандусом Адамсоном (1855–1929), был открыт в 1902 году, через девять лет после гибели корабля.

Монумент установлен в конце Морской аллеи, ведущей от Кадриоргского дворца к морю. Высота сооружения – около16 метров. На массивном гранитном основании возвышается бронзовая фигура ангела с крестом в правой руке. Взгляд ангела обращен в сторону предполагаемого места гибели корабля.

На пьедестале золотыми буквами высечены имена 12 погибших офицеров. Вокруг памятника, на соединенных цепями каменных столбиках размещены имена 165 нижних чинов экипажа «Русалки».

Точное местонахождение затонувшей «Русалки» долгое время оставалось неизвестным. Лишь в июле 2003 года эстонские специалисты обнаружили ее корпус на дне Финского залива, примерно в 25 километрах к югу от Хельсинки. Поиск проводился с использованием гидролокатора и магнитометров; в обнаружении участвовало исследовательское судно Эстонского морского музея *Mare*.

Более 130 лет после создания памятник «Русалка» продолжает оставаться там, где его и задумали установить, – у моря, в Кадриорге. За это время исчезла Российская империя, изменилась политическая карта региона, Таллин стал столицей независимой Эстонии, а само место кораблекрушения перестало быть неизвестным. Но памятник сохранился на своем историческом месте и воспринимается сегодня не только как знак памяти о людях, которых не вернуло море, но и как одна из совершенных архитектурных и художественных доминант Таллина.

«НАШ ДОМ НА ЧУЖБИНЕ СЛУЧАЙНОЙ…»

Русские кладбища за границей (начало читайте в № 174/07–08)

ЮРИЙ РЯБИНИН

Фото Галлиполийского памятника. Между 1920 и 1921

Виктор Платонович Некрасов (1911–1987) прославился своей повестью «В окопах Сталинграда». Эмигрировал он в 1974 году. В декоре некрасовского надгробия использована одна чрезвычайно любопытная деталь. К граниту прикреплен бесформенный продолговатый кусок ржавого металла, отчасти напоминающий гусиное перо. Этот кусок металла – осколок снаряда – Некрасов нашел на Мамаевом кургане. К этому времени уже вышла его знаменитая повесть, и он приехал посмотреть на место действия своего произведения. Там на кургане ему попался под ногу некий обломок, в котором фронтовик без труда узнал осколок. Некрасов подобрал его. И с тех пор с этой находкой не расставался: осколок постоянно лежал на его письменном столе. Когда же близкие покойного ставили на его могиле монумент, они позаботились укрепить на камне и эту святыню.

Идем далее. На Сент-Женевьев почти нет фотографий покойных на надгробиях. Чаще попадаются какие-либо иконки – Спаса, Богородицы, другие. Имея возможность выставить того или иного типа портрет своего покойного, эмигранты тем не менее этого обычно не делают. Прежде всего это объясняется религиозными традициями, которые в эмиграции соблюдаются несоизмеримо более строго, нежели в отечестве. Христианское погребение не предполагает изображения покойного. Потому что покойный уже на том свете. И, возможно, там он выглядит совсем не так, не в том образе, в каком мы его привыкли прежде видеть на этом свете. Это сродни тому, как в старину не писали даже фамилии на надгробии – только

имя! – потому что фамилий «там» нет.

Наиболее часто встречается на Сент-Женевьев надгробие в виде восьмиконечного православного креста – каменного или деревянного. Но даже если надгробие плита – вертикальная или горизонтальная, – то и на ней обычно прикреплен или выбит крест. Целые участки заняты могилами военных – галлиполийцев, алексеевцев, дроздовцев… поручиков, ротмистров, есаулов… На таких могилах, помимо креста, еще какой-то символ – герб, вензель, пропеллер, пушки, морской Андреевский флаг, орден, погон…

То и дело знакомые имена: Маклаков, Вейдле, Карташев, Туроверов, Коровин, Оцуп, Ремизов… Некоторые могилы в состоянии истинно удручающем: запущены, не знают ухода, иные деревянные кресты покосились, а то и завалились от ветхости. Впрочем, таких немного. В основном кладбище вполне даже по-европейски опрятное. А большинство надгробий – практически вечный камень.

Рассказать о каждом сколько-нибудь известном похороненном на Сент-Женевьев де Буа – хотя бы коротко – практически невозможно за беспримерным обилием таковых имен. Упомянем лишь отдельных наших соотечественников. Это писатели и публицисты: Борис Юлианович Поплавский (1903–1935), Петр Бернгардович Струве (1870–1944), Илья Дмитриевич Сургучев (1881–1956), Георгий Владимирович Иванов (1894–1958), Георгий Иванович Газданов (1903–1971), Борис Константинович Зайцев (1881–1972), Александр Аркадьевич Галич (1918–1977), Андрей Алексеевич Амальрик (1938–1980). Артисты и режиссеры: Николай Николаевич Евреинов (1879–1953), Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971), Серж Лифарь (Сергей Михайлович Лифарь, 1904–1986), Андрей Арсеньевич Тарковский (1932–1986), Рудольф Хаметович Нуреев (1938–1993). Художники: Константин Алексеевич Коровин (1861–1939), Константин Андреевич Сомов (1869–1939), Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957), Николай Дмитриевич Милиоти (1874–1962), Зинаида Евгеньевна Серебрякова (1884–1967). Военные и гражданские чины: генерал Александр Васильевич Каульбарс (1844–1929), генерал Африкан Петрович Богаевский (1873–1934), генерал Иван Георгиевич Эрдели (1870–1939), председатель совета министров Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943), генерал Сергей Георгиевич Улагай (1875–1944), адмирал Михаил Александрович Кедров (1878–1945), министр торговли и промышленности Александр Иванович Коновалов (1875–1949), адмирал Георгий Карлович Старк (1878–1950), генерал Антон Васильевич Туркул (1892–1957), русский посол во Франции Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957), князь Феликс Феликсович Юсупов (1887–1967).

Где-то в центре кладбища находится привлекающий внимание большой конусовидный памятник, увенчанный четырехконечным равносторонним крестиком. Это так называемый галлиполийский обелиск – уменьшенная копия памятника белой Русской армии на турецком полуострове Галлиполи. В 1920 годы туда была эвакуирована значительная часть армии генерала Врангеля. Именно этот полуостров образует европейский берег Дарданелльского пролива. Здесь с помощью французов были устроены военные лагеря, в которых разместились многие тысячи солдат и офицеров Русской армии. Естественным образом, вскоре вблизи этих лагерей появилось и небольшое кладбище: некоторые раненые и больные, увы, не переносили спартанских условий этого многомесячного «галлиполийского сидения» и умирали. Всего там появилось 342 русские могилы. И вот среди этих могил 16 июля 1921 года был установлен памятник всем умершим на чужбине белым воинам – ротонда диаметром сажени в три, переходящая на уровне человеческого роста в конус с крестом на вершине. Впоследствии этот памятник был совершенно разрушен землетрясением. Но уже в наше время – в 2008 году – восстановлен заново.

Когда галлиполийцы, жившие во Франции, узнали, что монумент на месте их бывшего лагеря в Дарданеллах разрушен, они решили поставить похожий памятник на своем русском кладбище под Парижем, где уже к тому времени было похоронено немало их однополчан.

Вот в некотором сокращении документ, свидетельствующий, кем и когда было принято решение о сооружении упомянутого памятника на Женевьевском:

«ПРОТОКОЛ № 4

заседания комиссии, образованной Отделом Общества Галлиполийцев во Франции, по сооружению Галлиполийского памятника на кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Собрание состоялось в помещении РОВСа в 19 часов 16 февраля 1959 года.

Присутствовали: полк. Горбач, полк. Щавинский, полк. Ждановский, полк. Нефедов, полк. Бояринцев, полк. Мацевич, священник О. Книжников, капитан Григуль и кап. Конашевич.

Слушали о появившихся в войсковой среде и в печати слухов, неточно формулирующих основную идею предполагаемого к постройке памятника.

Постановили: В Сент-Женевьев де Буа на участке кладбища, принадлежавшем Отделу Общества

Галлиполийский обелиск на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа

Галлиполийцев во Франции, предполагается соорудить уменьшенную копию Галлиполийского памятника на высоком цоколе.

Слушали предложения об использовании высокого цоколя.

Постановили: наличие высокого цоколя дает возможность на нем поместить доски с именами Вождей Белого Движения и именами основоположников некоторых Добровольческих частей.

Расположение досок откладывается до начала постройки памятника; причем пожелания воинских частей будут приняты во внимание».

Далее следуют подписи председателя и членов комиссии.

Перечисленные в «протоколе» господа офицеры впоследствии также упокоились на Сент-Женевьев де Буа.

Монумент был сооружен на кладбище и торжественно освящен в 1961 году. С тех пор он остается главным военным памятником русского зарубежья.

Собственно, весь Лес Святой Женевьевы – памятник. Памятник не только тому великому русскому исходу столетней давности, но, может быть, и самой России. Той потерянной России, которая сохранилась только… в дальнем зарубежье. Поэт написал о Сент-Женевьев де Буа: здесь похоронены сны и молитвы. Однако молитва, даже и похороненная, не перестает быть живой…

Батиньоль. Cimetiére des Batignolles

В Париже, помимо Сент-Женевьев де Буа, русских могил еще немало и на прочих кладбищах. Но это кладбища французские латинские. Вспомним лишь одно из таких – Батиньоль, – поскольку на нем упокоена значительная часть наших известных соотечественников.

Одна из аллей кладбища Батиньоль

Это основанное еще в 1833 году кладбище, в отличие от Сент-Женевьев, находится не в пригороде, а в самой черте города, внутри Boulevards des Maréchaux – парижского бульварного кольца. И с точки зрения французов, конечно же, несоизмеримо более почетное, нежели загородное Женевьевское.

На этом кладбище похоронены: художник, автор известного портрета З. Н. Гиппиус, Леон Самойлович Бакст (1866–1924), композитор и пианист Сергей Михайлович Ляпунов (1859–1924), коммерсант, издатель газеты «Утро России» Павел Павлович Рябушинский (1871–1924), русский посол в Японии и США Георгий Петрович Бахметев (1847–1928), русский дипломат, посол в Константинополе и Риме Михаил Николаевич Гирс (1856–1932), русский министр иностранных дел Павел Николаевич Милюков (1859–1943), художник Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), другие.

Талантливому историку, крупнейшему политическому деятелю Павлу Николаевичу Милюкову выпало в эмиграции сделаться едва ли не центральной фигурой всего русского зарубежья. В двадцатые–тридцатые годы он возглавлял и редактировал самую влиятельную и крупнотиражную русскую газету за границей – «Последние новости». Газета выходила ежедневно, причем воскресный номер был в объеме вдвое больше обычного. Редакция «Последних новостей» сменила несколько адресов. Последний ее адрес: 51, улица de Turbigo. Газета – это средство влияния. Чем значительнее газета, тем большие возможности она имеет на что-либо влиять. Соответственно, главный редактор крупнейшей русской газеты был человеком наиболее влиятельным в эмиграции. И вот в кабинет к Павлу Николаевичу шли с разными нуждами ежедневно десятки людей – писатели, политики, генералы, священники, рестораторы, таксисты, безработные, столбовые дворяне и разного рода авантюристы, чьи-то вдовы, дочери и сироты – в общем, русские разных чинов и званий, имущественного и социального положения. И у всех

была какая-то нужда: помочь, посодействовать, заступиться, оказать протекцию, дать рекомендацию. Милюков чаще всего находил возможность быть чем-нибудь полезным соотечественникам. Газета существовала ровно двадцать лет – очень немалый срок для эмигрантских изданий! Последний номер вышел 11 июня 1940 года – за три дня до вступления в Париж германской армии. Павел Николаевич прожил после этого еще три года и умер, удовлетворенный прокатившейся по всему миру вестью о победе русских на Волге, после чего исход войны в общем-то был ясен.

Но самое знаменитое русское захоронение на Батиньоль… теперь не существует на кладбище. В 1984 году Федор Федорович Шаляпин – сын непревзойденного русского баса – дозволил перенести останки отца в Москву. Наследник, очевидно, опасался возможной утраты могилы, останься она в Париже. А насколько безынтересно к русским могилам относятся французы можно судить хотя бы по следующему свидетельству. Вот что рассказывала крупнейшая послевоенная парижская эмигрантская газета «Русская мысль» в номере от 11 марта 1948 года:

De mortius… nihil
На могиле Шаляпина

В конторе кладбища Батиньоль на вопрос: где находится могила Шаляпина – прежде всего отвечают восклицаниями:

– А, рюсс… рюсс… знаем… гран… селебр…

А затем любезно указывают, как добраться до 25 дивизиона.

Три аллеи, три поворота направо, среди длинного ряда мраморных могильных плит, мрачного художества монументов, целых домиков-мавзолеев, склепов на углу, так неожиданно выделяется одинокий черноземный голый квадрат в три аршина. Не верится, что это и есть приют вечного упокоения мировой знаменитости, гордости русской земли.

Земля на могиле взрыхлена дождями, отчего могила выглядит, как недавняя. Перед крестом, как «младая жизнь у гробового входа», тянется вверх сосенка, чахлая, тоскующая по солнцу. Ей, вероятно, тоже десять лет.

Но вот… свежий след. В рыхлую землю воткнуты три красных тюльпана, еще свежих, только что принесенных благодарным соотечественником. Кто он, единственный?

«Ограда» состоит всего лишь из нескольких деревянных жердочек. В пол-аршина над землей. Крест деревянный, ростом меньше великанапокойника, почернел от времени. Нужно пристально вглядеться, чтобы обнаружить внизу креста истлевающую надпись на французском языке: «Федор Шаляпин». Всего два слова. Вверху креста – иконка.

Подул ветер. Полусгнивший крестик зашевелился. Не почудилось ли? Рванул сильный порыв ветра. И крестик над упокоившимся задрожал, накренился вперед, отпрянул назад застыл. Стало жутко. Вот-вот упадет от шквала непогоды. Страшно сделалось случайному свидетелю полного невнимания к национальной гордости российской, обретшей свой кусок земли на чужбине.

О мертвых… ничего.

Позволительно спросить, где поклонники, запечатлевшие на экране своей памяти восторги аудитории пред исключительным певцом, создавшим образы царя Бориса, Мельника, Галицкого и Хана, Досифея?..

Осведомляюсь у гида кладбищенского, посещается ли могила?

– А, нет… Раньше «фамиль» бывала на Пасху, теперь не видно, да и посторонние не заглядывают.

Спрашиваю: а вы сами-то знаете, кто такой Шаляпин?

Старик-инвалид с грудью, увешанной знаками боевых отличий, заволновался:

– Как же… конечно, знаю! Ваш Шаляпин пел в нашей национальной Гранд Опера… Он пел нашу Марсельезу для Президента республики…

Когда это было? Это было давно, но я знаю, когда Шаляпин пел еще раз Марсельезу. Российский Красный Крест устраивал в пользу французского Красного Креста в театре Сара Бернар торжественный концерт, незадолго до первой мировой войны, в дни кровавых осложнений в Марокко.

В театре находился президент республики (если не ошибаюсь – Пуанкарэ), дипломатический корпус, члены правительства, парламента. Шаляпин под звуки русского симфонического оркестра исполнил французский Национальный гимн. Зала воспламенилась.

Шаляпин выступал во фраке. А в те времена по церемониалу в особо торжественных случаях полагалось петь Марсельезу в костюме эпохи. В виде особого исключения Шаляпину разрешили его светский фрак.

То было в дни франко-русского альянса. За Россией ухаживали. Для российского великодержавного флага не требовалась «виза».

Не знаю, на сколько времени заарендована могила Шаляпина на Батиньоле. Ведь, если пройдет срок, выбросят кости в мусор, дабы освободить место для свежего покойника. Так проходит слава мирская… ***Н. Ст.***

Вот такова была судьба захоронения самого знаменитого русского баса.

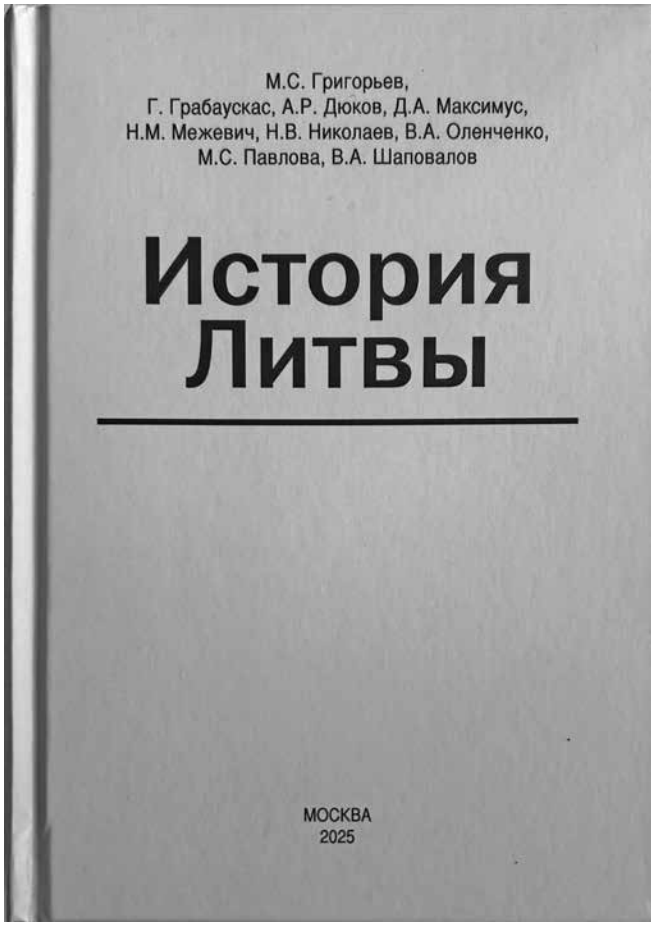
По некоторым сведениям, над парижским Батиньолем нависла угроза полной ликвидации: пространство во французской столице необыкновенно дорого, а относительно небольшое кладбище на северо-востоке XVII округа Парижа, очевидно, не имеет того культурно-исторического значения, какое для французов имеют их *grands cimetières* – Пер-Лашез, Монмартр и Монпарнас.

Окончание следует

Могила Федора Ивановича Шаляпина на Новодевичьем кладбище в Москве

ТРИ ВЗГЛЯДА НА СТРАНЫ БАЛТИИ

АРТЕМ АГАПКИН



ИСТОРИЯ ЛАТВИИ

Монография. М. С. Григорьев, И. Н. Гусев, А. Р. Дюков, Д. Ю. Ермолаев, Н. М. Межевич, Р. В. Панкратов, В. В. Симиндей. – М.: Вече, 2026. 832 стр.

Академик Ефим Пивовар, обращаясь к читателя, отметил: «Фундаментальная монография “История Латвии” (М.: Вече, 2026. 832 стр.) в российской историографии на данный момент является наиболее полным и глубоким трудом, который охватывает максимально широкий период исторических событий на земле, входившей в состав различных государств и называемой сейчас “Латвийская Республика” – от древних неолитических племен и появления Кукейносского и Герсиксского княжеств (зависимых от половецких князей до современности. На ее страницах подробно проанализирован фактор влияния древних славян на исторические процессы в Прибалтике, в особенности на территории будущей Латвии: от вендских топонимов до богослужебной и иной лексики у латгаллов и других балтов из церковного-славянского и древнерусского языков.

В книге на основе большого массива доступных источников детально обоснован важный вывод: Прибалтийские земли с давних пор стали местом проживания

разноплеменного сообщества, и на протяжении тысяч лет население здесь совсем не являлось моноэтничным».

Данная монография по истории Латвии по объему исследованного и представленного материала, охвату исторических периодов вплоть до недавнего времени, глубине и новизне превосходит предыдущие работы российских и зарубежных авторов.

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ

Монография. М. С. Григорьев, Г. Грабаускас, А. Р. Дюков, Д. А. Максимус, Н. М. Межевич, Н. В. Николаев, В. А. Оленченко, М. С. Павлова, В. А. Шаповалов. – М.: Международные отношения, 2025. 416 стр.

В обращении к читателям министр иностранных дел России С. В. Лавров пишет: «Ценность данной книги заключается в том, что ее авторы стремились всестороннее, в научно обоснованном ключе проанализировать этапы развития земель, которые в различное время были связаны с Литвой.

На фоне попыток подвергнуть историю ревизии в угоду политической конъюнктуре, объективное рассмотрение прошлого во всей его совокупности, полноте и взаимосвязи приобретает особое значение.

На решение этой важной задачи нацелен и данный труд, опирающийся на комплексный анализ большого массива исторических данных. Результаты проделанной авторами исследовательской работы представлены на суд взыскательных читателей в России и за рубежом».

Книги подготовлены при содействии Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ. ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Георг фон Раух. Перевод с немецкого. М.: ЗАО Центрполиграф, 2026, 319 стр.

Известный немецкий ученый, специалист по истории России и стран Балтии Георг фон Раух на основании обширного фактического материала рассматривает период существования независимых Прибалтийских государств между двумя мировыми войнами прошлого столетия.

Наряду с историей народов Балтии, ученый уделил особое внимание жившим на этих территориях прибалтийским немцам. Автор исследует все стороны экономической, политической и культурной жизни Эстонии, Латвии и Литвы и позволяет взглянуть на происходящие события глазами их жителей.

В конце книги представлен список президентов и премьер-министров Прибалтийских государств.

ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

В волгоградском издательстве «Перископ-Волга» вышел в этом году сборник статей Василия Зубакина и Ивана Родионова «Послекнижие. Диалоги о Большой литературе и Большой истории»

НИКИТА БОЛШЕВ

Взрывной рост популярности нехудожественной прозы во всех ее современных проявлениях (словом, того, что сейчас маркируется как нон-фикшен) способствует тому, что все больше авторов начинают отходить от жанровых канонов этого консервативного книжного направления. Ширится созидание нового, и по форме, и по содержанию. Одним из примеров подобного интеллектуального поиска и является книга Василия Зубакина и Ивана Родионова «Послекнижие. Диалог о Большой литературе и Большой истории» (Волгоград: Перископ-Волга, 2026. 148 с.).

Любопытное начинается уже с формы. Сотворчеством, конечно, никого сегодня не удивить. Однако дело в том, что «Послекнижие» – книга-диалог. Не интервью, не разговор мэтра с задающим вопросы журналистом. Но настоящий диалог двух равноправных и ощутимо разных собеседников. К ним периодически присоединяются и другие голоса. Интересно, что биографические данные соавторов несколько контрастируют с их речевыми психологическими портретами, отчего общая картина становится еще сложней, объемней. Так, Василий Зубакин – человек старшего поколения, профессор, автор множества научных статей и исторической художественной прозы. Наверное, можно предположить, что его стиль – холодно-аналитический, отстраненный, наукообразный? А вот и нет: часто реплики Зубакина темпераментны, эмоциональны. Ощущаешь почти физически: его интерес к выбранным темам не только исследовательский, но и какой-то личный. Что, безусловно, подкупает. Рассуждения молодого литературного критика Ивана Родионова порой, напротив, уходят в филологические экскурсы и суховато-ироничны. Так возникает контраст ожидания и реальности, и диалог становится еще более живым.

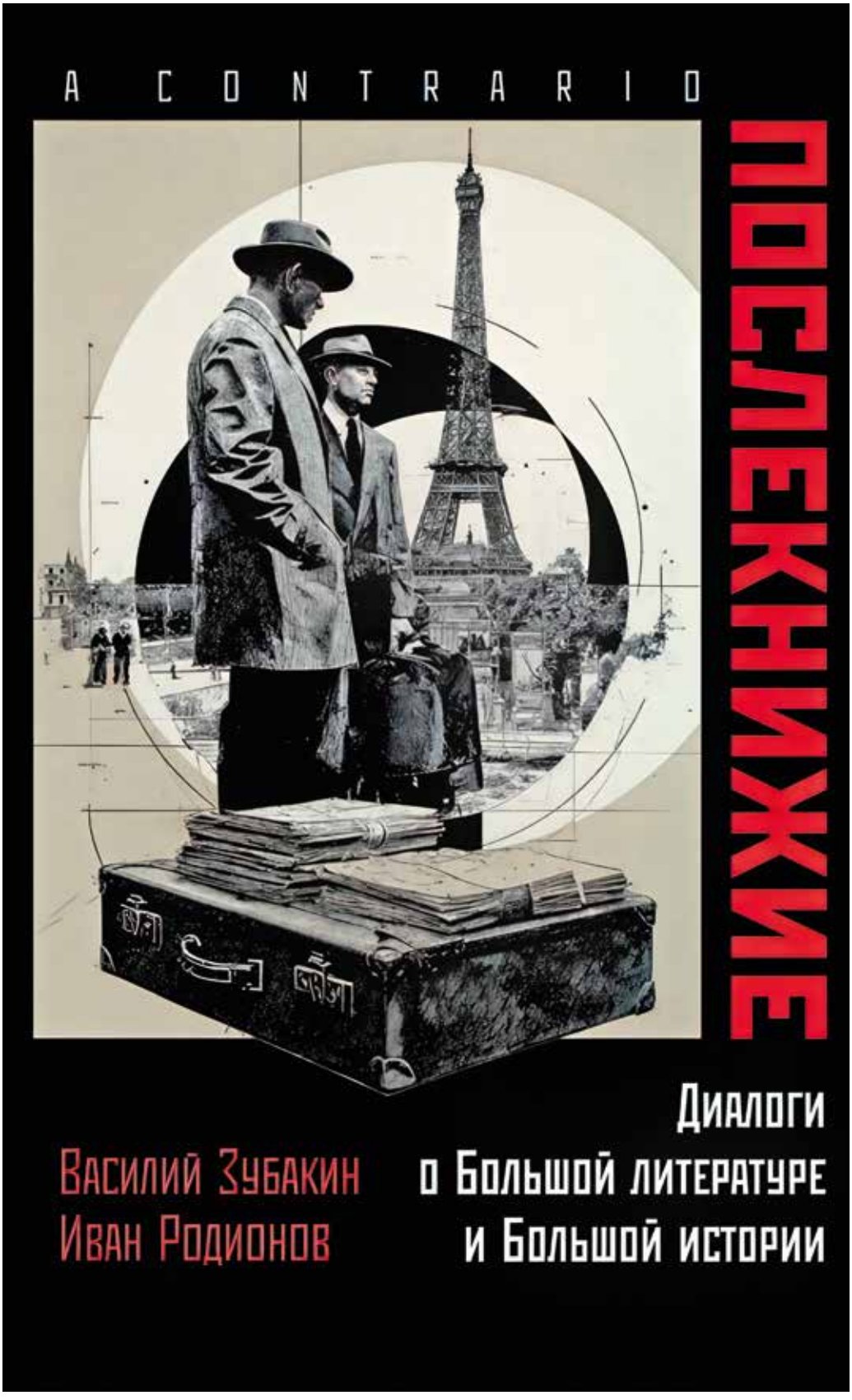
Считываются и едва заметные, не проговариваемые в лоб исторические симпатии соавторов – Зубакин с большей теплотой отзывается об условных «белых», тогда как Родионову интеллектуально близки скорее левые – большевики, эсеры, анархисты. Однако в одном они сходятся совершенно точно: русский XX век при всех его трагедиях и контрастах породил цветущую сложность мысли, невероятное разнообразие проявлений национальных характеров. И долг добросовестного исследователя – скрупулезно все это изучать.

Содержание «Послекнижия» тоже может удивить. Авторы отказываются от строгого следования единой теме в пользу мультидисциплинарности. Два столпа книги – история и литература – неизменны. Однако дальше, что называется, есть варианты. Химия? Пожалуйста – вот вам глава о писателях-химиках и об использовании ими своих специальных знаний в творчестве. Или, например, ветроэнергетика – как эта далекая от гуманитаристики отрасль связана с литературой? На вопрос «отвечают» Сервантес, Платонов, Пелевин, Алексей Иванов. Глава про двойных агентов и провокаторов в литературе развертывается как филологическое расследование, а завершается расследованием вполне юридическим. А глава о писателях левых убеждений, вынужденных эмигрировать из Советского Союза, ставит проблему не только социологическую, но и философскую: каково это – быть своими среди чужих и чужими среди своих?

Впрочем, не историей (литературы в том числе) единой наполнено «Послекнижие». Более того, современность часто продолжает, как бы доигрывает историю. Да, о тех же двойных агентах в свое время уже написали классические тексты Леонид Андреев и Максим Горький, но и относительно недавно тоже выходили сложные и противоречивые «Асан» Владимира Маканина или «Птичий грипп» Сергея Шаргунова. А иногда современная литература прямо воссоздает несбывшееся, оборванное. Например, в одной из глав «Послекнижия» анализируется недавний любопытный литературный феномен – появление «дискурса воскрешения Романовых». В 2023 году был опубликован целый ряд художественных текстов, в которых Романовы так или иначе выживали – это и «Бронепароходы» Алексея Иванова, и «ОТМА» Алексея Колмогорова, и «В тени трона» самого Василия Зубакина. Что это? Совпадение? Постмодернистская игра? А может, какой-то определенный читательский (и общественный) запрос?

Все вышеперечисленные особенности «Послекнижия» не подразумевают какой-то формальной вычурной авангардности сборника. Это не экспериментальная вещь в себе, но попытка авторов дать читателю то, что раньше называли отдохновением, причем вполне интеллектуальным. Критик и писатель Михаил Визель подметил, что эта книга по своему духу «подчеркнуто несовременна. Это проявление чистого искусства, которое по старинке хочется назвать перипатетическим, сиречь искусством философских бесед на свежем воздухе». И это очень верное замечание.

В эпоху бешеных скоростей и бесконечной инфоленты всякому человеку, чтобы не перегореть, порой необходимо остановиться, выпасть из гонки. Прислушаться к диалогам, тихо звучащим где-то неподалеку. А то и присоединиться к ним. И найти те самые точки пересечения, о которых упоминает Леонид Юзефович в предисловии к «Послекнижию». С историей, жизнью, другими людьми. Со своим внутренним голосом, наконец. Их, этих самых общих точек, у нас предостаточно.



В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

Продолжение. Начало читайте в №171/01–02, 173/05–06 и 174/07–08

Рисунок Марины Анисимовой

ЛЕОНИД СОБИНОВ. «ПРАВ СУДЬБЫ ЗАКОН»

Виктория Пешкова

«Жить на Волге и не петь – невозможно». Об авторе этой максимы история умалчивает. Что, разумеется, не умаляет ее истинности. Насыщенная музыкальная жизнь в Саратове началась в 1873 году с открытием в городе отделения Императорского Русского музыкального общества. Вскоре был образован симфонический оркестр, начались публичные концерты, открылись музыкальные классы. Поначалу желающих серьезно обучаться музыке останавливало отсутствие опытных педагогов. Все изменилось, когда руководить классами был приглашен талантливый пианист, выпускник Петербургской консерватории Станислав Каспарович Экснер. К 1895 году количество учащихся превысило две сотни и классы были преобразованы в музыкальное училище.

Статус учебного заведения требовал соответствующего помещения. Для строительства нового здания был приглашен известный архитектор Александр Ягн и выделен участок на пересечении Немецкой (ныне проспект Петра Столыпина) и Никольской (сейчас она носит имя Радищева) улиц. Попечение о строительстве взяла на себя супруга тогдашнего саратовского губернатора князя Бориса Борисовича Мещерского Мария Алексеевна, урожденная графиня Мусина-Пушкина. Мария Алексеевна, сама превосходная музыкантша, много лет председательствовала

в саратовском музыкальном обществе. Училище было торжественно открыто 28 октября 1902 года. И если по части архитектуры не все получилось сделать так, как планировалось, то акустика получилась отменной, о чем в один голос твердили приглашенные на церемонию знаменитости.

В феврале 1910 года весь музыкальный Саратов с нетерпением ждал Леонида Собинова, который должен был дать сольный концерт в Большом зале училища. Леонид Витальевич приехал, но в последний момент врачи запретили ему петь. Видимо, суровые зимние ветры оказались губительны для хрупких связок великого тенора. Выступление перенесли на апрель, но и весной оно не состоялось. Саратовцам пришлось запастись терпением до конца октября. Концерт состоялся 30-го числа. Программа была подобрана так, что удовлетворила бы самую взыскательную публику. Ария Надира «Je crois, entendre encore» из оперы Жоржа Бизе «Искатели жемчуга». Ария Вильгельма «Adieu, Mignon! Courage» из оперы Амбуаза Тома «Миньон». Две прекрасные вагнеровские арии: «Весенняя песнь» Зигмунда («Wintersturme wichen dem Wonnemond») из «Валькирии» и мольба Лоэнгрина («Mein liebe Schwan») из одноименной оперы. Русская классика была представлена не менее роскошно: песня Певца за сценой («Страстью и негою сердце трепещет») из оперы Антона Аренского «Рафаэль», ария Левко («Спи, моя красавица») из «Майской ночи» Римского-Корсакова и романсы Чайковского.

На следующий день музыкальный обозреватель «Саратовского вестника» не мог сдержать обуревавшего его восторга: «Певец-чародей! – Вот как только можно определить впечатление, вынесенное слушателями после вчерашнего концерта. Трудно не поддаться очарованию этого голоса, которым артист владеет с таким изумительным искусством. И притом, какая дикция, какая тонкая фразировка! Прослушать г. Собинова – значит надолго запастись художественными впечатлениями. Многочисленная публика устроила артисту овацию, г. Собинов очень много пел сверх программы». Наверняка Леонид Витальевич приберег для бисов что-то из особенно любимого. Что это было? Темпераментная ария Герцога из «Риголетто»? Страстная мольба кавалера де Грие из «Манон Леско»? А может быть, что-то из «Фауста» или «Ромео и Джульетты»? Как все эти герои, такие яркие и несхожие, сосуществовали в сердце артиста? Как вообще проснулся этот великий дар в мальчике из ничем не примечательной мещанской семьи, обитавшей в Ярославле?

Судьба Леонида Собинова – красноречивое подтверждение максимы «талантливый человек талантлив во всем». Божественной красоты голос обеспечил ему славу первого тенора мира. Аналитический ум и недюжинные ораторские способности принесли лавры успешного адвоката. Дар организатора, предельная честность и чувство долга помогли справиться с грузом ответственности, когда в 1917-м и 1921 годах коллектив Большого театра избирал Леонида Витальевича директором. Собинов немало сделал для того, чтобы новая власть не ликвидировала бывшие императорские театры.

Пением юный Леонид увлекся еще в гимназии, но о сцене не грезил. Успешно окончив юридический факультет Московского университета (параллельно занимаясь в Музыкально-драматическом училище), Собинов был принят на должность присяжного поверенного в контору выдающегося адвоката Федора Плевако. Федор Никифорович любил музыку, в его доме нередко устраивались благотворительные концерты. На одном из них знаменитый юрист, отличавшийся язвительным нравом и острым языком, представляя юношу, уведомил почтеннейшую публику, что петь будет не профессиональный артист, а его служащий, проигрывающий все дела, которые ведет, но зато обладающий дивным голосом, так что рано или поздно ему надоест терпеть «эту бездарность» и он выгонит его из конторы прямиком в Большой театр.

Плевако лукавил: Собинов был хорошим адвокатом, выигрывал даже безнадежные дела и не был уверен, что его стезя – оперная карьера.

<...>«Стоит только накопиться трудной и неприятной работе по адвокатуре, – признавался Собинов в письме к другу, – как я уже начинаю мечтать о том, что, пожалуй, сцена – мое единственное призвание… С рвением бросаюсь тогда к оперным клавирам, и вот здесь какой-нибудь трудный речитатив или плохо удающиеся ноты, часто случайное отсутствие дыхания или голоса начинают возбуждать во мне сомнения в моих способностях быть хорошим артистом. Случись к этому выиграть дело, преодолеть пугающую юридическую трудность, и опять берет верх сознание, что в адвокатуре я, пожалуй, больше на месте».

Плевако не пришлось выгонять Собинова в Большой театр. Весной 1897 года после дебюта в партии князя Синодала в «Демоне» Антона Рубинштейна певец получил приглашение в труппу. Заключая контракт, оговорил разрешение в течение двух лет заниматься адвокатской практикой. И только по истечении этого срока принял окончательное решение. «Стиль его искусства был так благороден, – писал о Собинове Корней Иванович Чуковский, – потому, что был благороден он сам. Никакими

ухищрениями артистической техники не мог бы он выработать в себе такого обаятельно-задушевного голоса, если бы этой задушевности не было у него самого. В созданного им Ленского верили, потому что он и сам был такой: беспечный, любящий, простодушный, доверчивый. Оттого-то стоило ему появиться на сцене и произнести первую музыкальную фразу, как зрители тотчас влюблялись в него – не только в его игру, в его голос, но в него самого».

В следующий раз Собинов приехал в Саратов в 1912 году. Его сольный концерт состоялся в апреле. Известно, что аккомпанировал Собинову старший преподаватель по классу фортепиано Александр Федорович Скляревский. А уже в октябре училище стараниями своего неутомимого директора Станислава Экснера стало Саратовской Императорского Русского музыкального общества Алексеевской (в честь цесаревича Алексея) консерваторией, третьей в стране после московской и петербургской.

Станислав Каспарович приложил поистине титанические усилия, чтобы собрать в училище квалифицированных педагогов – именно их отсутствие и было главным препятствием на пути к консерваторскому статусу.

Майские гастроли 1914 года пришлось отменить из-за болезни Собинова. Но осенью следующего года Леонид Витальевич снова предстал перед саратовской публикой. Шла война, а потому практически весь сбор от концерта артист направил в фонд помощи раненым. «В отчетный вечер артист был в ударе… Надо ли говорить, что все вещи были исполнены так, как их может передавать только один Собинов? Но и среди них особенно вдохновенно прозвучал романс Чайковского “Погоди”. Бурю рукоплесканий вызвала ария Ленского. Артист – идеальный исполнитель этой партии…» – констатировал все тот же «Саратовский вестник». Трудно не согласиться. Ария Ленского не единственный шедевр артиста, но, вероятно, одно из самых великих его творений. Модест Чайковский очень сожалел, что старший брат не дожил до появления такого Ленского, о котором мечтал, не веря, что мечта осуществится.

Талант Собинова был уникален. Но это не означало, что певец полагался только на полученное от небес дарование. Леонид Витальевич долго и скрупулезно готовился к каждой роли, не только вчитываясь в первоисточники, но и штудируя массу литературы по истории и культуре соответствующей эпохи. Он даже к созданию сценического костюма подходил с величайшей ответственностью, не передоверяя это сценографам и художникам. Работая над партией Ромео, Собинов перелопатил кучу источников и неожиданно обнаружил, что в конце XVI столетия венецианские (Верона входила в состав Венецианской республики) юноши из числа золотой молодежи, к каковой, несомненно, принадлежал и его герой, окрашивали волосы в золотисто-рыжий цвет. И артист настоял, чтобы ему сделали рыжий парик. Ему было важно, чтобы любая мелочь работала на образ, помогала ему вжиться в него. Кинжал для финальной сцены в фамильном склепе Капулетти он привез из Италии.

Последний раз Собинов посетил Саратов в октябре 1924 года. После революции консерватория была превращена в музыкальный техникум. Былой статус ей вернут в 1935 году, через год после внезапной кончины великого тенора. И в память о нем присвоят учебному заведению его имя. Но это случится лишь через десятилетие. А тогда публика, как и в былые времена, заполнила Большой зал до отказа. И новые газеты восхищались мастерством певца так же, как и старые. «Кто не слыхал Собинова лет 10 тому назад, тот не поймет причин той громадной популярности, которой пользуется этот артист. В вокальном мире есть два имени – Шаляпин и Собинов, и если между ними не всегда можно поставить полный знак равенства, то во всяком случае сейчас же за Шаляпиным по праву стоит имя Собинова. Нельзя сказать, что школа его совершенна: у него, например, всегда слышалось неприятное придыхание при коротком дыхании. Но тембр его голоса всегда был чудесен. Певец звучал как виолончель, но только согретая живым человеческим чувством, а его лиризм был изящно-нежным и волнующим, проникающим до глубины души слушателя», – писали «Известия».

Слава великого тенора была поистине всемирной. После триумфальных гастролей в Милане, на сцене прославленной Ла Скала, Леонид Витальевич писал самому близкому своему другу Елизавете Михайловне Садовской: «Не бойтесь за меня: слава и успех никогда не вскружат мне голову – в этом моя сила. Я всегда вижу обратную сторону медали и никогда ничего не забываю, если дело близко моей душе». Все знавшие Леонида Витальевича в один голос утверждали, что к «звездной болезни» у него был стойкий иммунитет до конца дней.

Собинов мог стать гражданином мира, но Россию не покинул. В 1931 году в альбоме одного из своих друзей, журналиста Александра Волошина, он сделал такую запись: «Дорогой Александр Александрович! История когда-нибудь ответит на вопрос, – в чем было больше подвига: в решимости ли, сделавшись всемирным свободным гражданином, – жить ценой неимоверных трудов и лишений или в отказе покинуть Родину, с тем чтобы сохранить ее и служить ее возрождению – ценою отказа от самого себя».

ВЕСНА В ЗАВОЛЖЬЕ

Евгений Мельников

Родной край

О край родной! Ты радость для души!
Тебя любить вовек не перестану!
Пускай здесь нет
заснеженных вершин
И шума мирового океана.
И пусть кораллы не хранит вода,
Другие вещи помнятся навеки:
Тот миг, когда, открывшись
ото льда,
Поют весной разлившиеся реки.
Когда им вторят ниточки ручьев,
Цветут тюльпаны яркими огнями;
Ночные песни майских соловьев,
Не молкнущие жаворонки днями.
Как ты проста, любимая земля!
Всплывает это часто в разговорах:
Мол, как скучны и степи, и поля,
И волжские привычные просторы.
Я не спешу вливаться в этот спор –
В нем доводы окажутся забыты.
Отвечу просто: я люблю простор,
Ведь в нем живешь свободным
и открытым.
С ветрами шумными и криком
птичьих стай
Мне дороги таинственные дали.
И если я покину этот край,
То полюбить другой смогу едва ли.

Журавли

Улетают на юг журавли,
Видя осени грустные лики,
И плывут по туманной дали
Их печальные, звучные крики.
Как трубят на просторах небес
Эти птицы в порыве едином!
И любуются поле и лес
Журавлиным растянутым клином.
Как нужны они там, в облаках,
Украшенье картины осенней!
Не случайно воспели в стихах
Их поэты Рубцов и Есенин.
Не с того ли так хочется мне
Воедино с природою слиться:
Путешествовать там, в вышине,
Доверяя прославленным птицам?
Посмотреть на красоты земли...
Ну а я, зачарованный глушью,
Лишь смотрю, как летят журавли,
Будоража бродячую душу.

В тумане

На этом озере зимой не будет льда.
От берега отчалишь утром рано –
Вода и небо, небо и вода
Под пеленой холодного тумана.
В погоде штиль.
Выходим на простор.
Исчезли огоньки и ориентиры,
И лишь ревет на катере мотор,
Тревожа тишь затерянного мира.
В мороз туман клубится даже днем –
Антропогенный здесь
вмешался фактор:
Своим теплом огромный водоем
Согрел могучий атомный реактор.
Сместился годовой природный круг,
Ведем учет уже вторые сутки:
Который год, забыв пути на юг,
Зимуют здесь отъевшиеся утки.
То за кормой, то где-то вдалеке
Утиные взлетают с шумом стаи.
Проходит миг – и в белом молоке,
Как в никуда, бесследно исчезают.
И думал я, смотря по сторонам,
Что в жизни есть подобные минуты,
Когда вокруг спускается туман
И путь вперед завесою окутан.
Когда искать по новой нужно нить,
Соленым, горьким обливаясь потом.
Ведь жизнь – не катер, в ней не
подключить
Сигнал со спутников, радар
и эхолоты.
На что надеяться в дальнейшие года?
Что не собьюсь в пути – и не устану.
Ведь было все: и небо, и вода,
И катер под завесою тумана.

Месяц

Сумерки сгущаются...
Вижу я в окне:
Месяц нарождается
В зимней полутьме.
Среди звезд и холода
Остриями вниз
Тонкий серп из золота
Над землей повис.

Над полями, спящими
Крепким снежным сном,
Над лесною чащею,
Речкой подо льдом.

Ночь стоит морозная,
На душе покой:
Вижу небо звездное
Я перед собой.

Худо забывается,
Радость впереди –
Месяц зарождается
На моем пути.

Среди звезд и холода
Он приснится мне –
Тонкий серп из золота
В зимней тишине.

Весна в Заволжье

Что в Заволжье весною бывает?
Чуть колышется воздух вдали,
Над озерами утки летают,
И танцуют в полях журавли.
Жаворонки поют неустанно,
Отливают ручьи серебром,
И пылают степные тюльпаны
Красно-желтым душистым ковром.
Кувыркается чибис над пашней,
Рыжий суслик глядит из норы.
Каждый день не похож на вчерашний
У короткой весенней поры,
Той, что манит и тянет куда-то,
К первым листьям у ив, тополей,
К незабвенным степным ароматам
Свежих трав и озимых полей.
Мне красоты весны будут сниться...
Одного лишь не смог я узнать:
Как же ей не спеша насладиться
И в природе побольше застать?
Как успеть? Я искать не устану:
Сердцу дороги степи вдали,
Где ковром полыхают тюльпаны
И кричат на полях журавли.

Продолжение следует

«ИЗ ПЕСЕН УХОДИТ ГЛАВНОЕ – МЕЛОДИЯ»

Так считает Раймонд Паулс, самый известный прибалтийский композитор

МИХАИЛ ЗАХАРЧУК

Композитор Раймонд Паулс на творческом вечере «Святая к музыке любовь», посвященном празднованию его 80-летнего юбилея в Москве 26 февраля 2016 года

Можно смело утверждать: в конце 70-х – начале 80-х в СССР не было композитора популярнее Паулса. Одних песен Раймонд Вольдемарович написал около трех сотен. А еще – 34 инструментальные композиции, 2 балета, 10 мюзиклов, озвучил 44 театральные постановки, написал музыку к 57 фильмам, сам сыграл роли пианистов в двух кинокартинах, а в двух других – камео, то есть изобразил самого себя.

С ним за честь почитали работать такие известные поэты, как М. Танич, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, А. Дементьев, Р. Гамзатов, И. Шаферан, Р. Рождественский и, конечно же, Илья Резник. Песни Паулса пели А. Пугачева, В. Леонтьев, Л. Долина, Р. Ибрагимов, Л. Мондрус, Э. Пьеха, С. Ротару, Н. Гнатюк, А. Малинин, А. Миронов, Т. Буланова и многие другие известные исполнители.

В былые времена мы встречались часто. Любил я слушать Раймонда Вольдемаровича. Говорит он обычно негромко, с какой-то подкупающей искренностью, которая всегда меня и умиляла, и покоряла. Много видел я на своем веку знаменитостей. Но с такой естественной открытостью, добротой и сердечностью встречался нечасто. Время от времени, испытывая затруднение с русским языком, он как бы помогает себе жестами. Я всегда любил смотреть на руки маэстро – крепкие, жилистые, а ладони всегда сухие. Наверное, такие были и у его отца Вольдемара, рабочего-стеклодува из рижского предместья Ильгюциеме. Пристрастия к музыке мастер не испытывал, если не сказать, что был к ней равнодушен. А вот мать, Алма-Матильда, и сама пела, и других слушать любила. Когда Раймонду исполнилось четыре года, она уговорила супруга по сходной цене купить сынишке старенькое пианино. Понимала, материнским сердцем чувствовала: у мальчика музыкальный дар.

Так что в решающей степени родителям композитора мы обязаны тем, что можем сейчас слушать столь великолепную музыку.

Сам Раймонд особым прилежанием в детстве не отличался, и как только контроль за ним ослабевал, будущий пианист-виртуоз и композитор отдавался играм, ничего общего не имевшим с музыкальными. В детской музыкальной школе он был вроде футбольного мяча. Его перекидывали от одного педагога к другому, и все учителя скопом полагали, что мальчишка – ленивая бездарь, из которой ничего путного никогда не получится. Поэтому величайшим благом для Раймонда оказалась встреча с Ольгой Борисовной Боровской, сумевшей и понять ученика, и помочь ему раскрыть собственный дремавший талант.

Одновременно с общеобразовательной десятилеткой Раймонд окончил и десятилетку музыкальную. В 1953 году поступил в Латвийскую государственную консерваторию имени Язела Витолы. И здесь занимался не особенно прилежно. Больше увлекался «живым исполнительством» в домах культуры, в других увеселительных заведениях. Исполнял в основном джазовые композиции и постепенно приобрел в республике большой круг почитателей. Сочинительством тогда он вовсе не занимался. При всем том Раймонд умудрялся числиться одним из первых учеников в консерватории благодаря потрясающей виртуозности игры на инструменте. Профессор Герман Браун имел все основания гордиться своим воспитанником, который на государственных экзаменах играл «Рапсодию на темы Паганини» Рахманинова и «Полонез ля мажор» Шопена. Такие сочинения, из-за их сложности, на экзаменах никогда не играются – от греха подальше.

Раймонд получил самый высокий балл за исполнение концертной программы соло и такую же оценку за игру в камерном ансамбле.

Две страсти – к классической и легкой музыке – прекрасно уживались в молодой энергичной натуре юноши.

С дипломом выпускника консерватории Раймонд Паулс становится сначала пианистом, а потом и музыкальным руководителем Рижского эстрадного оркестра – джаз на какое-то время все же отодвинул серьезную музыку на второй план. Хотя, как сказать. Новый руководитель музыкального коллектива много ездит по республике, изучает и собирает фольклорный материал и на его основе пишет специальную музыкальную программу для своего оркестра. Успех ее превзошел самые смелые ожидания. Латышские газеты восторженно писали: «Великолепно показал себя инструментальный секстет, составленный из лучших музыкантов Рижского эстрадного оркестра. Прежде всего, следует отметить пианиста Раймонда Паулса, первоклассного, виртуозного музыканта».

Кстати, именно в то время Раймонд написал песни «Синий лен» и «Озерный край». Ансамбль исполнял их вместе с «Оружьем на солнце сверкая», «Местечко Каммрен», «Рижские парни ладили мост» – популярными песнями латышских стрелков в новой аранжировке Паулса.

А потом наступила большая пауза. Композитор вместе с поэтом и большим другом Янисом Петерсом сочиняли одну за другой песни, однако исполнялись они только в пределах республики. В наших беседах Паулс сам признавался, что тем его песням не хватало вечно неуловимого «чуть-чуть», способного сделать хорошую песню достоянием всесоюзной аудитории. И вот, наконец, такая песня появилась – «Листья желтые».

Раймонд Вольдемарович вспоминал: «Когда мы записывали эту песню, музыканты улыбались – она им показалась слишком простой. Если откровенно, я и сам не был в восторге от нее. Неожиданно бурное ее признание меня даже несколько удивило и озадачило. Все потому, что в те времена я был лишь на ближних подступах к массовой песне и многие ее законы понимал весьма поверхностно. Сегодня, кстати, создать популярную песню гораздо сложнее, чем, скажем, 20–30 лет назад. Многое изменилось в музыкальном мире. Техника и электроника позволяют людям слушать в любой момент любого исполнителя. Но, заметь, современных песен люди почти не поют при застолье. Нечего петь. Из песен уходит главное – мелодия. Она – главное в музыке.

Есть песни как бы на все времена. Сюда в первую очередь я бы отнес песни военных лет. В них присутствует что-то магнетическое, душевно-взрывное. К таким песням принадлежит «Темная ночь» Никиты Богословского, другие из этого ряда. Особое время и особые песни рождает.

Что касается извечного антагонизма между классической и эстрадной музыкой, то лично я не верю, что человек, по-настоящему любящий, к примеру, классическую музыку, не оценит по достоинству талантливо сделанную вещь в ином жанре. Давно наблюдаю, работая с детским хором, как входят в музыку дети. Как они органично воспринимают и классику, и эстраду. Антагонизируют обычно бездарность и талант, истинное и подельное, высокопрофессиональное и дилетантское. Между прочим, мне в студенческие годы за джазовые композиции не раз грозили исключением из консерватории. Мы тогда до хрипоты спорили со старшими товарищами, доказывая право новой музыки на жизнь. Сегодня же, встав у руля музыкальной жизни, наше, диссидентствующее поколение, казалось бы, должно было бы открыть зеленую улицу всему новому, но, увы, повзрослев и даже постарев, мы так же категорично отвергаем новомодные музыкальные молодежные течения. К примеру, тот же рок, его разновидности».

Много раз я встречался с Раймондом Паулсом, еще больше опубликовал о нем материалов, интервью в советской печати. Что меня всегда в нем поражало, так это поразительная его простота и безыскусственность. Не помню случая, чтобы Раймонд Вольдемарович кому-то из нашей журналистской братии отказал в интервью. Никто и никогда не упрекнет его в звездной заносчивости, творческом высокомерии. И пожалуй, никто от него не уходил без скромного сувенирчика на память.

А чего стоят его подкупающие, воистину мужские качества: честность, порядочность и удивительная откровенность: «Никогда я не скрываю того, что в свое время чуть не стал алкоголиком. Даже если одному человеку на свете мой пример пойдет на пользу, и то благо. Я не только тебе – всем журналистам рассказываю о том, что в моей жизни был такой период, когда спиртное чуть меня не угробило. И тут судьба послала мне необыкновенную женщину Светлану Епифанову (больше известную как моя жена Лана Паулс), которая, поверив много лет назад в меня как в музыканта и человека, сумела помочь мне навсегда завязать с выпивкой. Так что далеко не случайно я посвятил ей многие свои мелодии. Видит Бог: без нее и их не случилось бы. Лана в буквальном смысле слова удержала меня на самом краю. Мы познакомились в Одессе, где я был на очередных гастролях. Ввернувшись в Ригу, написал ей письмо, впрочем, без особой надежды на ответ. К моему удивлению, Лана приехала в Ригу. Однако, насмотревшись на мою “богемную” жизнь, быстро возвратилась в Одессу. Но, видно, в душе ее уже шевельнулись ко мне какие-то чувства, может, и не любви вовсе, а так – жалости, сострадания. Короче, Лана приехала вновь и, несмотря на более чем прохладный прием моих родителей, осталась со мной. То, что я пил по-черному, да еще и девушку привел из другого города, сразило их окончательно. Нам пришлось уйти из родительского дома и скитаться по съемным квартирам. Спустя какое-то время мы разменяли одесское жилье Ланы на крошечную халупу в Риге с громадной доплатой, которую внесли ее родители. Жили буквально впроголодь. Я почти все пропивал. Лана мужественно сносила эту беду, только заклинала меня начать лечение. Помогали ей наставлять меня на путь истинный мой ангел-хранитель Герман Браун, заместитель директора филармонии Иосиф Пастернак, его жена, известная у нас актриса Лидия Фреймане. Кстати, именно они и отвезли меня на своем стареньком “Москвиче” в лечебницу, которая располагалась в городке Олайне. Там я встретил очень много интересных, если не сказать уникальных в республике людей. Беда только в том, что я оказался тогда единственным человеком, который вышел из клиники и никогда более в нее не возвратился…

Лечение, конечно, дело хорошее, и я всем советую брать с меня пример, но, если бы я сам себе жестко не приказал не брать в рот ни капли, ничего бы не получилось.

Музыкой, кстати, я тоже лечился. Работал как вол, тщательно избегая всяческих компаний с возлияниями. А через какое-то время все в организме, а главное, в душе моей успокоилось. Я перестал бояться искушений, поверил в себя, в свою силу воли. Взял, да и курить бросил.

Просто загасил последнюю сигарету и все».

А вот интересно: скольким певцам, выражаясь журналистским штампом-клише, Раймонд Паулс дал путевку в жизнь?

«Честно говоря, не знаю. Не веду подобной бухгалтерии. Даже не скажу, сколько песен и мелодий сам написал – не считал. Но песенный конкурс в Юрмале – это, конечно, моя придумка. Вместе с еще Центральным телевидением СССР мы создали оргкомитет. Моим главным аргументом в борьбе с советскими чиновниками от культуры было утверждение: если в Сопоте можно проводить конкурсы, то почему их нельзя проводить в Юрмале? В конце концов, у нас есть море, есть зал и есть хорошие исполнители. Так Латвия в свое время дала Союзу Вайкуле и Бумбиере, Лапченка и Родриго Фоминса, Вилцане и Гринберга. Юрмала "зажгла" Малинина, Леонтьева…

Раймонд Паулс с юными поклонниками

Все перемены в политике, в экономике, культуре принимаю как данность. К той нашей прошлой жизни отношусь с уважением и пониманием. В нынешней мне не все понятно. Трудно бывает объяснить, почему нас лишили живого общения. В одно время Виктор Вуячич зажегся было идеей собрать на сцене всех народных артистов из эстрадного цеха. Если бы меня пригласили на такой концерт, поехал бы не раздумывая».

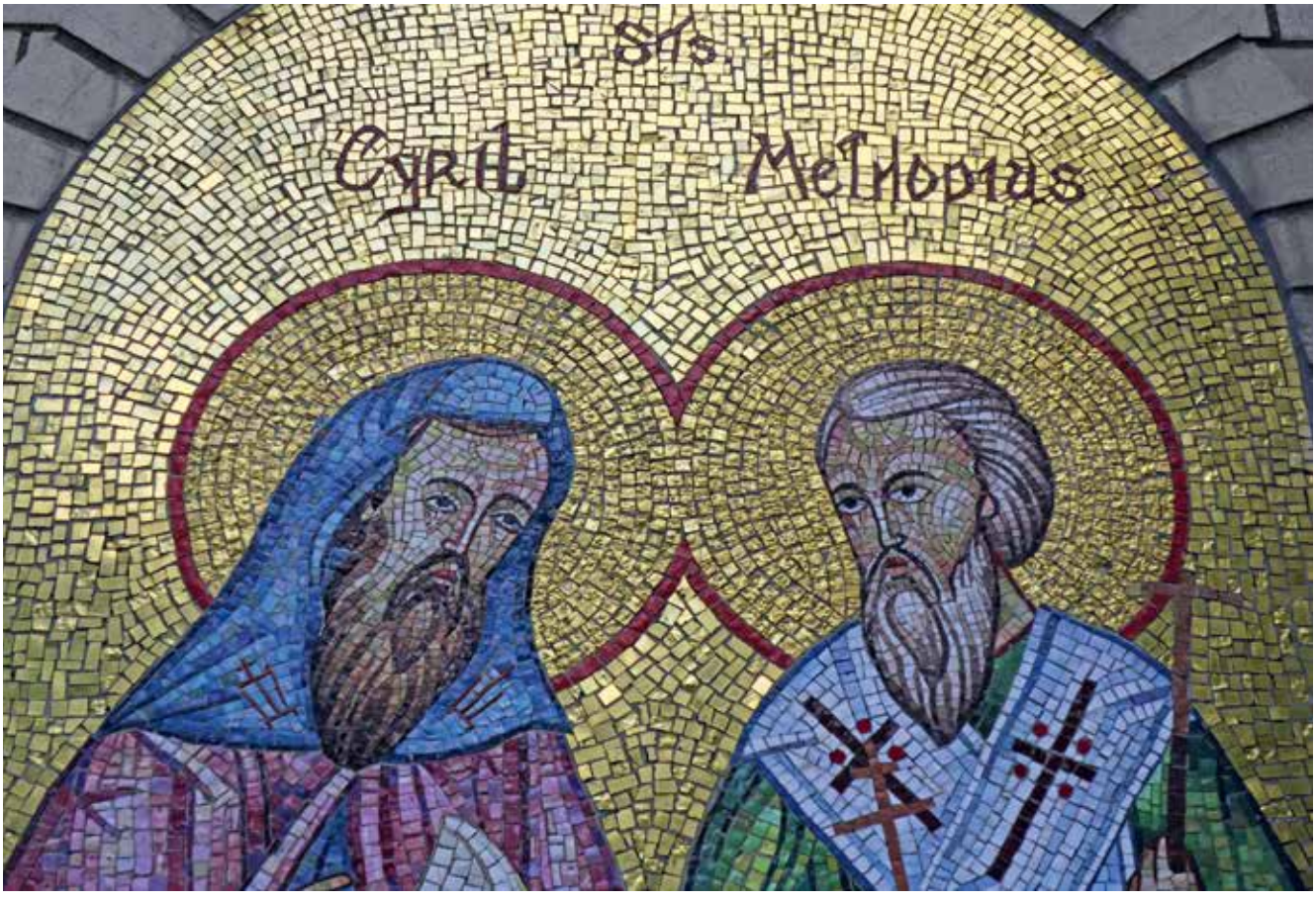
Большие таланты в музыке всегда уникальны и неповторимы. Но есть одна великая объединяющая их вещь – мелодия. Творцы эти никогда музыку не сочиняли, а именно творили ее душой и сердцем. И Паулс, у которого всегда господствует мелодия в произведениях, из их когорты. Такому пять, десять консерваторий не научат. Это – дар Божий. Достаточно вспомнить хотя бы главные музыкальные темы, которые Паулс написал к фильму «Театр», к телефильму «Долгая дорога в дюнах». Казалось бы, почти симфонические сочинения, а их под настроение можно запросто напевать и даже высвистывать. Для меня лично музыка Паулса, как универсальное лекарство – от всех душевных болячек помогает безотказно.

У латвийского советского композитора Раймонда Вольдемаровича Паулса множество разных наград и званий. Он народный артист Советского Союза и Латвийской ССР, лауреат нескольких республиканских премий и премии Ленинского комсомола, командор ордена Трех звезд Латвии, рыцарь ордена Полярной звезды Швеции и кавалер орденов Почета России и Армении. Паулс обладатель нескольких международных почетных призов и премий за заслуги в мировом музыкальном искусстве, избран почетным членом Академии наук Латвии и почетным гражданином Юрмалы. Был министром культуры и даже на пост президента Латвии избирался. Но, главное, с неизбывной любовью мы слушаем и слушаем его неповторимую, замечательную, добрую, исключительно мелодичную музыку.

ОТ МОРАВСКОЙ МИССИИ ДО ЛАДОЖСКОЙ ТОПИ

Память святых Севера, Балтики и славянского мира

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
священник, доктор богословия



Фрагмент мозаики с изображением святых Кирилла и Мефодия в церкви Святой Марии в Марблхеде, США

Святость не знает современных границ и не подчиняется логике имперских завоеваний. От моравских полей до ладожских болот, от княжеского меча до монашеского куколя – славянский и балтийский Север созидался не границами империй, а невидимой коммуникацией благодати, бережно хранящей свой духовный дом от внешней унификации.

Истоки и методология: поместный принцип и память Просветителей

В 1453 году пал Константинополь. Государственность Византии была упразднена, но Османская империя в определенном смысле стала ее преемницей. Не желая, а возможно, и не умея управлять православными непосредственно, султаны поставили Константинопольского патриарха во главе православных христиан империи. Патриарх получил значительную реальную власть над своей паствой.

Парадоксальным образом то, что должно было объединять православных, со временем стало одним из источников центробежных сил.

Православные народы, не принадлежавшие к греческому этносу,

постепенно почувствовали себя зависимыми от греческого церковного центра и начали эмансипироваться. Так начался длительный процесс превращения Православия в своего рода конфедерацию национальных Церквей. Он не завершился и по сей день.

В этом есть что-то закономерное. Православие возвращается к своей древней структуре: множеству поместных Церквей – больших и малых, связанных между собой не единой административной системой, а общностью веры и таинств.

Эта система внешне порой напоминает даже англиканское сообщество или ООН: совокупность самостоятельных субъектов, объединенных общностью, которая не предполагает единого центра управления.

Теоретически этот процесс мог бы привести к тому, что число православных Церквей приблизилось бы к числу существующих государств, но этого не произошло. И именно здесь обнаруживается граница между национальным принципом организации Церкви и самой природой Православия.

XIX век стал эпохой национализма, а в славянском мире – эпохой панславизма. Панславизм исходил из представления о том, что русские, болгары, сербы, чехи, словаки, хорваты, поляки и другие славянские народы, несмотря на разделяющие их государственные границы, принадлежат к единой историко-культурной семье.

В Праге эта идея проявилась в Славянском съезде 1848 года, где представители разных славянских народов попытались представить их как единую политико-культурную общность. В России панславизм приобрел геополитический оттенок: Россия воспринималась как естественный центр и защитница православных славян.

На этом фоне память Кирилла и Мефодия приобретала значение гораздо большее, чем просто церковный праздник. Два святых становились символами общего происхождения славянской христианской культуры – фигурами, вокруг которых могли соединиться народы, разделенные политическими интересами и церковной историей. Этот культурный импульс со временем выходил за узкоэтнические рамки, обращаясь и к балтийскому ареалу, исторически связанному со славянскими землями общими древнейшими корнями, создавая пространство для глубокого диалога и дружбы добрососедских народов.

Именно в эту эпоху болгарская община Константинополя установила общий праздник Кирилла и Мефодия – 24 (11) мая, в день основания самого Константинополя. В непосредственной близости от Вселенской патриархии болгарская община утверждала собственную славянскую церковную память и тем самым – самостоятельность славянской православной традиции.

Жертвенный архетип: чешские земли и тайна кротости

Но здесь возникает исторический парадокс. Кирилл и Мефодий проявили себя не в Болгарии, а в Моравии. Именно там была предпринята их великая попытка создать славянскую христианскую культуру, перевести богослужение на язык славян и дать им собственную письменную традицию. Однако в самой Моравии их наследие со временем почти исчезло из живой памяти, вытесненное иными историческими и церковными традициями.

Приблизиться к этому утраченному наследию можно не только через тексты, но и через память о святых тех земель, где пустила корни кирилло-мефодиевская традиция.

Когда мы говорим о Моравии и Чехии IX века, не следует переносить на тот мир современную политическую карту. Тогда существовали Моравия, Богемия и другие славянские земли, тесно связанные между собой политическими союзами, династическими браками и общей культурной средой.

С Великой Моравией – центром миссии Солунских братьев – были тесно сплетены земли Богемии. Именно оттуда вышла династическая линия, к которой принадлежали князь Борживой, его супруга Людмила и их внук Вячеслав (Вацлав). Согласно церковному преданию, Борживой и Людмила приняли крещение непосредственно от святого Мефодия, первого славянского архиепископа Моравии.

Благодаря этому событию моравская миссия оказывается напрямую связанной с историей раннего христианства в Богемии. Людмила – не случайная чешская святая, явившаяся на периферии славянского мира. В ее судьбе и духовном облике сохраняется живое, непрерывное преемство той традиции, которую заложили равноапостольные просветители.

Память святой княгини Людмилы Богемской (ок. 860–921) православная Церковь совершает 29 (16) сентября, в предпоследний день первого осеннего месяца. Ее жизнь – одно из тех драгоценных звеньев, через которые раскрывается типология всей славянской и соседствующей с ней балтийской святости.

Если сопоставить чешскую историю с последующими судьбами восточного славянства, открываются глубокие параллели. Святая Ольга Киевская была моложе Людмилы примерно на полвека. Внуком Ольги станет креститель Руси святой князь Владимир, а правнуками – Борис и Глеб.

Но при сходстве миссий разница между двумя княгинями очевидна:

Ольга закончила свои дни мирно и была прославлена как равноапостольная, Людмила же пала от рук язычников и вошла в сонм мучеников.

Эта жертвенная линия нашла продолжение и в ее внуке – святом князе Вячеславе Чешском. Воспитанный бабушкой в христианской вере, он столкнулся с нелегким правлением, хотя и был искренне любим народом. Узнав о готовящемся заговоре и неизбежности гибели, Вячеслав не поднял меч и не бежал. Он добровольно вышел навстречу заговорщикам к дверям храма – к месту своей личной Голгофы.

Спустя десятилетия этот же духовный опыт повторится на Руси: святые братья Борис и Глеб предпочтут быть «убитыми добровольно», чтобы не прибегать к насилию. В этот же молитвенный сонм мученичества встанут со временем и Виленские святые – Антоний, Иоанн и Евстафий, отдавшие жизни в XIV веке на землях Литвы. Все они – чешский князь, киевские страстотерпцы, литовские мученики – явили единую духовную интуицию: верность Христу и кроткое неприятие насилия выше любой политической целесообразности.

Экзистенциальная глубина этого подвига кроткой жертвы оставила неизгладимый след в европейской культуре. Спустя века этот трагический архетип эхом отозвался в творчестве уроженца Праги Франца Кафки (1883–1924) – в финале его романа «Процесс», где убийцы буквально заколют главного героя, словно жертвенного агнца.

В судьбах святой Людмилы, князя Вячеслава и страстотерпцев Бориса и Глеба славянская святость явила себя через кроткий отказ от насилия. Однако на крайнем северо-западе славяно-балтийского мира история поставила иной вопрос: как уберечь сам этот духовный корень от полного уничтожения? В XIII веке германская и скандинавская экспансия двигалась на восток под знаменем жесткой унификации. Защита этих рубежей князем Александром Невским не была имперским завоеванием – у удельного Новгорода не было амбиций строительства империи. Это был заслон, берегущий тот самый единый славянский дом, чье молитвенное основание закладывалось в Моравии и Богемии. Однако то, как этот образ защитника был осмыслен впредь, стало уникальной страницей истории…

От защиты дома к имперскому апофеозу: трансфигурация Александра Невского

12 сентября Русская Церковь празднует перенесение мощей святого Александра Невского (1221–1263) из Владимира в Санкт-Петербург. Это событие затянулось во времени.

30 августа 1721 года (12 сентября по новому стилю) Петр I наконец-то победил Швецию в долгой и изнурительной войне. В этот день был заключен Ништадтский мир. Спустя два года началось перенесение мощей, которое завершилось в 1724 году – они были положены в Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Подобно самому Санкт-Петербургу, этот монастырь был только что основан и отстроен, и ему было суждено стать культурообразующим центром, местом просвещения и евангелизации будущей имперской столицы.

Перенесению мощей предшествовали кардинальные преобразования: 14 (25) февраля 1721 года произошло упразднение патриаршества и на смену единовластному управлению пришло коллективное – Святейший Синод. Этим шагом Петр I стремился обезопасить церковное управление от вмешательства греческих патриархов и избежать повторения глубокого кризиса, последовавшего за низложением патриарха Никона в 1666 году.

Вскоре после заключения мира, 2 ноября 1721 года, Петр провозгласил себя императором и «отцом отечества». Таким образом, провозглашение России империей, церковная реформа и «великое паломничество» мощей святого Александра по земному отечеству оказались тесно сплетены. Выбрав князя Александра Невского небесным покровителем, защитником и исповедником Руси, Петр предначертал ему стать духовным патриархом Русской Церкви на два столетия – пока основанная им империя не будет сокрушена воинствующими атеистическими большевиками.

Те, кто был во Владимире и посещал знаменитый Успенский собор, воочию убедились, что там покоится много святых князей. Но именно Александру было суждено стать титульным покровителем нового государства, которое образовалось в результате цивилизационной экспансии и военных побед. История христианской Церкви и история святости еще не знала такого радикального и грандиозного примера посмертной трансфигурации образа первоначальной святости.

Из правителя, который правил довольно долго (с 1249 по 1263 год был великим князем Киевским и Владимирским), но прожил очень мало, всего 42 года, Александр превращался в символ политического успеха и покровителя могучего государства.

Из дипломата и последовательного сторонника мира с Монгольской империей ценой компромиссов он должен был стать образом непреклонного правителя с железной волей; из страстотерпца (ведь есть версия, что князь был отравлен медленно действующим

ядом на обратном пути из Орды), то есть из «Бориса и Глеба» своего времени, он становился победителем; из послушного Церкви «князя-инока» (ведь первым чудом Александра стала протянутая им во гробе рука за разрешительной молитвой от митрополита) делался игуменом главного монастыря имперской столицы и духовным отцом Российской империи.

Сие совершилось, и ни у кого никогда не было ощущения какого-либо зазора или несоответствия между первоначальным образом и обретенным апофеозом прославления в святости. И это органичное преодоление разительной асимметрии между историческим князем и его имперским ликом – безусловно, великое чудо святого Александра.

Парадокс северно-славянской святости заключается в том, что она никогда не удерживается долго на вершинах государственного триумфа. Меч Александра Невского, положенный Петром I в основу имперской символики, в реальности выковывался не в пышных дворцах, а на тех же озерно-лесных рубежах, где духовное освоение земли требовало не военного триумфа, а тихой монашеской работы. Прямым продолжением этой линии на Севере стал XVI век – эпоха, когда границы между царской купелью и болотной топью оказались разделены лишь несколькими шагами…

Святой Благоверный великий князь Александр Невский. Икона XIX века в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, Санкт-Петербург

На краю миров: подвиг и уязвимость Адриана Ондрусовского

В начале второй недели сентября Русская Церковь совершает память преподобномученика Адриана Ондрусовского – святого, чей жизненный путь оборвался трагедией, характерной для многих русских подвижников: он стал мучеником «от своих».

Преподобный Адриан Ондрусовский (в миру Андрей Завалишин; † 1550) – основатель Ондрусовской Николаевской пустыни на восточном берегу Ладожского озера. Память святого совершается 30 мая (12 июня), в день обретения нетленных мощей, и 26 августа (8 сентября) – в день его небесного покровителя мученика Адриана Никомидийского.

Наши сведения о святом Адриане складываются из двух составляющих: жития, которое, подобно иконе или стихотворению, не только допускает, но и обязывает к истолкованию, и исторических, в данном случае даже краеведческих данных.

Эпоха, в которую жил и действовал Адриан Ондрусовский (первая половина XVI века), – это время глобальных сдвигов. Он был современником Мартина Лютера (1483–1546), Игнатия Лойолы (1491–1556) и Тридентского собора (1545–1563), когда Европа переосмысливала основы веры

Святой Адриан Ондрусовский

и институтов церкви. В России же это была эпоха Ивана IV Грозного (1530–1584, царь с 1547 года) – время жесткой государственнической централизации, смуты боярского правления и начала территориальной экспансии.

При этом Адриан жил и подвизался на севере, на пересечении озерных и морских путей, а значит, духовно и географически был вовсе не так далек от Запада и его исторического нерва, как это может казаться из Москвы.

Согласно житию, Андрей Завалишин происходил из московских бояр и владел имением на севере. Во время охоты он случайно наткнулся на уединенную келью преподобного Александра Свирского (1448–1533). Эта встреча изменила его жизнь.

Сегодня сказали бы, что он стал спонсором святого, однако на языке Церкви для этого есть более точные понятия – благодетель, или ктитор. Но в отличие от современных меценатов, которые, помогая церковным проектам, иногда рассчитывают купить себе своего рода индульгенцию (увы, это понятие универсально для человеческой природы), Андрей пережил это благотворительство лишь как первый шаг к собственному покаянию.

Вскоре он полностью раздал имущество, отпустил слуг и принял монашеский постриг на Валааме с именем Адриан. Впоследствии святой основал собственную обитель на уединенном Ондрусовском полуострове. Здесь духовно-символический пласт жития переплетается с документально зафиксированной историей.

В 1549 году игумен Адриан был приглашен в Москву, чтобы стать восприемником (крестным отцом) новорожденной царевны Анны – первенца Ивана Грозного. Однако приближение к царскому трону стало для него началом пути на Голгофу.

На обратном пути из столицы в обитель неподалеку от деревни Яндеба святого поджидали местные крестьяне. Поддавшись слухам, они были уверены, что игумен везет с собой богатые царские дары.

Эта трагедия словно обращает время вспять и напоминает историю преподобного Серафима Саровского (1754–1833), на которого спустя века также нападут грабители в поиске несуществующих денег. Но если Серафима Саровского от смерти уберег Промысл Божий, то святой Адриан принял мученический венец, а его тело убийцы скрыли в болоте. Братия монастыря не знала, что с ним произошло.

Спустя два года, 30 мая 1551 года, его мощи были чудесно обретены. Слова «нетленные мощи» здесь не просто почитательная формула. Болото действительно может выступать сильнейшим природным консервантом. Однако знамение кроется уже в том, что местные крестьяне, прекрасно знавшие о таких свойствах природы, не похоронили его и не бросили на съедение зверям, а скрыли в болоте – будто вопреки своей злодейской воле, словно ведомые свыше для сохранения мощей. Через два года, согласно житию, Адриан явился во сне нескольким старцам и указал место,

где находилось тело «в смрадном болоте». На следующий день монахи нашли его под слоем мха. Именно этот весенний день стал праздником обретения мощей, а осеннюю память (8 сентября) позже связали с днем его небесного покровителя.

С именем Адриана связана и другая драматичная история. Обитель стояла в глухих лесах, где хозяйничала разбойничья шайка. Разбойники схватили игумена и вознамерились разорить монастырь.

Со стороны вся жизнь святого могла казаться цепью фатального невезения. Обывателю такой человек легко мог показаться катастрофическим «неудачником» или «терпилой», который постоянно притягивает беды.

Однако за этим кроется важнейший урок: заповедь «Блаженны кроткие» работает и через способность принимать статус проигравшего. Кротость Адриана настолько потрясла атамана, что тот отступил и раскаялся. Позже, когда сам атаман попал в плен к соперникам, Адриан явился ему в молитвенном видении так же, как Сам Иисус по Воскресении действовал вне пространственных преград (Ин. 20:19–26), и вызволил его.

Здесь обнажается глубокий парадокс: крестьяне, убившие Адриана из жадности, тоже считали себя верующими и ходили в храм. Но социальная среда и формальная религиозность часто презирают «неудачников» и жаждут выгоды. Настоящая святость Адриана проявилась в том, что он победил эту жестокую логику мира своей незащищенностью.

Благодать как коммуникация

История преподобного Адриана Ондрусовского – это отрезвляющее напоминание о том, как устроена подлинная святость. Она не имеет ничего общего с комфортным благополучием, популярностью или гарантированной защитой от человеческой жестокости.

Бывший боярский сын, ставший монахом, пройдя путь от уединенной молитвы до царской купели, в глазах современников закончил жизнь как жертва глупого и бессмысленного преступления.

Но именно здесь, в точке абсолютной уязвимости и кажущегося житейского краха, Евангелие побеждает логику силы. Память о святом Адриане, сохранившаяся в преданиях и краеведческой истории Олонецкого края, – это свидетельство о том, что статус «побежденного» в этом мире может оказаться единственной настоящей победой перед Богом.

Житие святой Людмилы Чешской, трансфигурация образа Александра Невского и тихий мученический путь Адриана Ондрусовского подводят нас к важной богословской истине: святость не изобретается человеком и не конструируется государством. Никто не может выстроить или придумать святость для самого себя.

От моравско-богемской миссии IX века через новгородско-владимирские рубежи XIII столетия и до олонецких лесов XVI века разворачивалось единое духовное пространство. В нем еще не существовало современных жестких конфессиональных и национальных разграничений.

Борьба с внешним давлением – будь то франко-германский нажим на наследников Кирилла и Мефодия, рыцарские крестовые походы на Неву или шведско-балтийское присутствие вокруг Ладоги – никогда не была защитой имперских притязаний. Это была защита своего духовного дома, права на собственный язык молитвы и самобытную культуру.

Яркими и неотъемлемыми свидетельствами этой же балтийской святости служат Виленские мученики – Антоний, Иоанн и Евстафий, пострадавшие в XIV веке на землях Литвы за бескомпромиссное исповедание веры, а также благоверный князь Довмонт-Тимофей Псковский (ок. 1240–1299). Уроженец Литвы, бежавший от междоусобиц во Псков и ставший его доблестным защитником, он соединил в своем лике балтийские корни с псковской святостью, став живым воплощением единого духовного ареала.

Примечательно, что икона благоверного князя Довмонта-Тимофея почитается сегодня даже в далеком русском православном храме святых апостолов Петра и Павла в Гонконге. Это удивительное свидетельство обнажает глубинный закон Церкви: даже местная, казалось бы, сугубо локальная святость – славянская, балтийская, северная – в Боге не знает географических, культурных или государственных границ.

Как и вера, из которой она проистекает, эта святость – необъяснимый, абсолютный, безначальный, то есть дословно анархичный (не подчиненный человеческим археправилам) дар божественной благодати.

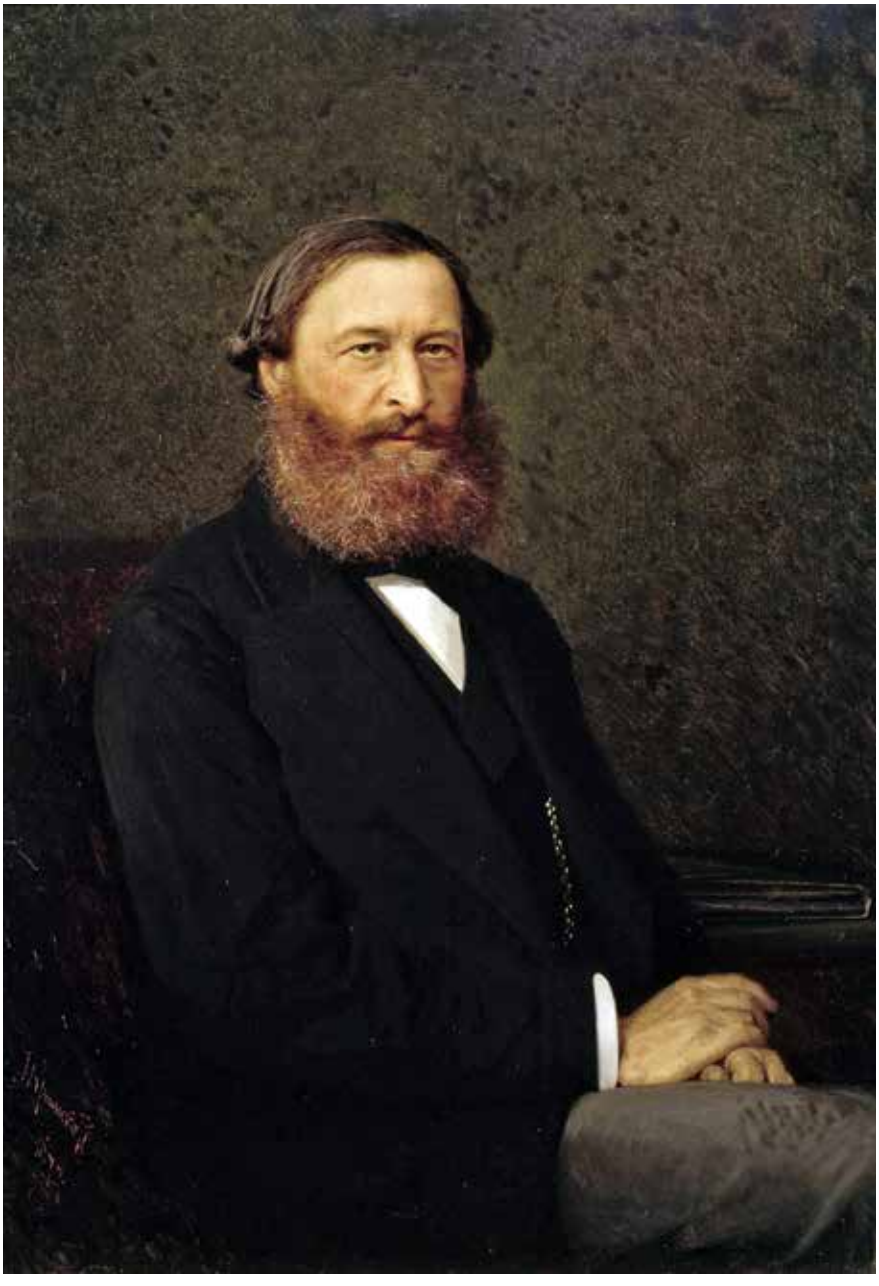
Благодать по своей сути есть коммуникация – связующая нить между Богом и человеком, между эпохами и землями: от Моравии и Богемии через Киев, Вильно, Псков, Новгород и Ладогу с их сонмом почитаемых святых – к нашей сегодняшней памяти.

Святость – это Распятие и Воскресение Иисуса Христа, сообщенные верующим, которых Отец Небесный усыновил, а Сын Божий назвал Своими друзьями и братьями (Ин. 15:15). И памяти святых Людмилы, Александра, Адриана, Виленских мучеников и князя Довмонта-Тимофея – явные свидетельства этой непрерывающейся божественной связи.

ДОЛГОЖДАННОЕ ВОССОЗДАНИЕ ТОПОНИМА

Очень важно не нарушать ауру писательского поселка, чтобы он не только названием соответствовал своей сути

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ



Портрет Юрия Самарина кисти Ивана Крамского. 1878

На карте Москвы появилось новое наименование – городок писателей «Переделкино». Представьте, несколько десятилетий легендарный дачный поселок оставался призраком, такого названия просто не существовало в топонимике. Оно мелькало только в пересудах и воспоминаниях, в воображении, в преданиях – и вот, наконец, узаконено. Быть может, с этой даты, с этой зарубки начнется новая глава в летописи литературного поселка?

Нам кажется, что с каждым годом природа обновляется все быстрее. И рассветы стали поспешнее, и закат приходит, когда мы еще не успели насладиться суматохой дня. Но в каждом человеке живет потребность сохранить самое ценное, что было в минувшем, переплавить опыт в знания и чувства. Для этого нам просто необходимы заповедники памяти. Это помогает прочувствовать суть жизни, ее смысл. Перелистывая историю Переделкина, мы попадаем в хронику времен не столь отдаленных, но переполненных страстями, трудами и вспышками таланта.

Идея создания литературного городка – дачного писательского кооператива – принадлежит Борису Пильняку, его энергичному уму. Тогда, в начале 1930-х, в Подмосковье начали появляться первые ведомственные дачные поселки. Возникла идея жить и отдыхать на подступах к большому и шумному городу. Это особенно важно для людей творческих, чья работа, как

Дом-музей Бориса Пастернака

повелось от века, должна быть несуетной и сосредоточенной.

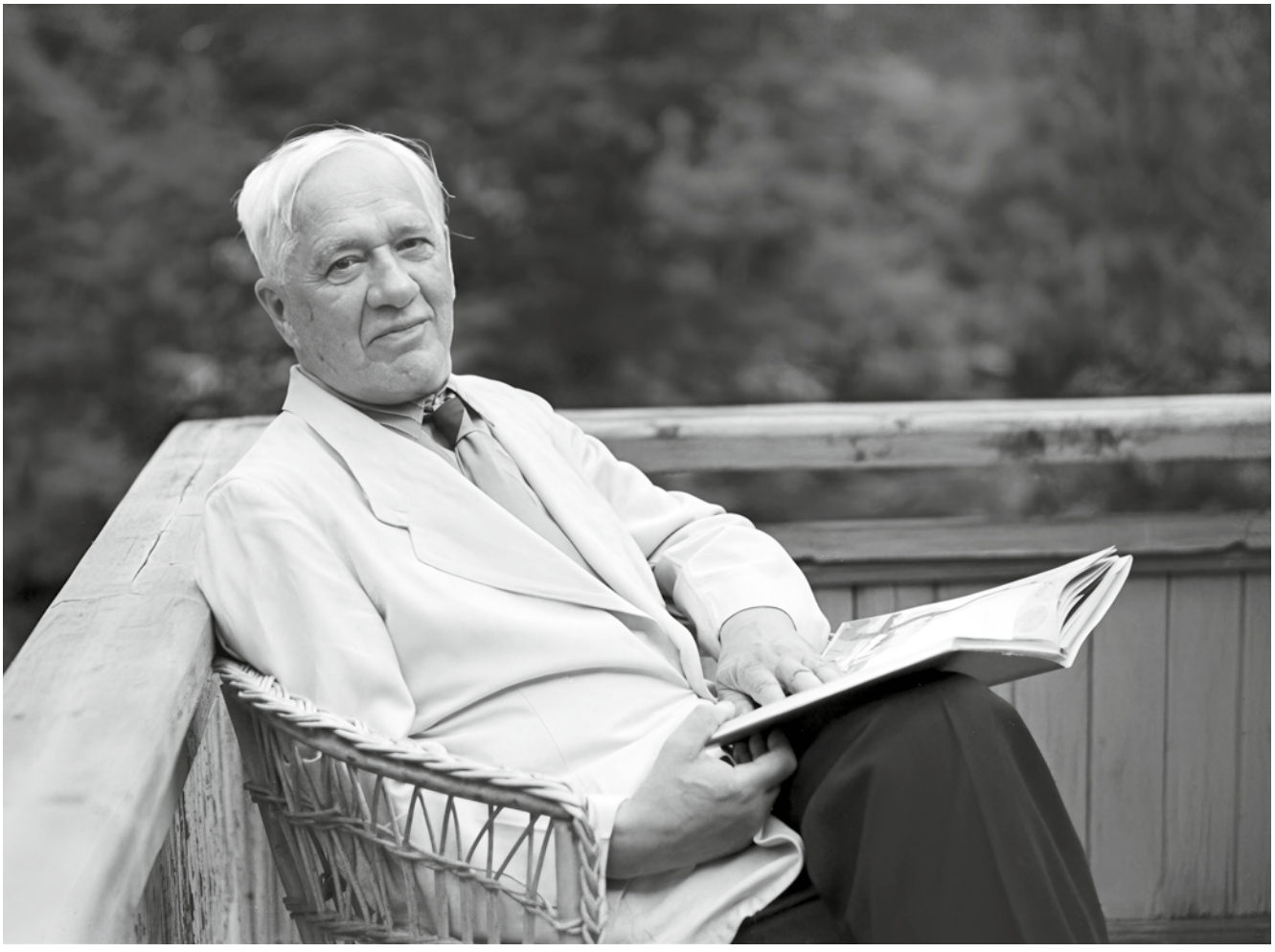
Выбрали место в сосняке, на берегу Сетуни и ее притока – речушки Переделки, которая, скорее всего, и дала имя и близлежащей деревне. С 1820-х годов в этих краях располагалась родовая усадьба графов Самариных – Измалково. И там, и в соседнем селе Лукине проживало немало замечательных людей, но в первую очередь хочется назвать Юрия Федоровича Самарина. Его мы вправе считать первым переделкинским писателем. Во флигеле усадьбы он работал над своей магистерской диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» и над «Запиской об отмене крепостного права в России», которая легла в основу Крестьянской реформы 1861 года. У Бориса Пастернака, который воспевал Переделкино на все лады и с вариациями, есть строки:

Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон,
И славянофил Самарин
Послужил и погребен.

Поэт не вполне точен: погребли Самарина в Свято-Даниловом монастыре, но земля легендами полнится.

История современного Переделкина началась с железной дороги, с пастернаковских «ранних поездов». Неподалеку от Измалкова и Лукина обустроили станцию, которая поначалу называлась блекло: «17-я верста». Потом для станции подобрали более выразительное название – в честь речки и деревушки Переделки. В 1935 году жизнь в окрестностях станции оживилась: там, «на почве болотной и зыбкой», достраивали первые дачи для писателей.

Корней Чуковский – один из тех, кто навсегда прикипел к Переделкину, поначалу так аттестовал поселковую жизнь:



Корней Чуковский на своей даче в Переделкине *Фото Л. Бергольцева. 2 июля 1958 года*

«Тишина абсолютная. Лес. Можно не видеть ни одного человека неделями. Только ремонт сделан кое-как, всюду пахнет скверной масляной краской; денег потребуется уйма».

Так все и начиналось. Восхищала возможность отрешиться от суеты, в то же время оставаясь в лоне литературного сообщества. Ну, а бытовые неурядицы – как же без них? – всегда сходят на нет медленнее, чем нам хотелось бы.

Писательский городок, какие бы пересуды о нем ни появлялись, никогда не походил на номенклатурные поселения с охраной, с высокими непроницаемыми заборами. Там и дороги весной по-деревенски раскисают, и документов ни у кого не проверяют. Господствует деревенский стиль, даром что городские проспекты в двух шагах.

Конечно, попасть в списки арендаторов писательского поселка было делом престижным. Каждый из новоселов Переделкино получал возможность жить просторнее, свободнее. Но несмотря на то что проект писательского городка рассматривался «на самом верху», в первые годы существования поселка быт его обитателей был далек от представлений о комфорте – даже тогдашнем. Дома сдавались, как правило, без водопровода, электричество провели в поселок не сразу, о телефоне можно было только мечтать. Сегодня сохранившиеся финские домики того, первого призыва выглядят музейно. Этим и ценны. Очень важно не нарушать ауру писательского поселка, чтобы он не только названием соответствовал своей сути.

Топонимика – в том числе пригородная, дачная – способна рассказать о многом. Лет двадцать назад, путешествуя по ближнему Подмосковью, можно было подумать, что попал на туманные берега Темзы. Такой образ «мечты» того времени – быть максимально приближенным к британскому или голливудскому образцу. И песни в эфире звучали соответствующие: «Я уеду жить в Лондон», «Она хотела бы жить на Манхеттене». Еще одно поветрие – попытка самоидентификации с чем-то восхитительно

Дом-музей Корнея Чуковского

родовитым и старорежимным, с «боярским двором» и «великокняжеским озером». У этих тенденций есть один изъян: они не связаны с подлинной летописью земли, на которой обосновались. Тем ценнее те наименования, в которых – история, ее поступь, ее фактура. И популярное в последние годы понятие «гений места» здесь весьма кстати. Только в Переделкине не может быть одного «гения». Здесь главный герой – сама литература.

В наше время Переделкино – уголок большой Москвы. Заповедный, притягательный перекресток. Есть банальное выражение – музей под открытым небом. Поселок дышит легендами. Сюда приезжают и экскурсионные группы, и просто паломники – поклониться памяти Бориса Пастернака, Леонида Леонова, Корнея Чуковского, Константина Симонова, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского… Строки каждого из них растворены в переделкинском небе. Именно с этим и связано притяжение писательского поселка. Ни с чем не сравнимое.

«Мичуринец» – поселок садоводов и ботаников – появился чуть позже писательского поселка, в 1936 году, по соседству, на землях Тимирязевской сельскохозяйственной академии. К литературной жизни, к переделкинской мифологии эта славная история никакого отношения не имеет. Но бюрократически писательский поселок, оставаясь безымянным, до последнего времени входил в пределы «Мичуринца». Сейчас, наконец, этот странный просчет исправлен. Легенда юридически получила имя, которое фактически принадлежит ей от века.

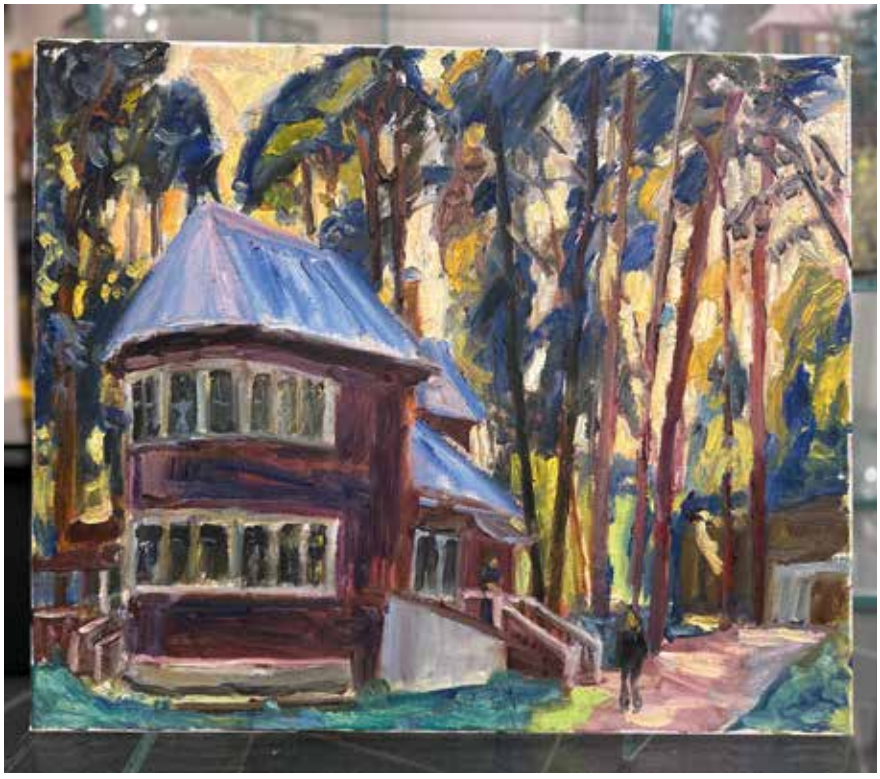
Увы, нам немногое удалось сохранить из старомосковских устоев. Все труднее находить в Белокаменной исторические тропы: слишком быстро развивается город.

А Переделкино и сегодня – писательский поселок. Теперь его «вывеска» соответствует содержанию, а это само по себе благо. И каждому ясно, что литературный поселок иначе называться не может – только Переделкино.

«ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ ПЛЕНЭРЫ» НА ЧИСТЫХ ПРУДАХ

Новая глава в летописи городка писателей, призванная сохранить для истории современный облик домов поселка, которые служили творческими мастерскими для многих выдающихся литераторов

В этом году в Москве в выставочном зале на ул. Жуковского прошла выставка картин, запечатлевших дома литераторов знаменитого городка писателей Переделкино. Вместе с живописными и графическими полотнами зрители увидели подлинные и типовые предметы обихода писательских дач середины XX века, семейные фотографии. По словам организаторов, выставка открыла миры, ранее недоступные для широкого зрителя. Посетители узнали историю поселка, окунулись в атмосферу загородного быта советских классиков, познакомились с нынешними жителями Переделкина.



Экспозицию составили полотна тридцати художников-энтузиастов, созданные в рамках проекта «Переделкинские пленэры». Представленные работы – новая глава в летописи городка писателей, призванная сохранить для истории современный облик домов поселка, которые служили творческими мастерскими для многих выдающихся литераторов.

«Переделкино – это место, где рождались бессмертные произведения, перевернувшие умы миллионов читателей по всему миру: “Доктор Живаго” Бориса Пастернака и трилогия “Прометей” Галины Серебряковой, детские сказки Корнея Чуковского, песни и стихи Булата Окуджавы, военная проза Марка Ефетова. Поэтому можно сказать, что проект “Переделкинские пленэры” – это синтез истории, литературы и изобразительного искусства», – отметили кураторы выставки.

Пленэры в Переделкине стартовали в июне 2025 года и продолжаются до сих пор – проект рассчитан на несколько лет.

В экспозицию вошло порядка пятидесяти работ, знакомящих с одиннадцатью писательскими домами. Среди них – дачи Чингиза Гусейнова, Бориса Вадецкого, Евгения Сидорова, Олега Хлебникова, Анны Саед-Шах, Владимира Еременко, а также дома упомянутых выше классиков.

Кураторы проекта: Игорь Гареев, основатель Дома-музея писательницы Галины Серебряковой, и Ольга Кукина, художник, педагог, участник множества выставок и конкурсов.

Выставка была организована при поддержке Благотворительного фонда возрождения культуры и традиций малых городов Руси.

ПРИШЕЛЕЦ

В пятьдесят он стал народным артистом СССР, сыграв за немыслимо плотные шесть лет все и дальше уже позволяя себе легкие экзерсисы Мастера

ДЕНИС ГОРЕЛОВ

Донатас Банионис мягким, чуть надтреснутым голосом Александра Демьяненко объяснял, как устроен мир (из всех прибалтов один Арнис Лицитис говорил так чисто, что не нуждался в дубляже).

Как нудно и терпеливо работает разведка («Мертвый сезон»).

Как перетягивать на свою сторону Восток, который тебя же в конце и убьет («Жизнь и смерть Фердинанда Люса»).

Как использовать народных героев против национальных движений («Житие и вознесение Юрася Братчика»).

Есть такие инородные дядюшки, которые лучше знают, как все вертится. И поясняют в случае личной симпатии, слегка дивясь неразумию окружающих.

Иногда немцы. Иногда горцы. Иногда евреи. Литовцы вот.

У человека, знающего иной уклад, взгляд объемнее и оптика лучше. И улыбка августа, за которой так охотятся режиссеры медленного кино.

Банионис происходил из твердой красной семьи, осознанно вступил в компартию, а со временем стал членом республиканского ЦК. Быть левым в литовской глуши, где гражданская война отбушевала не в начале 20-х, а в конце 40-х и была на порядок лютее соседних Латвии с Эстонией, – приключение на любителя. Донатас Юозович в интервью о том не распространялся, хотя, видимо, было что порассказать. Знакомый, комсомоливший тогда в западноукраинской Коломые, раз обмолвился, как ходил на службу с автоматом и гранатами. Так что великий эпос «Никто не хотел умирать» – с дырами в стекле, винтовкой у стены и вздрагивающей от близкой пальбы лошадью – снимался совершенно с натуры.

Фильм вывел на общесоюзную орбиту сразу пятерых литовцев: Будрайтиса, Адомайтиса, Масюлиса, Баниониса, Норейку – и эстонца Бруно Оя. Их стали приглашать на роли русских и немцев: высшая ступень карьеры для прибалтийского артиста. Раскинув руки, Банионис стоял в пустой председательской келье у стола со свечой и пистолетом – и тень на стене явно символизировала распятие. Так в те годы снимал один Вайда. Витас Жалакявичюс вместе со своими артистами вышел в классики с одной картины.

Следом уже шел «Мертвый сезон» – самый честный, без поддавков фильм о разведке не только в российском, но и во всем мировом кино. Режиссер Кулиш поначалу утвердил на главную роль Тихонова (дело было до «Семнадцати мгновений»), но прототип героя полковник Молодый пожелал большего внешнего сходства – подошел Банионис. Необходимость посвящать профана-зрителя в тайны шпионских дел разрешилась гениальным ходом: агенту-профессионалу понадобился дилетант. Покуривая, морщась и улыбаясь, он читал новичку азы профессии. Бесил олимпийским спокойствием. Посмеивался над радикальными предложениями.

– А вы на каком фронте служили? – допытывался неофит.

– Я при главном штабе служил, шифровальщиком, – угадывая снисхождение к тыловым, отвечал герой.

– Кто там у вас заправлял?

– Генерал Гальдер. А потом Йодль.

Тыловик всю войну перекладывал бумажки в генштабе Третьего рейха.

Готические, исполинского роста тени европейской культуры стояли за спиной. Кадр делили с Банионисом будущий король Лир Юри Ярвет, будущий Гайдн Бруно Фрейндлих, будущая Мария Стюарт Светлана Коркошко и будущий Базилио Ролан Быков. Да и ему еще предстояло быть Гойей, Бетховеном, Альенде, Тарковским. Тогда-то и пошла череда его эпических притч с восходящими к классицизму длинными названиями: «Гойя, или Тяжкий путь познания», «Житие и вознесение Юрася Братчика», «Жизнь и смерть Фердинанда Люса», «Бегство мистера Мак-Кинли». В трех из четырех Банионис играл заглавные роли. В «Братчике» был отцом-иезуитом, планирующим извести народного героя. В прочих изводили его самого.

Тарковский позвал его в «Солярис» на роль себя: фильм был картиной мира самого автора. Мыслящий океан Солярис – Бог и диалоги с ним («Убрать бога», – гласила резолюция кинокомитета). Призраки близких, снятые с холодным носом только потому, что все дорогие Андрею Арсеньевичу люди были еще живы. Вселенская пустота, где нет ничего, кроме разумной туманности, духов родни и брейгелевских «Охотников». Суетный экипаж, без которого не взлететь,

но который дико надоел болтовней, – явная пародия на съемочную группу. Для главной роли требовался максимально отстраненный и в то же время мягкий артист с христианским долготерпением. Конечно, местный иностранец. Конечно, Баниониc. В финале он блудным сыном стоял на коленях перед Николаем Гринько – точной копией Арсения Александровича Тарковского. Кому попало такое не доверишь.

В пятьдесят он стал народным СССР, сыграв за немыслимо плотные шесть лет все и дальше уже позволяя себе легкие экзерсисы Мастера. В «Приключениях принца Флоризеля» – нового Мориарти, гиперзлодея Клетчатого, от одного портрета которого у бесов кровь цепенеет в жилах. В «Кентаврах» – крестного отца Жалакявичюса – икону левых президента Альенде. Сценарист «Мертвого сезона» и режиссер «Всадника без головы» Вайншток предложил ему скетч из ковбойской жизни «Вооружен и очень опасен», отыгранный на полном серьезе, – представляю, какого труда им с Броневым в шляпах и с кольтами стоило не «расколоться» и не заржать прямо в кадре.

Мудрые, ироничные, пестрые, пошлые 70-е востребовали артистов высокой пробы – носителей «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Их «было много на челне», не меньше дюжины, – и равным на пиру присутствовал артист всемирно известного театра из ничем более не примечательного маленького городка Паневежис, артист, чье недавнее столетие со дня рождения ни для кого в России не было пустым звуком.

У НЕЕ НА УСТАХ ЯДОВИТО-ДЕРЗКАЯ ПРАВДА

Галина Вишневская: «Я хотела быть на сцене лучше всех»

ЮРИЙ КОВАЛЕНКО

Галина Павловна Вишневская в 1998 году

В октябре исполняется 100 лет со дня рождения Галины Вишневской. «У нее всегда на устах ядовито-дерзкая правда», – однажды заметил друг Галины Павловны, знаменитый оперный режиссер Борис Покровский. Именно поэтому брать интервью у Галины Павловны всегда было страшно интересно и одновременно волнительно. Великая артистка никогда не лукавила в ответах, порой нелицеприятно отзывалась о великих мира сего или ставила на место журналиста, который, по ее мнению, задавал дурацкие вопросы.

Мы предлагаем вашему вниманию беседу с легендарной певицей, которая состоялась в ноябре 1997 года в ее парижской квартире, но неизвестно почему затерялась в архивах.

«Почему мне должно быть скучно?»

Юбилейные торжества по случаю 70-летия Мстислава Ростроповича мощно прокатились по всему миру и вылились в яркую манифестацию вселенской любви к маэстро. Чему вы посвящаете время после завершения праздников?

Тому же, что и всегда. Для меня праздники не отличаются от будней. Да и вообще я юбилеи не люблю. Они быстро проходят, а жизнь продолжается… Мы со Славой только что прилетели из Японии – он

играл концерты, а у меня был мастер-класс.

Вы по-прежнему сопровождаете Мстислава Леопольдовича в его мотаниях по белому свету?

Я больше не в состоянии это делать, а Слава не может никак остановиться. Он как аккумулятор. Если машина долго стоит, аккумулятор садится и завести ее потом нельзя. Так и Слава – если останавливается хотя бы на неделю, то вижу, как он погибает, не знает, что с собой делать.

А вам без него не скучно сидеть дома?

Почему мне должно быть скучно? У меня здесь семья – дети и внуки. К тому же я привыкла жить одна. Друзей у меня всегда было мало, потому что я ограничивала себя сценой и семьей.

Вот уже семь лет, как вы перестали выступать. Вам трудно далось расставание с театром?

Абсолютно нет – даже не заметила, как это произошло. Я просто отменила несколько концертов. Пришло время. Ненормально, когда певица уходит в расцвете сил, например, как Мария Каллас, которая потеряла голос и прекратила выступать, когда ей не было и 40. А я ушла в 60 с лишним после того, как пела на профессиональной сцене 45 лет. Это срок.

Мне кажется, что вы оказались невостребованной, как театральная актриса. Вас можно представить в таких ролях, как Екатерина Великая или боярыня Морозова…

Мне самой очень жалко. Если бы я не уехала из России, то перешла бы постепенно на драматическую сцену.

Не превратилось ли возведение Центра оперного пения в Москве на Остоженке, носящего ваше имя, в типичный российский долгострой? (Центр оперного пения Галины Вишневской открылся в Москве в 2002 году. – *Прим. ред.*)

Совсем нет – его строят всего два года. Там тоже есть какие-то проблемы с деньгами. Банк возводит себе дом, а заодно и мою школу. Она уже подведена под крышу. За зиму все оборудуют и, думаю, через год откроют.

Создание этой уникальной школы сегодня дело вашей жизни?

Это моя главная забота, дело совершенно новое. На Западе нет подобной школы оперного пения, в которую могли бы прийти на целый год занятий до выхода на сцену профессионально подготовленные артисты. Впрочем, талантливых можно принимать и без консерватории. Я сама поступила в Большой театр без образования.

Зачем вам эта обуза?

Совсем не обуза. Я хочу успеть передать именно русским певцам то, что умею, а умею многое. Чтобы только хватило у меня на все сил.

Можно ли сегодня говорить о русской оперной школе? В чем ее специфика?

У нас свои большие традиции, связанные прежде всего с репертуаром. Это оперы, как никакие другие, сюжеты которых связаны с историей нашей страны. Имея такой репертуар, русские артисты в каком-то смысле по-другому развиваются. Во всяком случае, развивались. Сейчас же упадок искусства вообще и оперного в частности. Трудно всем живется, артисты разбегаются кто куда может. Им надо жить, кормиться.

«Мой муж подал на развод»

Недавно широко отмечали десятилетие со дня смерти Марии Каллас, которую провозгласили величайший певицей всех времен и народов. Вы разделяете эти восторги? Вы с ней общались?

Я была с ней знакома – не скажу, что дружила. Она жила в Париже от нас через дом, и я наблюдала Марию последние годы ее жизни. Она была очень одинока, редко выходила из дома, потеряла ко всему интерес… Каллас была хорошая актриса, что в те времена на Западе считалось редкостью. Но я в этом не видела ничего удивительного, потому что в России традиция на сцене не только петь, но и быть актерами. Я думаю, что ее славу очень раздули граммофонные фирмы. Для меня певицы высочайшего класса – это Рената Тебальди, Джоан Сазерленд, Леонтина Прайс. У Каллас же было много недостатков в голосе, но на сцене она была личностью.

Почему в некоторых странах, как в Италии, больше всего рождается выдающихся певцов? Это климат, традиции, национальный характер?

Конечно, климат имеет огромное значение. Еще Чайковский писал, что у итальянцев голоса согреты солнцем – очень точное определение. Вы чувствуете в их тембре блеск и тепло. Русские же певцы часто вынуждены из-за нашей погоды петь больными, хрипатыми. Но в России великолепных голосов очень много – не меньше, чем в Италии. Хотя у нас не только климат плохой,

но и порой сказывается на становлении певца недостаток воспитания, общей культуры.

Во Франции сейчас выступает Мариинский театр. Вы ходите слушать соотечественников?

Прошлый раз, когда он приезжал, я слушала «Князя Игоря», меня певцы разочаровали. Я знаю певцов, которые всего три года назад были в очень хорошей форме, но что-то с ними происходит. Наверное, работают на износ. Не могу сказать, сколько ставит Мариинка спектаклей в год, но слишком много. И эти бесконечные, изнурительные выезды и гастроли…

Певец должен себя беречь?

О да! Я никогда не пела много – в Большом театре три спектакля в месяц, а еще репетиции, бесконечные бытовые заботы. Трех выступлений вполне достаточно, тем более за те деньги, что нам тогда платили. На Западе я могла спеть и шесть-восемь партий в месяц, но такое случалось редко, так нельзя. Поэтому я долго выступала.

Из Парижа через телевизионное окошко вы наблюдаете за событиями в России, где сейчас политики и олигархи под и над ковром с помощью долларов и компромата сводят счеты. Вы однажды сказали, что Россия опомнится. Когда же это случится?

Вы хотите, чтобы такая гигантская страна, такой корабль развернулся за одну минуту? Время должно пройти.

Однако «новые русские» появились в одночасье и прекрасно себя чувствуют…

Странно, что их так называют. Это же все наши, русские. Просто богатые – воры, урки, но наши люди. Мы все оттуда, но один крадет, а другой – нет.

Ваши замечательные мемуары «Галина. История жизни» охватывают ваш русский период жизни. Не собираетесь ли их продолжить и написать о жизни на Западе?

Пока нет. Та книга о выстраданном отрезке моей жизни с невероятными событиями, которые не всем на долю выпадают. В моей судьбе такие страшилки были, что никто не поверил бы. У всех волосы на голове дыбом бы встали. Трудно написать книгу о благополучной жизни, которой я живу здесь. Может, еще сочиню, но для этого должно прийти время. Надо, чтобы захотелось.

Вопрос вашего московского поклонника, пожелавшего остаться инкогнито: «Галина Павловна, вы прожили с Мстиславом Леопольдовичем более 40 счастливых лет. Но много лет тому назад "Вечерка" напечатала объявление о вашем разводе. Это была шутка или чуть не случилось непоправимое»?

(Смеется). Непоправимого не произошло раз мы по-прежнему вместе. То был просто глупый порыв, который прошел буквально за пару дней. Разве возможно прожить вместе 42 года, чтобы ничего не произошло?! Чем-то оказался недоволен мой муж и подал на развод (снова смеется). Ужас! Это было смешно, конечно, но все утряслось.

«Отрезать усы у Дали»

Вы дружили с Сальвадором Дали и его русской женой и музой Галой. Великий мистификатор написал портрет Мстислава Леопольдовича. Работы Дали хранятся в вашей семейной коллекции.

Вообще-то ее звали не Гала, а просто Галя – как и меня. Наверное, она была не только умная, но и сильная личность. Но нас, женщин в русских селеньях, силой-то не удивишь! Мы с ней были похожи в нашей русской откровенности. Я познакомилась с ней, когда она уже была немолодой. Такая забавная пара. Сам Дали – экстравагантный человек с торчащими, как у таракана, усами. Я хотела его спросить, наклеены они у него или нет и как он спит с ними? И даже подговаривала Галю ночью их отрезать.

Кажется, Дали был подкаблучником?

Думаю, что да.

Гали – сильные женщины?

Знаете, что означает мое имя? Безмятежность, тишина, морской штиль (хохочет).

Муж и жена – одна сатана во всем, в том числе и в творчестве?

Они и должны быть одной сатаной. Надо обязательно говорить правду друг другу в том, что касается творчества. Это не сделает никто другой. Я Славе очень признательна за все его советы. Когда что-то не получается, надо непременно сказать, хотя это ужасно ответственно и можно рассориться из-за правды-матки, которую скажешь в глаза мужу или он мне. То же самое в жизни. Ведь именно я настояла, чтобы мы со Славой уехали тогда из СССР. Он не хотел, долго сопротивлялся.

Вы любите рубить правду-матку?

Моя бабушка научила своих детей и внуков следовать двум заповедям: не врать и не воровать. Когда концерт моего приятеля мне не нравился, я не могла пойти к нему после

Галина Вишневская и Мстислав Ростропович в 1964 году

его выступления за кулисы. Если он плохо играл или пел, у меня сразу все на физиономии было написано. Врать просто не могу!

Мы беседуем в вашей парижской гостинице, украшенной портретами русских императоров и императриц. Какие из этих картин вы считаете самыми интересными?

Перед нами на стене потрясающий портрет царицы Елизаветы художника Лампи, который мы недавно купили. А это убиенный папочкой царевич Алексей Петрович. Он написан был, по-моему, в Страсбурге, когда Алексей ездил свататься к своей первой жене Шарлотте. Вот Петр I, которого нарисовал в Голландии в 1717-м году – царь ему позировал – художник Карел де Моор. Он рисовал и Екатерину I. Наконец, портрет Николая II кисти Серова – смотрите, какая обреченность во взгляде!

Вы честолюбивый человек?

Нет. Я просто делаю свое дело и делаю его хорошо. Знаю свои достоинства, а главное – недостатки. Я всегда была хорошей артисткой, понимала, что могу петь, а что нет. Чувствовала свой потолок, который у меня достаточно высокий. Никогда не выходила на сцену неподготовленной. Никогда из жадности не хватала роли, не рвалась на гастроли, а спокойно работала и всегда хотела быть лучше всех. Когда меня спрашивают, как сделать карьеру, я отвечаю: «Выходи на сцену и будь лучше всех. И тебя заметят».

В тему

«Галина Павловна, вы замуж выходите! – радостно воскликнула служащая ЗАГСа, которая меня сразу узнала. – Давайте паспорт, душечка! Пишем: Галина Павловна Вишневская». «Теперь давайте ваш паспорт, – сухо говорит она Славе. – Рос… Рос… Господи, какая невозможная у вас фамилия. Товарищ, какая ваша фамилия?» – «Ростропович». – «Рассупович? Товарищ Рассупович! Сейчас у вас есть такая возможность – поменяйте фамилию – станете Вишневский. Как будет красиво!» – «Да уж я как-то привык к своей, спасибо», – отказался Слава.

ВЫСТАВКА «ПУШКИН И ТЕАТР» В БОЛГАРИИ

В Русском доме в Софии проходит выставка Бахрушинского музея «Пушкин и театр». Экспозиция, основанная на фондах крупнейшего театрального музея мира, раскрывает роль Александра Сергеевича Пушкина в истории отечественной сцены.

«Творчество Пушкина на протяжении почти двух столетий остается важнейшей частью истории отечественной сцены. В Софии мы представляем более 80 предметов из собрания Бахрушинского музея, которые показывают, как его произведения вдохновляли художников, сценографов, режиссеров и композиторов разных эпох. Мы рады продолжить зарубежный маршрут этого проекта вместе с Русским домом в Софии, с которым нас связывают долгие годы плодотворного сотрудничества», – отметила генеральный директор Бахрушинского театрального музея Кристина Трубинова.

Выставочный проект «Пушкин и театр» раскрывает масштаб влияния великого поэта на развитие национальной сцены. Пушкинские сочинения стали основой для таких знаковых постановок, как «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Руслан и Людмила», которые на протяжении десятилетий остаются в репертуаре ведущих театров мира.

«Для нас особенно ценно, что этот проект продолжает многолетнее сотрудничество Русского дома в Софии с Бахрушинским театральным музеем. За последние годы мы вместе представили здесь выставки, посвященные выдающимся мастерам русского театра. И каждый раз они находили живой интерес у болгарской публики. Уверен, что и нынешняя выставка станет еще одной возможностью для культурного диалога, который объединяют театр, литература

и искусство», – отметил директор Русского дома в Болгарии Тимур Дудаев.

В экспозиции представлено более 80 предметов из фондов Бахрушинского музея: эскизы декораций и костюмов, созданных выдающимися художниками конца XIX – начала XX веков, среди которых Иван Билибин, Михаил Врубель, Александр Головин, Наталья Гончарова, Константин Коровин, Мартирос Сарьян. В числе экспонатов посетители также увидят фотографии сцен спектаклей и фотооткрытки актеров в образах пушкинских персонажей, программы и буклеты постановок XIX–XX веков и проекты сценического оформления, авторами которых выступили крупнейшие советские театральные художники – Иван Севастьянов, Петр Бендель, Софья Юнович.

В экспозиции представлено шесть тематических разделов. Первый раздел погружает посетителей в атмосферу театра пушкинских лет, вдохновившую писателя на создание статьи «Мои замечания об русском театре». Далее зритель знакомится с историей сценической жизни народной трагедии «Борис Годунов» – от первых постановок на императорской сцене до знаковых интерпретаций XX века. Отдельное место в экспозиции занимают материалы, созданные на основе цикла пьес «Маленькие трагедии», положившего начало русской философской драматургии. Посетители также увидят эскизы и фотографии к опере А. С. Даргомыжского по одноименной пьесе «Русалка», определившей целое направление в отечественном музыкальном театре. Значительный блок экспозиции посвящен театральным версиям «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» – произведениям, ставшим основой для оперных шедевров и новаторских режиссерских решений. Завершает выставку раздел, посвященный сказкам Пушкина: «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане» и «Золотой петушок». Здесь сценографы обращаются к фольклорным мотивам и декоративной образности народного искусства, создавая на сцене яркий и фантазийный мир.

Выставка «Пушкин и театр» продлится в Русском доме в Софии до 21 октября 2026 года.